Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 72

ЧИТАТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

МАТЕРИАЛЫ
научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»
(2016 – 2018)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2019

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
Ч 69

Серия основана в 1996 году.

Ч 69 **Читатели, писатели, коллекционеры** : материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (2016–2018) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2019. — 280 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 72).

ISBN 978-5-94595-096-2

Настоящий выпуск научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» «Читатели, писатели, коллекционеры» включает в себя материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе», проходивших в Пушкинском Заповеднике в 2016–2018 годах.

Научно-практические чтения «Библиотека в усадьбе» посвящены историям усадебных библиотек. За судьбой книги всегда стоит судьба человека или целого рода; за судьбой библиотеки — целая эпоха… Книжные коллекции, порой чудом сохранившиеся в смутные времена, по сей день хранят для нас огромный пласт культуры минувшего времени. От понимания той роли, которую играла книга в жизни русского дворянства, во многом зависят наши сегодняшние возможности понимания феномена этого «архипелага культуры» — русской усадьбы.

Издание предназначено для специалистов в области истории, музейного дела, литературоведения, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и истории пушкинских мест России.

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

Цитаты А.С. Пушкина в настоящем сборнике приведены по изданию: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Указание на источник даётся в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ISBN 978-5-94595-096-2
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», 2019

Научно-практические чтения «Библиотека в усадьбе» посвящены историям и судьбам усадебных библиотек как одной из составляющих истории и культуры нашей страны.

На рубеже XIX–XX веков в России было примерно 100 тысяч поместий и около 500 тысяч помещиков. Несмотря на то что дворянство в Российской империи в разные годы составляло от одного до двух процентов населения, а среднее дворянство — половину от этой цифры, его влияние на жизнь страны было велико. Многие владельцы усадеб демонстрировали образцы рачительного хозяйствования, но это влияние не ограничивалось хозяйственными вопросами. Во многом это было влияние в области культуры и искусства.

Дворянские усадьбы образовали целый архипелаг, каждый островок которого имел свою неповторимую историю, свои особенности развития и существования. Усадьбы оказали огромное влияние и на становление и формирование российского культурного ландшафта.

Революция в октябре 1917 года положила начало череде событий, сильно изменивших жизнь прежней России и отразившихся на культуре страны и её жителей. Уничтожение усадьбы как феномена живой культуры оказало разрушительное действие и на российский культурный ландшафт. Русская усадьба на протяжении долгого времени была пространством формирования литературного и художественного вкуса, духовной и нравственной культуры, семейных ценностей и традиций. В наступившей новой эре не нашлось для этого места, была прервана преемственность этой гуманистической традиции.

Чтения в Пушкинском Заповеднике приглашают к разговору о том, каким образом отразились исторические события и процессы в судьбе усадебных библиотек; о сохранённых и утраченных книжных коллекциях; о людях, которые уберегли во времена смуты и хранят сегодня огромный пласт культуры минувшего времени; о возможности возрождения «архипелага культуры» — памяти о русской усадьбе.

Людмила Беляева,
заведующая отделом
музейной научной библиотеки
Пушкинского Заповедника

I. Материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» «БИБЛИОТЕЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ УСАДЬБЫ» (22—24 апреля 2016)

Елена Субботина

ЛИЦЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БЫТОВАНИЯ

«Библиотека лицея составляет одно из лучших украшений заведения», — гласил второй параграф инструкции библиотекарю Императорского лицея. Инструкция была опубликована в приложении к фундаментальной монографии «Исторический очерк Императорского лицея», составленной Иваном Яковлевичем Селезнёвым к пятидесятилетию лицея в 1861 году. Там же читаем: «Библиотека лицея, равно как физический, химический, минералогический кабинеты и другие собрания, имеют целью как составлять пособие при воспитании и образовании юношества лицейского, так равно, смотря по средствам заведения и при благоприятных обстоятельствах, собирать редкое и достойное памяти в области просвещения, не ограничиваясь ни временем, ни различием языков, литератур и содержанием сочинений — исключая, разумеется, случаев, когда сочинения признаны вредными»[1].

История лицейской библиотеки неразрывно связана с Императорским Царскосельским (Александровским) лицеем. Библиотека была основана в первый год существования лицея, в 1811 году. Ещё до начала занятий (лицей был открыт 19 октября 1861 года) руководство учебного

[1] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского, лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. Приложение. С. 95.

заведения занимается её устройством. В лицейском архиве среди документов «о первом обзаведении лицея» хранится договор, заключённый в августе 1811 года между директором Императорского лицея Василием Фёдоровичем Малиновским и мастером Санкт-Петербургского временного столярного немецкого цеха Василием Кисти (Kiste). Мастер должен был «сделать для библиотеки Императорского лицея шесть шкапов, четыре приличные лестнички и одну деревянную берёзовую классную доску… Шкапы делать из сухого ясеневого дерева самым лучшим и прочным образом под красное дерево. Покрыть лаком чистым и крепким. Вышиной все шкапы в три аршина и три четверти, шириной в два и три четверти аршина, глубиной нижние шкапы в четырнадцать вершков, верхние в восемь вершков, нижние шкапы вышиной в один аршин с четвертью. Все нижние шкапы сделать с фелонками. На шпунтах, и в верхних сделать. На шпунтах рамы из ясеневого же дерева с переплётом для стеклов. Перекладная полка соснового дерева должна быть во всех верхних и нижних шкапах. Все шкапы выкрашены внутри белою краской… Две лестнички сделать вышиной в один аршин с четвертью, а другие две в два аршина. Ширина и число ступеней каждой должны быть пропорциональны вышине»[1]. Все шкафы и лестницы должны были быть готовы к 15 сентября.

Библиотеку разместили на третьем этаже, в арке, соединяющей актовый зал лицея с хорами дворцовой церкви. Окна библиотеки выходили на одну сторону — на Садовую улицу. Стены были выкрашены в голубоватый цвет, потолок расписан гирляндами. В библиотеке стояли ломберные столики и крашеные стулья с кожаными сиденьями, на стенах были масляные лампы.

Фонды библиотеки формировались постепенно. Комплектованием и разбором книг занималась конференция лицея — собрание лицейских профессоров под руководством директора. Практически на каждом заседании обсуждалась закупка необходимых изданий. Уже 30 октября 1811 года в журнале конференции находим: «Положено сделать строгий выбор книг и журналов каждому профессору по своей части, представить списки конференц-секретарю, для сделания одного общаго, который положено представить на благоусмотрение его сиятельства господина министра, и другой такой же оставить при сём журнале»[2].

---

[1] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

Преподаватели представляли списки необходимых учебных пособий и книг в конференцию лицея. Если конференция признавала целесообразность их закупки, то, узнав предварительно цену, поручала тому же преподавателю купить нужные книги. Деньги на покупку выдавались из хозяйственного правления лицея.

Первоначально в состав библиотеки входили «учебныя руководства и книги учёнаго содержания, некоторые весьма ценныя, приобретаемыя как пособия при занятиях воспитанников и самих профессоров»[1]. В 1811 году выписывались семь русских и восемь иностранных журналов, среди которых «Вестник Европы», «Чтение в беседе любителей русского слова», «Друг юношества», «Русский вестник», «Военный журнал», «Московские ведомости». В списках журналов, необходимых для лицея, находим также «Аглаю», «Северный Меркурий», «Дух журналов», «Российский музеум», «Сын Отечества» и многие другие. Для чтения журналов и газет была создана специальная газетная комната. К чтению периодических изданий допускались не только все служащие лицея, но и воспитанники старшего возраста под наблюдением профессоров, которые должны были предварительно прочитать газету и одобрить её для воспитанников.

Однако книг всё же было недостаточно. На это уже в первый год своего директорства обратил внимание Егор Антонович Энгельгардт. Он пытался решить эту проблему разными способами. Например, купить книжное собрание барона Моля во Франкфурте. Министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский (в должности с 1810 по 1816 год) предложил взять дублеты из Эрмитажной библиотеки для публичной библиотеки и для Царскосельского лицея. Но оказалось, что книги оттуда уже отданы в Общество благородных девиц, Коммерческое училище, Главный штаб, остальные — в публичную библиотеку, а для лицея ничего не осталось. В итоге уже следующий министр народного просвещения Александр Николаевич Голицын (в должности с 1816 по 1824 год) подаёт Александру I прошение о содействии в пополнении фондов библиотеки.

В декабре 1816 года последовало высочайшее распоряжение «отдать лицею библиотеку, находящуюся в Александровском дворце в Царском Селе с тем, чтобы оная сохранена была, ибо даётся она ему не в собственность, а только для пользования. На таком же основании взять и

[1] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… С. 72.

книги, находящиеся в Яшмовых комнатах, кои признаны будут полезными, и сверх того, отпускать в лицей все полезные книги из числа присылаемых в департамент министерства просвещения»[1]. Библиотека Александровского дворца была юношеской библиотекой Александра I, а книги из Яшмовых комнат составляли библиотеку Екатерины II. Хотя вначале предполагалось, что лицей будет только пользоваться книгами из библиотеки Александровского дворца, в 1817 году Александр I повелел передать библиотеку Александровского дворца в собственность лицея вместе со шкафами. В начале 1818 года библиотека была окончательно перевезена в лицей.

Надо сказать, разговоры о передаче лицею библиотеки Александра I велись ещё с 1811 года. В письме Александра Михайловича Горчакова Алексею Никитичу Пещурову от 22 декабря 1811 года находим: «Он отдал нам в подарок библиотеку, которая была у него в молодости. Говорят, что она хорошо обставлена. У нас отняли все бывшие у нас книги с тем, чтобы вернуть их нам, когда мы будем старше, и во время праздников и воскресений, не имея чем заняться, мы чрезвычайно скучали. Эта милость доставила мне весьма большое удовольствие: вы знаете мой вкус к чтению»[2].

В 1818 году Александр I повелел передавать лицею по одному экземпляру книг, напечатанных за счёт кабинета Его Величества для употребления в училищах.

Библиотека пополнялась также за счёт частных даров. Среди жертвователей книг были и князь А.Н. Голицын, передавший в дар лицею книги, большая часть которых касалась Библейского общества, и надворная советница Грязовская, в первом браке жена генерал-майора Ломоносова, подарившая книги в знак признательности за воспитание сыновей, и выпускник лицея И. Пущин.

К 1819 году в каталоге библиотеки значились книги по философии, богословию, правоведению, статистике и географии, истории, математике, физическим наукам, военному делу, сельскому хозяйству, медицине, словесности, справочники и словари, грамматики, детские книги, издания, касающиеся художеств и ремёсел, сочинения по случаю войны 1812 года, а также географические карты, атласы, эстампы. Книги

---

[1] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… С. 74.

[2] Императорский лицей в памяти его питомцев. Царскосельский лицей (1811–1843) / сост. Л.Б. Михайлова. СПб., 2011. С. 49–50.

были на русском, французском, немецком, английском, итальянском, латинском и греческом языках, встречались даже книги на арабском, татарском, польском, латышском и эстонском, еврейском. В 1820-е годы библиотека представляла собой уже достаточно большое собрание. Часть книг, «не следующих к употреблению воспитанниками», была отложена и хранилась под личным надзором директора, а некоторые книги и вообще поступили в обменный фонд.

В письмах лицеистов неоднократно встречаются упоминания о библиотеке, книгах, чтении в лицее. «У нас нет собственных библиотек, за исключением Ломоносова, у которого есть шкаф с 200–300 томами избранных книг; но мы стараемся получать книги из города», — пишет А.М. Горчаков в 1816 году[1]. А в письме А.Д. Илличевского к Павлу Николаевичу Фуссу находим следующие строки: «Достигают ли до нашего уединения вновь выходящие книги? Спрашиваешь ты меня; можешь ли ты в этом сомневаться?.. Мы стараемся иметь все журналы и впрямь получаем: «Пантеон», «Вестник Европы», «Русский вестник» и пр. Так, мой друг, и мы также хотим наслаждаться светлым днём нашей литературы, удивляться цветущим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича. Но не худо иногда подымать завесу протекших времён, заглядывать в книги отцов отечественной поэзии — Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитриева; там лежат сокровища, из коих каждому черпать должно. Не худо иногда вопрошать певцов иноземных (у них учились предки наши), беседовать с умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя от них красоты неподражаемые, переносить их в свои стихотворения»[2].

При этом начальство следило за тем, какие книги читают воспитанники. В правилах поведения воспитанников говорилось: «Без позволения директора не читать никаких книг, кроме классных и тех, кои профессорами могут быть назначены… А получаемые от родителей и родственников книги должно представлять директору на рассмотрение»[3]. В письме А.К. Голицына директору лицея по поводу дара надворной советницы Грязовской находим, что среди подаренных книг «примечены творения таких авторов, кои известны своим безбожием, и также сказки и иные неприличные книги для места воспитания юношества»[4].

---

[1] Императорский лицей в памяти его питомцев. С. 78.

[2] Там же. С. 139–140.

[3] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… С. 21–23.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 113. Л. 4.

Голицын требует исключить эти книги из библиотеки лицея и пансиона и так же поступать и с книгами, приходящими из департамента народного просвещения, «кои противны духу благочестия или неприличны и вредны для чтения юношеству». Их предлагают обменять на другие, «полезнейшие и лучшие».

Конференция лицея не только занималась пополнением библиотечных фондов, разбором книг, но и составляла правила пользования библиотекой. А с 1817 года, после утверждения нового штата, в лицее появилась должность библиотекаря. Первым библиотекарем лицея стал гувернёр барон Александр Фёдорович Остен-Сакен. В 1824 году его сменил Андрей Филиппович Оболенский, остававшийся в этой должности до 1839 года.

В 1822 году лицей передаётся в подчинение великому князю Константину Павловичу и поступает в Управление главного директора пажеского и кадетских корпусов, т. е. в Управление военно-учебных заведений. В конце 1820-х годов ситуация с комплектованием библиотеки несколько изменилась, поступления новых книг уменьшились. С 1827 года департамент Министерства просвещения перестал передавать книги в лицейскую библиотеку. Частных даров в этот период также не было. В основном библиотека пополнялась за счёт закупки учебников и различных руководств, которых потребовалось большое количество, поскольку увеличилось число воспитанников и преподавателей. Хотя встречаются и очень ценные приобретения, сделанные именно в этот период: так, в 1828 году были куплены редкие атласы и книга Э. Сведенборга.

В 1829 году в лицейскую библиотеку были переданы книги умершего профессора Карла Петровича Сент-Андре. У вдовы адъюнкт-профессора Василия Михайловича Архангельского была куплена небольшая библиотека, состоявшая из «отборных сочинений по части физико-математических наук»[1].

По-прежнему продолжается подписка на газеты и журналы. Яков Карлович Грот, выпускник 1832 года, пишет: «По-старому выписывались ещё для нас газеты и журналы, которые прикреплялись к нарочно устроенной для этого высокой конторке, и мы могли брать из лицейской библиотеки книги по собственному выбору, но на некоторых авторов было наложено безусловное запрещение. Так как, однако ж, надзор был

[1] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… С. 307.

почти исключительно внешний, то нам было очень легко обходить это запрещение: мы не только читали Вольтера, но и делали из него выписки, обозначая их каким-нибудь вымышленным именем»[1]. «Мы следили и за периодическою литературой: прилежно читали «Северную пчелу», «Телеграф», «Сын Отечества», «Телескоп» и, кажется, «Московский вестник». Особенно интересовала нас «Литературная газета»[2].

Позднее, в 1832 году, ситуация с чтением журналов и газет изменилась. По распоряжению великого князя Михаила Павловича воспитанникам запрещалось свободно пользоваться периодическими изданиями, поскольку «таковое чтение, по незрелости их понятий, без надлежащего истолкования и должного выбора статей может обратиться во вред»[3]. В этом же году в правилах о порядке получения лицеистами книг из библиотеки находим: «Им выдаются из неё только те книги, на чтение которых они имеют позволение от своих профессоров, и выдача сия производится самим инспектором»[4]. В воспоминаниях Александра Николаевича Яхонтова, окончившего лицей в 1838 году, находим: «В первые полтора года нашей жизни в лицее чтение всяких посторонних учению книг было запрещено. Излишняя строгость в этом отношении доходила до того, что мы, даже в свободное время, при появлении гувернёра прятали под стол романы В. Скотта в переводе Де-Шаплета. Помню, как однажды воспитанник старшего курса Александр Озеров одолжил мне, для прочтения, «Руслана и Людмилу» Пушкина и как гувернёр конфисковал у меня эту книгу, почитая её вредною, чем поставил меня, в отношении к Озерову, в неловкое положение. Насилу удалось мне выручить злополучную поэму через полгода. Теперь, во втором классе, допущено было чтение, но каждая книга должна была проходить через цензуру инспектора»[5]. А Константин Степанович Веселовский, учившийся в это же время, пишет в своих воспоминаниях: «Но в моё время чтение воспитанниками книг — иных, кроме принятых учебников, хоть допускалось, но не очень поощрялось. При лицейской библиотеке особого библиотекаря не было, а заведовал ею инспектор А.Ф. Оболенский, который очень неохотно выдавал из неё книги для чтения. Воспитанникам первых трёх классов он совсем их не выдавал, а воспитанникам

[1] Императорский лицей в памяти его питомцев. С. 328–329.
[2] Там же. С. 318.
[3] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… С. 308.
[4] Там же. С. 309.
[5] Императорский лицей в памяти его питомцев. С. 367.

4-го класса стоило немало труда, чтобы получить какую-нибудь книгу из библиотеки. Так, например, он выдавал книги только тогда, когда он сам бывал в библиотеке, а бывал он там очень редко и в неопределённое время; нужно было подкараулить его там, чтобы выпросить у него какую-нибудь книгу. Помню, что во время пребывания моего в лицее мне удалось прочитать из лицейской библиотеки не более трёх или четырёх книг»[1]. При этом воспитанники часто сами покупали для себя книги по предметам и темам, которыми они интересовались. Совместно, в товарищескую складчину, подписывались на «Библиотеку для чтения» и получали книги из Петербурга. В этом им помогал гувернёр и преподаватель немецкого языка Александр Семёнович Пецольд, ставший в 1839 году библиотекарем.

В 1843 году лицей переезжает из Царского Села в Петербург на Каменноостровский проспект. Императорский Царскосельский лицей переименовывают в Александровский, в честь его основателя Александра I. Библиотеку также перевозят из Царского Села в Петербург. В 1843 году проходил инспекторский осмотр. О состоянии учебных пособий в заключении инспекции говорилось: «Библиотека и кабинеты физический и минералогический в должной полноте и исправности. Каталог библиотеки составлен так, что каждое сочинение может быть легко отыскано, как по содержанию предмета, так и по названию автора… В библиотеке запрещённых начальством и не помеченных в каталоге книг не имеется»[2]. Библиотека разместилась на первом этаже в зале посередине здания; там же была приёмная.

Библиотекарем вместо А.С. Пецольда в 1844 году был назначен гувернёр и учитель Павел Александрович де Сен-Марк. В 1849 году его сменил Александр Александрович Крейсти, от которого уже в 1850 году библиотеку принял Яков Тимофеевич Спешнев, оба воспитатели. В 1854 году (и до 1859 года) библиотекарем стал преподаватель русского и славянского языков И.Я. Селезнёв. Затем библиотекарями были Эбергард Иванович Папе, Я.Г. Северский.

Вообще, как можно видеть, библиотекари менялись довольно часто. И не всегда они были достаточно профессиональными. Так, в воспоминаниях лицеиста XXIX курса (1862–1868) Дмитрия Ивановича Львова по поводу воспитателя и библиотекаря Э.И. Папе есть замечания, что

[1] Императорский лицей в памяти его питомцев. С. 408–409.
[2] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… С. 311.

он, будучи иностранцем, посредственно владел русским языком и имел самые смутные представления о русских авторах: «Предъявляемые воспитанниками на записках требования о выдаче для прочтения книг [нередко] не понимал совсем и отказывал, мотивируя, что в библиотеке требуемых книг не имеется»[1].

Тем не менее чтение играло большую роль в жизни лицеистов. Николай Александрович Корф, окончивший лицей в 1854 году, писал: «Между тем как юнкера и пажи того времени хвастали друг перед другом тем, кто кого перепьёт и перещеголяет ещё кое в чём, у нас хвастали тем, кто кого больше прочёл. Твёрдо помню, до чего общественное мнение нашего курса относилось пренебрежительно к тому, который мало читал; до такой степени, что если, бывало, товарищ спросит, читал ли ты, положим, «Гамлета», то отвечаешь уверенно «читал», хотя бы ещё не успел ознакомиться с этим произведением, и от дальнейших расспросов отделываешься уклончивыми ответами; сам же спешишь достать себе книгу, прочесть её украдкой и затем возобновить о ней разговор… Наш курс читал такое множество книг, что, вероятно под влиянием реакции, наступившей в России и Западной Европе после печального вырождения республики во Франции в наполеоновскую деспотию, у нас была введена цензура: было установлено, чтобы всякая из читающихся книг имела на себе подпись инспектора в свидетельство того, что она к чтению разрешена; помню, какие ворохи книг мы свозили по воскресеньям, возвращаясь из дому, оставляя в швейцарской книги, которые затем в понедельник утром разносились по классам, за исключением отобранных, о которых начальство предполагало, что мы отвозили их обратно домой, не читая их… Само собою разумеется, что товарищи обменивались книгами между собой; нередко бывали и диспуты о прочитанном»[2]. Очень часто сомнительные книги, по воспоминаниям лицеистов, привозились и читались тайком, а воспитатели смотрели на это сквозь пальцы; но не все так относились к чтению запрещённой литературы. Александр Лукич Соколовский, окончивший лицей в 1857 году, вспоминал, как воспитатель Яков Тимофеевич Спешнев (бывший и библиотекарем) «не только запускал глаза во всякую книгу, какую читал воспитанник, но делал на книги даже настоящие облавы, для чего, нередко воспользовавшись временем, когда воспитанники были в церкви или в саду, он обходил

[1] Императорский лицей в памяти его питомцев. С. 243.
[2] Там же. С. 51–52.

классные конторки, рылся в них, отыскивая запрещённые книги»[1]. Найденная запрещённая книга оставалась у Спешнева до субботы, при этом нередко он не только читал её сам, но иногда даже беседовал о прочитанном с владельцем книги, которому она аккуратно возвращалась для отвоза домой с просьбой таких книг больше в лицей не привозить. Соколовский однажды пожаловался в присутствии нескольких воспитанников другого учебного заведения на такую ситуацию с чтением книг в лицее. В ответ ему возразили, что у них воспитатель, поймав ученика за чтением любой книги, кроме учебной, разрывает книгу на глазах владельца, а его самого отправляет в карцер.

Право пользоваться книгами лицейской библиотеки в это время предоставлялось лицам, состоявшим при воспитании и учебной части, а равно и воспитанникам окончательного курса с разрешения инспектора; младшего же возраста воспитанники получали книги не иначе, как через воспитателя или преподавателя[2]. Позднее библиотекой разрешено было пользоваться и воспитанникам трёх старших курсов.

Библиотека лицея в это время состояла из двух отделов: классные библиотеки и общая библиотека. Классная библиотека, в свою очередь, также состояла из двух отделений: одно — классные руководства, учебники, число которых должно было примерно равняться числу воспитанников, другое отделение — классные пособия, то есть различные вспомогательные сочинения, служившие для «совершенствования при исследовании предмета чтения». Их количество могло ограничиваться одним или несколькими экземплярами. И общая библиотека, и классные библиотеки имели свои каталоги.

Библиотека пополнялась или с разрешения директора, или по определению совета лицея, а за её состоянием и действиями библиотекаря наблюдал инспектор лицея. Библиотекарь обязан был «пещись как о чистоте, опрятности и возможно лучшем наружном устройстве библиотеки, так в той же мере заботиться о внутреннем порядке, на основании предписаний начальства, и о возможном обогащении содержания библиотеки, входя по сему предмету с представлениями к директору»[3]. Библиотекарь вёл две инвентарные книги: библиотечных книг и классных пособий. Классные библиотеки находились в ведении классных воспитателей под наблюдением инспектора классов.

---

[1] Императорский лицей в памяти его питомцев. С. 116.

[2] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… С. 427.

[3] *Селезнёв И.Я.* Исторический очерк… Приложение. С. 97.

В это же время на книгах появились штампы и экслибрисы: «Библиотека Императорскаго Александровскаго лицея».

Специального читального зала в лицее не было, книги выдавались на руки для чтения вне библиотеки. За один раз выдавались пять книг на срок не более трёх месяцев. Позже, в 1898 году, в «Правилах об устройстве библиотеки и пользования ею» находим, что «книги выдаются не долее как на месяц и не более 6 томов»[1]. Книги из классных библиотек выдавались на две недели и только по одному тому. Редкие и справочные издания выдавались воспитанникам только для пользования в лицее, и о выдаче таких книг библиотекарь должен был каждый раз сообщать инспектору классов.

Если книги не возвращались в срок, то из жалованья читателя вычиталась их стоимость. С лицеистов же эта сумма взыскивалась при выпуске — из пособия по окончании курса, из жалованья или истребовалась от родителей. В лицейских правилах 1899 года говорилось, что утерянные книги и журналы должны быть тотчас же заменены новыми экземплярами или оплачены по рыночной цене. При этом лицеист лишался права пользования книгами на оставшееся время. Так же поступали в случае, если лицеист плохо обращался с книгами: его могли на время или же навсегда лишить права пользования библиотекой. Все учебники и пособия должны были быть возвращены лицеистом в библиотеку в день экзамена, а книги — до 25 мая. На лето книги могли оставаться только с разрешения инспектора классов. Из классных библиотек книги на время каникул не выдавались. Книги воспитанник должен был возвращать в библиотеку лично, «от дядек» книги не принимались.

Библиотека была открыта четыре дня в неделю: по понедельникам и четвергам с 10 до 12 часов, по средам и субботам с 10 до 13 часов.

Для чтения журналов и газет существовало особое помещение, «лектория». Периодическими изданиями могли пользоваться те же лица, которые имели право пользования общей библиотекой. Лицеистов за чтением газет мы видим на старых фотографиях. Ежемесячные издания оставались для чтения на весь месяц, еженедельные — на неделю, дневные — на три дня. После этого издания убирались в шкаф, имевший особую опись, и выдавались по тем же правилам, что и другие книги из общей библиотеки. При лектории состоял канцелярский служитель, ко-

[1] Памятная книжка Императорского Александровского лицея за 1898/99 учебный год. СПб., 1899. С. 152.

торый следил за поступлением и сдачей журналов и газет в библиотеку. Журнал, взятый для чтения, должен был быть возвращён через неделю.

Лицей свято хранил память о своих воспитанниках, особенно — об А.С. Пушкине. Ещё при праздновании пятидесятилетия лицея в 1861 году впервые возникла мысль о создании пушкинской библиотеки. Осуществление этой идеи затянулось, и только в 1879 году начальство лицея напрямую обратилось к лицеистам с воззванием о необходимости воплощения в жизнь идеи о «пушкинской библиотеке». В её состав должны были войти все отдельные издания сочинений Пушкина, все альманахи, периодические издания, сборники, в которых были помещены произведения Пушкина, отдельные сочинения о Пушкине и периодические издания, в которых встречаются статьи о нём. Так начала формироваться Bibliotheca Puschkiniana. А спустя пять лет было решено образовать при лицее библиотеку, в которую входили бы сочинения всех без исключения бывших лицеистов (Bibliotheca Lyceana). Кроме того, в ней были представлены статьи и сочинения, написанные о лицеистах, их биографии, мемуары, разборы сочинений. Подобной библиотеки не существовало ни при одном учебном заведении.

Лицейская библиотека, так же как и сам Императорский Александровский лицей, просуществовала до 1918 года. Лицей был закрыт, а книги решено было перевезти на Урал. В Екатеринбург было отправлено около 20 тысяч томов. Книги были разрознены и разделены между разными библиотеками, как вузовскими, так и городскими. Сейчас книги из лицейской библиотеки находятся в Уральском государственном университете, Уральской горной академии, Уральской юридической академии, Академии госслужбы. Есть они и в Пушкинском Доме, и в библиотеке Академии наук. Часть книг в 1963 и 1977 годах была передана во Всероссийский музей А.С. Пушкина. Около 600 томов из лицейской библиотеки представлены в экспозиции музея, часть хранится в фондах.

Юлия Узенёва

К ВОПРОСУ ОБ УСАДЕБНЫХ БИБЛИОТЕКАХ ДВОРЯН ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Обзор сведений о составе усадебных библиотек псковского дворянства

Книги были во многих дворянских семьях, их количество и состав зависели от интересов домочадцев. В состоятельных домах личная библиотека становилась непременным атрибутом домашней обстановки и показателем кругозора дворянина. Но, конечно, не все личные библиотеки того времени могут служить выражением действительной потребности чтения: они часто соответствовали веяниям моды и вкусам времени. К тому же в конце XVIII века была заложена традиция коллекционирования книг. Чаще всего дворяне отдавали предпочтение исторической литературе, справочникам для занятия хозяйственными делами, а также переводной беллетристике: рыцарским, назидательным и сентиментальным романам.

Как известно, в Тригорском была богатая библиотека. Её каталог был составлен известным пушкинистом Б.Л. Модзалевским, который в 1902 году посетил Тригорское. Из каталога следует, что в библиотеке были сентиментальные французские романы, энциклопедические словари, домашние лечебники, исторические книги, старинные журналы и альманахи, а также коллекция календарей, принадлежавших хозяйке имения П.А. Осиповой. Всего в библиотеке насчитывалось 352 наименования книг, причём две трети книг, или 243 наименования, относились к XVIII столетию, остальные 109 книг — к первой половине XIX века. Модзалевский разделил всю библиотеку на шесть отделов[1]. В первый, самый большой, отдел вошла так называемая «изящная литература» (собрания сочинений известных писателей, поэтов, различные романы, повести и альманахи), во второй — детские книги и учебники, в третий — историческая литература, в четвёртый — медицинские справочники и литература о путешествиях, в пятый — философская, политическая, богословская литература, в заключительный, шестой, — словари, жур-

[1] *Модзалевский Б.Л.* Поездка в Тригорское в 1902 году // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 19–52.

налы и книги об искусстве. Книги были на разных европейских языках. Подавляющее большинство книг было на французском языке, чуть меньше — на немецком; 50 изданий — книги, переведённые на русский язык, 42 книги — собственно на русском языке; на итальянском языке насчитывалось 16 изданий.

В соседней усадьбе Голубово Островского уезда Псковской губернии также была замечательная библиотека, в которой насчитывалось свыше трёх тысяч томов. Хозяин имения Борис Александрович Вревский серьёзно относился к чтению книг и газет. Он родился и вырос в Париже, первоначальное обучение получил в школе иезуитов. Там его приучили к выдержке и самообладанию, труду и добросовестному отношению к делу. Борисом Александровичем был составлен каталог книг, приобретённых в библиотеку с 1831 по 1874 год. Он хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома[1], куда поступил от Модеста Людвиговича Гофмана. Об этом свидетельствует надпись, выполненная Б.Л. Модзалевским в 1915 году. Каталог небольшого формата, в нём выполнена разбивка на шесть граф. В графах по порядку записывались имя автора книги, её название, количество томов, размер, год выпуска и место печати. Большую часть книг составляла литература на французском языке, в основном это книги первой половины XIX века, но 60 наименований книг были XVIII века. Была литература и на немецком языке, но всего лишь 86 наименований, из них шесть — книги XVIII века, остальные — XIX столетия. На английском языке было всего 17 наименований книг, из них четыре — XVIII века. На русском языке в каталоге числится 217 наименований книг, среди которых была духовная литература. Например, Евангелие 1816, 1823 и 1861 годов, «Поучительные слова, притчи и проповеди» 1835 года, «Поучения православной церкви» 1843 года, «Принципы для христианина» 1828 года и т. д. В библиотеке был труд Н.М. Карамзина «История Государства Российского» в семи книгах 1817 года. Хранились книги А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, И.И. Козлова, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова, А.С. Грибоедова, а также полные собрания сочинений русских авторов (30 книг): А.Д. Кантемира, Д.И. Фонвизина, И.М. Долгорукова, Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова[2] и другие.

---

[1] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ РО). Ф. 244. Д. 2540. 52 л.

[2] ИРЛИ РО. Ф. 244. Д. 2540. Л. 23–35.

В 1840-е годы Вревский являлся постоянным подписчиком Белизара, петербургского книгопродавца, у которого много книг приобретал в последние годы А.С. Пушкин. В счёте от Белизара на 13 рублей серебром на бланке 1840-х годов перечислены выписанные Вревским сочинения Капниста, Измайлова, Долгорукова, Тредиаковского, Кострова, Судовщикова и других российских авторов. В общем списке получаемых изданий — «Театральный и музыкальный вестник», журналы «Современник», «Вестник Европы», «Дамский журнал», «Труды вольного экономического общества»[1]. Выписывал Вревский разные журналы, в том числе «Русский вестник» М.Н. Каткова, «Русский архив» П.И. Бартенева, «Московский телеграф» Н.А. Полевого, «Северные цветы» А.А. Дельвига, «Библиотеку для чтения» О.И. Сенковского, «Отечественные записки» А.А. Краевского, а также интересный журнал для детей «Звёздочка» А.О. Ишимовой. Он всегда старался быть в курсе событий и читал свежие газеты. Среди них — «Сын Отечества», «Сенатские ведомости», «Санкт-петербургские ведомости», «Московский вестник», «Псковские губернские ведомости», «Журнал Псковской губернии», «Северная пчела», «Вестник русского географического общества» и некоторые другие[2].

В усадебной библиотеке были и различные хозяйственные справочники. В каталоге упоминаются следующие книги: «Агрономия, домоводство и медицина. 1834/1835», «Записки для городских и сельских хозяев, 1843», «Русский практический огородник, 1842», а также «Труды Вольного экономического общества» в 12 томах и другие издания[3]. Отдельно в каталоге перечислены карты и географические планы.

Родители А.С. Пушкина, живя в Михайловском, пользовались книгами своих соседей Осиповых в Тригорском, а также знакомых Вревских из имения Голубово. «Вревские дают нам книги, и в деревне это большая отрада»[4], — сообщал Сергей Львович Пушкин дочери Ольге. С ней он делился своими впечатлениями о прочитанных книгах: «Вревские продолжают давать нам книги, как и Газету и Заграничное обозрение. В последнее время и теперь я ещё читаю мемуары Байрона, писанные

---

[1] *Лобанова Э.Ф.* Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских // Усадьба в русской культуре XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 49–50.

[2] ИРЛИ РО. Ф. 244. Д. 2540. Л. 44.

[3] Там же. Л. 40.

[4] Мир Пушкина. Дневник Н.О. и С.Л. Пушкиных в письмах к дочери О.С. Павлищевой, 1828–1835 годы. СПб.: Пушкинский фонд, 2015. С. 179.

Муром. Надо признаться, что этот Великий Гений много мелочного имел в характере и, случалось, вёл себя как сущий пьяница, каким он и был. Дабы примириться с ним, мне нужно было его перечитать. Как Поэта я его люблю, но как человека… нимало! Я для этого не довольно цивилизован. Читал я ещё Мемуары Базиля Галя, капитана английского корабля, попадаются места очень интересные»[1].

Из воспоминаний Софьи Васильевны Ковалевской известно, что в усадьбе Полибино была библиотека. Она находилась рядом с залой, и в ней везде, на диванах и на всех столах, лежали томики иностранных романов или русские журналы. Очень любил пользоваться библиотекой родной дядя Софьи Васильевны, Пётр Васильевич, который из всех наслаждений ценил только чтение. «Чтение до запоя, до дури было его единственной слабостью. Политика очень занимала его. С жадностью поглощал он газеты, приходившие к нам раз в неделю, и потом долго сидел и обдумывал»[2].

Софья Васильевна отмечала, что в их большой полибинской библиотеке не было отечественных авторов, она состояла преимущественно из иностранных книг. «Главное же богатство нашей библиотеки состояло в массе старых английских романов, преимущественно исторических, в которых действие происходило в средние века, в рыцарский период»[3]. Такими романами увлекалась её старшая 15-летняя сестра Анна: «…Она набросилась на все романы, какие только находились в нашей деревенской библиотеке»[4]. Детских книг в полибинской библиотеке было немного, поэтому она с жадностью читала хрестоматию Филонова, благодаря которой она познакомилась с произведениями классиков русской литературы. Упоминание о том, что семья Корвин-Круковских выписывала некоторые журналы, говорит о том, что семья была состоятельной: многим провинциальным помещикам подписка на периодические издания была просто не по карману. Софья Васильевна вспоминала: «У нас в семье много читали и выписывали новых книг. К каждой книжке, к каждому печатному слову не только мы, но и все наши окружающие относились как к чему-то приходящему к нам издалека, из какого-то неведомого, чуждого и не имеющего с нами ничего общего мира»[5].

---

[1] Мир Пушкина. Дневник Н.О. и С.Л. Пушкиных в письмах к дочери… С. 247.

[2] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. М., 1986. С. 67.

[3] Там же. С. 84.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 103.

Библиотеки были в домах и многих других псковских помещиков. В Кярово, имении Коновницыных, была библиотека; владелец дома между хозяйственными делами занимался чтением русской и иностранной литературы по разным отраслям знаний, много переводил, творчески осмысливал прочитанное и отражал в своих записках[1].

В усадьбе дворян Креницыных Цевло была большая библиотека, в которой находились книги российских авторов, французская литература, учебники, стоимость которых оценивалась в 15 тысяч рублей[2]. О содержании этой библиотеки узнать невозможно: в 1821 году в имении случился пожар, и всё имущество, в том числе и книги, сгорело.

В имении псковских дворян Пальчиковых Щиглицы была хорошая библиотека, в которой встречались достаточно редкие экземпляры духовной литературы. В ней находились старопечатные книги, такие как «Служебник» 1693 года, Псалтырь 1742 года, а также Толковое Евангелие XVIII века болгарского архиепископа Феофилакта, Служебник второй половины XVIII века. Среди исторических книг была «Древняя история об египтянах» Шарля Роллена 1753 года, полное собрание сочинений М.В. Ломоносова 1794 года, а также многочисленные книги на французском языке[3].

В усадьбе Мелехово Великолукского уезда в господском доме помещика Лавра Степановича Лаврова имелась богатейшая библиотека, в которой была знаменитая «Энциклопедия» французских материалистов XVIII века, немецкая историческая хроника с выразительными гравюрами, роскошно иллюстрированные издания.

В имении Васильчиковых-Строгановых в Волышово была большая библиотека. В ней находились сочинения классиков, произведения французских и немецких писателей периода романтизма. Значительным был и философский отдел библиотеки, состоявший из французских и немецких изданий. Много было в ней развлекательной беллетристики, подписных изданий, романов (то и другое на разных языках и нередко с неразрезанными страницами). Солиднее всего выглядели сотни томов на английском языке, посвящённых коневодству, конному спорту, охоте[4].

---

[1] *Иванов Е.П.* Генерал Пётр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 32.

[2] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 673. Л. 13.

[3] Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ПГОИАХМЗ). Древлехранилище. Ф. 548.

[4] *Проскурякова Г.В.* Волышовская старина. СПб., 2008. С. 28.

В Богдановском, имении Дмитрия Николаевича Философова, наряду с картинами, статуями было много прекрасных книг, привезённых из частных поездок за границу. Из дневника его 18-летнего сына Владимира Философова известно, что особое место в его жизни занимало чтение. Книги были его духовной пищей. Он много читал, особенно вечерами и в дождливую погоду. Любимыми авторами были У. Шекспир, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, А. Бестужев. За месяц пребывания в Богдановском в 1838 году Философовым было прочитано 12 книг. В дневнике дважды упоминаются произведения известной английской романистки Анны Радклиф, одной из основательниц «готического» романа тайн. Философов читал её романы «Полночный колокол» и «Пустынник таинственной гробницы».

Была в библиотеке Владимира Дмитриевича историческая литература, в том числе произведения Плутарха, а также Энциклопедический лексикон — русская энциклопедия, которая издавалась в 1834–1841 годах. Интересовался он и периодической печатью: в дневнике встречаются упоминания о «Литературном прибавлении». Можно предположить, что это были «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», которые выходили в Петербурге с 1831 по 1839 год и включали в себя следующие отделы: пересмешки, словесность, критика, смесь и моды[1].

Была и французская литература в библиотеке Философовых. Так, из дневника известно, что в Богдановском Владимир Философов читал Heptameron contes de la reine de Navarre (Гептамерон. Новеллы королевы Наваррской). Это собрание новелл, написанных французской принцессой Маргаритой Наваррской (Валуа). Новеллы были написаны в духе Боккаччо — поэтичные, соединяющие лёгкость сюжетов с некоторой поучительностью. Беседы кавалеров и дам, от имени которых велись рассказы, были полны остроумия и душевной чуткости[2]. В дневнике встречаются названия и других французских книг, прочитанных Философовым, но без авторства.

Упоминается также, что В. Философов в Богдановском читал работы бельгийского юриста и историка, профессора гражданского права в Гентском университете Франсуа Лорана[3], книгу, посвящённую историческим событиям во Франции (осаде крепости Ла-Рошель), автор кото-

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1991. Т. 34. С. 803.
[2] Там же. Т. 36. С. 604.
[3] Там же. Т. 35. С. 12.

рой не указан, а также некое произведение «Чёрный рыцарь», тоже без указания авторства.

Серьёзное, вдумчивое чтение в этот период становится важной составляющей повседневной жизни дворянства. Состав библиотек провинциального дворянства раскрывает весьма разнообразные интересы, которыми жили представители высшего сословия в первой половине XIX столетия.

Алла Полосина

«НО ЛУЧШЕ ВСЕГО У ПУШКИНА — ЕГО ПРОЗА»

Книги Пушкина и о Пушкине в библиотеке Л.Н. Толстого

По мнению Шарля Нодье, «собирание книг — приятнейшее из всех занятий, но немногим менее приятно рассказывать о собранных книгах и делиться с публикой теми духовными сокровищами, что таит в себе литература. Рассказы эти становятся не только источником удовольствия, но и потребностью для страстного библиофила»[1]. Собирание книг было одной из традиций русского дворянства. Александр Сергеевич Пушкин, по мнению М.А. Осоргина, «был книголюб, самый настоящий и едва ли не единственно настоящий из всех больших русских писателей»[2]. Увы, участь библиотеки А.С. Пушкина после смерти её хозяина оказалась весьма плачевной (библиотеке Л.Н. Толстого в этом смысле повезло больше). К сожалению, в окружении А.С. Пушкина людей, которые понимали бы ценность его книжного собрания и оберегали его, не оказалось. Библиотеку Пушкина перемещали с места на место. После смерти поэта она хранилась в запечатанных ящиках четыре года — до 1841-го, затем была сдана «под расписку на сохранение вдове Н.Н. Пушкиной. Но вскоре началось медленное распыление его библиотеки, уже никем не оберегаемой… Претерпев ряд перевозок с места на место, она наконец в 1906 году была приобретена Академией наук»[3]. Отсутствие некоторых изданий поэта в его библиотеке исследователи объясняют тем, что они «были взяты «на память» кем-то из близких поэта»[4]. Библиотека, по сути, была спасена Б.Л. Модзалевским, который составил и её описание.

Библиотеке Толстого повезло больше: она хранится как цельное собрание. Сказать, что Лев Николаевич Толстой был страстным библиофилом, было бы преувеличением. Однако яснополянская библиотека — родовая: она собиралась несколькими поколениями просвещённых русских аристократов. Здесь и прадед Толстого князь Николай Иванович Горчаков, и дед по материнской линии князь Николай Сергеевич Волконский, и мать писателя графиня Мария Николаевна Толстая, и его

---

[1] *Нодье Ш.* Читайте старые книги. В 2 т. М., 1989. Кн. 2. С. 6.

[2] *Осоргин М.А.* Пушкин-книголюб // Московский журнал. 1999. № 6. С. 22.

[3] *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. М.: Книга, 1988. С. 5.

[4] Там же. С. 8.

отец граф Николай Ильич Толстой, и сам Лев Николаевич. Заметим, что ни князь Н.С. Волконский, ни Л.Н. Толстой экслибриса своей библиотеки не имели (как, впрочем, и Пушкин).

Из «Воспоминаний» Толстого известно, что его отец «собирал библиотеку, состоящую, по тому времени, в французских классиках, исторических и естественноисторических сочинениях — Бюффон, Кювье. Тётушки говорили… что отец поставил себе за правило не покупать новых книг, пока не прочтёт прежних. Но, хотя он и много читал, трудно верить, чтобы он одолел все эти Histoires des croisades et des papes, которые он приобретал в библиотеку. Сколько я могу судить, он не имел склонности к наукам, но был на уровне образованья людей своего времени. Как большая часть людей первого Александровского времени и походов 13, 14, 15 годов, он был не то что теперь называется либералом, а просто по чувству собственного достоинства не считал для себя возможным служить ни при конце царствования Александра I, ни при Николае»[1].

После деда и отца Толстой унаследовал более 500 книг на русском и иностранных языках. Со времён деда Толстого, князя Н.С. Волконского, в яснополянской библиотеке было в том числе издание «Этюдов природы» Бернардена де Сен-Пьера (Париж, 1787–1788). Восьмитомник того же автора есть и в библиотеке А.С. Пушкина (в брюссельском издании 1820 года).

Софья Андреевна Толстая по приезде в Ясную Поляну в сентябре 1862 года обнаружила два шкафа с книгами. Это и были те 500–600 томов, которые достались Льву Николаевичу от деда и родителей, да ещё некоторые, приобретённые им самим. По свидетельству Р. Левенфельда, относящему к концу XIX века, «библиотека Толстого, тщательно приведённая в порядок графинею, которая вносит в каждую книгу название шкафа, отделов и нумер (sic!), заключает в себе множество русских классиков и в особенности французских историков, классиков великих культурных народов, большей частью в хороших изданиях, и множество переводных произведений Толстого на всех европейских языках»[2].

Но первым, кто дал представление о яснополянской библиотеке Толстого, был писатель Г.П. Данилевский (в 1886 году). В комнате для

---

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений («Юбилейное»). В 90 т. М., 1928–1964. Т. 34. С. 67, 356.

[2] *Полтавский М.* У графа Толстого // Интервью и беседы с Львом Толстым / сост. и коммент. В.Я. Лакшина. М.: Современник, 1986. С. 124.

гостей он увидел, что «полки берёзовых шкафов, с стеклянными дверцами… снизу доверху уставлены старыми и новейшими, иностранными и русскими изданиями… Здесь, как и в шкафах и в нише, виднеются — в старинных и новых переплётах и без переплётов — издания сочинений Спинозы, Вольтера, Гёте, Шлегеля, Руссо, почти всех русских писателей, затем — Ауэрбаха, Шекспира… и других, иностранных и русских, духовных и светских мыслителей»[1].

Основной состав яснополянской библиотеки пополнялся самим Толстым и определялся потребностями его творческой деятельности. Так, например, за годы работы над романом «Война и мир» у него «образовалась целая библиотека книг»[2], на которые он мог сослаться. Такая же история повторялась с другими его сочинениями. Помимо этого, был период, когда он покупал книги в Москве на Кузнецком Мосту у владельца французского книжного магазина и библиотеки для чтения В.И. Готье. Толстой был также читателем публичных библиотек Петербурга и Москвы, дружил с выдающимися библиографами и знатоками книг. Он не раз обращался за библиографическими справками к П.И. Бартеневу, В.Ф. Одоевскому, С.А. Соболевскому, В.В. Стасову, Н.Н. Страхову и другим эрудитам и знатокам книги. Из Румянцевской библиотеки через Н.И. Стороженко ему доставляли множество английских книг (например, о Китае)[3].

Почти все книги XVII века появились в библиотеке Ясной Поляны благодаря публицисту и критику Н.Н. Страхову. В 1881 году по просьбе Толстого он прислал ему книгу Филона Александрийского, толкователя Ветхого Завета и теоретика иносказательной интерпретации библейских текстов. Эта книга в издании XVII века (Philonis Iudaei Opera exegetica in libros Mosis, De mundi opificio, historicos, & legales; Coloniae Allobrogum [Köln]: Petrus de la Rouière, 1613) является библиографической редкостью сама по себе и самой старой книгой яснополянской библиотеки в частности. В 1890 году, также благодаря Страхову, в библиотеке появилась редкая книга «Божественная экономия» (Амстердам, 1687), принадлежащая перу французского теолога, протестанта, по определению самого Страхова — «учёнейшего и знаменитейшего мистика» Пьера

[1] *Данилевский Г.* Поездка в Ясную Поляну // Интервью и беседы с Львом Толстым. С. 25.

[2] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 60. С. 13.

[3] *Лазурский В.Ф.* Дневник. Ясная Поляна // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 90.

Пуаре, объединившего в своих трудах в одну оригинальную систему картезианские идеи и христианство.

Большой вклад в библиотеку внесло целое поколение современных Толстому деятелей культуры. Речь идёт о книгах с автографами русских и иностранных писателей, художников, композиторов, учёных, которые присылали свои книги с автографами или дарственными надписями. Как отметил домашний доктор Л.Н. Толстого Душан Петрович Маковицкий, «библиотека Ясной Поляны составляется целым миром»[1]. В 1910 году вместо двух было уже двадцать восемь берёзовых жёлтых шкафов, и они стояли по всему дому. Всего же яснополянская библиотека насчитывает более 23 125 томов на тридцати девяти иностранных языках, включая книги, журналы, газеты и газетные вырезки.

Вопрос о приведении библиотеки в порядок возник ещё при жизни Толстого, в 1889–1890 годах. Создание первого карточного каталога яснополянской библиотеки связано с именем Алексея Митрофановича Новикова, учителя детей Толстого. Он вспоминал, что в яснополянской библиотеке «книг было много, 13 шкапов, и книг самых разнообразных: и исторических, и религиозных, и беллетристических… И все эти книги были свалены без описи, без всякого порядка, в 13 шкапах. Я не мог отнестись равнодушно к участи такого культурного богатства и засел за составление каталога и за расстановку книг»[2].

Толстой с большим вниманием относился к работе Новикова. Вернувшись из-за границы, дочь писателя Татьяна «стала помогать А.М. Новикову приводить в порядок библиотеку»[3]. А.Е. Грузинский также отмечал, что дочерью Толстого Татьяной Львовной Толстой-Сухотиной по указаниям Н.Н. Страхова «были составлены систематический и карточный каталоги, которые обновлены затем графиней С.А. Толстой в 1908 году»[4].

Супруга писателя графиня С.А. Толстая, понимая ценность библиотеки для последующих поколений, занималась каталожной работой со-

---

[1] *Маковицкий Д.П.* У Толстого. Яснополянские записки. В 4 кн. М., 1979. Кн. 4. С. 221.

[2] *Новиков А.М.* Зима 1889–1890 годов в Ясной Поляне (Картины яснополянской жизни в 1890-х годах) // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 442–443.

[3] Там же. С. 445.

[4] *Грузинский А.Е.* Ясно-полянская библиотека // Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 135.

вместно с Д.П. Маковицким. По его свидетельству, «Софья Андреевна, кашляя и жалуясь на трудность для неё этой работы, привела в порядок журналы, записала в каталог книги, полученные в последние месяцы, и разложила их по шкафам, распорядилась о сохранении газет. Очень быстро и аккуратно работает. Это её заслуга, что библиотека в Ясной Поляне цела. И те брошюры и книги, которые Л.Н. исключил, сохранила»[1]. В 1908 году на основе карточного каталога, составленного Т.Л. Толстой-Сухотиной, она составила тематико-систематический рукописный каталог русских и иностранных книг в трёх томах.

При жизни Толстого много старых французских книг XVIII — начала XIX века оставалось некоторое время «в небрежении». Они хранились в живописной мастерской дочери писателя, Т.Л. Толстой, в здании «экономии»[2] (Дом Волконского) и лишь в 1912 году, уже после смерти Льва Николаевича в 1910-м, были перенесены вновь в дом Толстого.

Д.П. Маковицкий писал в своих «Яснополянских записках»: «Мы с Андреем Львовичем [сын Толстого] убирали книги в мастерской. Сюда они перенесены после женитьбы Льва Львовича [1896] из «Кузминского дома», в котором он поселился. Здесь были главным образом старые французские книги и журналы Л.Н. 50–60-х годов. Нашли тетрадки учеников толстовской школы 1862 года. Порядочно географических карт. Книги сложены на полу вот уже лет семь-восемь. Мы их поставили на полки. Дальнейшая судьба этой библиотеки такая. В мастерской завелось множество крыс, и они стали грызть книги. Потом рабочие стали употреблять их на папиросы, растаскивали. Когда я нашёл книжки «Современника» и на деревне, и в нашем буфете и под молочными продуктами (т. к. из мастерской сделали молочную), тогда я оставшиеся книжки «Современника» и ещё несколько самых ценных перенёс в библиотеку. В 1912 году профессор А.Е. Грузинский перенёс и остальные уцелевшие в библиотеку»[3]. То, что некоторые старые книги сохранились плохо, так как «претерпели несколько переносов» и «хранились в кладовой», подтверждает старший сын Толстого, Сергей Львович[4].

А.Е. Грузинский обследовал яснополянскую библиотеку в 1912 году (с разрешения С.А. Толстой). Стало очевидно, что «библиотека в пол-

---

[1] *Маковицкий Д.П.* У Толстого. Яснополянские записки. Кн. 1. С. 438.
[2] *Грузинский А.Е.* Ясно-полянская библиотека. С. 134.
[3] *Маковицкий Д.П.* У Толстого. Яснополянские записки. Кн. 2. С. 277.
[4] *Толстой С.Л.* Очерки былого. Тула, 1975. С. 34.

ном объёме не сохранилась: известная часть книг… осталась на руках, отдельные книги есть у того или другого члена семьи. По свидетельству графини С.А. Толстой, её муж охотно ссужал книгами всех, кто просил, говоря, что книги затем и существуют, чтобы их читали»[1]. Книги легко уходили из яснополянского дома.

Исследуя библиотеку Толстого, А.Е. Грузинский отметил глубокое пристрастие писателя к творчеству Руссо и Стендаля, книги которых он начал читать едва ли не пятнадцатилетним юношей. Он также первым подметил, что Толстой «до средних лет не имел привычки читать с карандашом или с пером в руках, резко [отличаясь] в этом отношении, например, от Пушкина»[2]. Но всё же «иногда впечатление от чтения и в ту пору выражалось по-старинному, в виде отчёркивания ногтем («Хранили многие страницы отметку резкую ногтей») или в виде загнутых уголков»[3]. Именно эти следы чтения нашёл А.Е. Грузинский на страницах сочинений Пушкина из библиотеки Толстого (*Пушкин А.С.* Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и пр. В 6 т. СПб.: П.В. Анненков, 1855).

Всего в личной библиотеке Л.Н. Толстого сохранилось около восемнадцати изданий произведений Пушкина и о Пушкине. Самое раннее издание — 1857 года, самое позднее — 1908-го. Толстой фактически был постоянным читателем Пушкина. Ещё в 1856 году он записывает в своём дневнике: «Читаю биографию Пушкина»[4]. Прочитав пушкинского «Дон Гуана» («Каменный гость»), Толстой до того был в восторге, что хотел тотчас писать Тургеневу о своём впечатлении»[5].

Кроме сочинений самого А.С. Пушкина, в толстовской библиотеке есть книги о поэте. Например, книга В.Г. Белинского «Систематическое собрание сочинений» (СПб.: Н. Зинченко, 1899–1900, вып. 1–5). Кстати, статью Белинского о Пушкине Толстой читал в январе 1857 года[6]. Далее: Н.Н. Булич, «В память пятидесятилетия смерти Пушкина» (Казань: типография Императорского университета, 1887); М.С. Козман, «Шутки и остроты А.С. Пушкина» (Одесса: М.С. Козман, 1902); А.Ф. Кони,

[1] *Грузинский А.Е.* Ясно-полянская библиотека. С. 133.
[2] Там же. С. 136.
[3] Там же. С. 137.
[4] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 47. С. 80.
[5] Там же. Т. 60. С. 63.
[6] Там же. Т. 47. С. 108, 396.

«Страничка из жизни Пушкина» (СПб., 1905); В.П. Острогорский, «Александр Сергеевич Пушкин. Избр. места из его стихотворений, поэм и повестей» (СПб.: С.-Пб. Гор. дума, 1889) и другие[1].

Разумеется, Толстой учитывал опыт русского Просвещения, прежде всего «Цыган» А.С. Пушкина, которыми восхищался, цитировал, любил перечитывать и относил к произведениям «истинного искусства»[2]. Молодой Толстой записал в дневник своё первое впечатление о «Цыганах»: «В Пушкине меня поразили «Цыгане», которых не понимал до сих пор»[3]. А спустя некоторое время он пришёл от них в восхищение: «Цыгане» — прелестны, как и в первый раз»[4]. По Толстому, в «Цыганах» «культурный человек осуществляет его собственную мечту — уйти из культурной жизни»[5]. По мнению педагога С.А. Рачинского, Толстой — «прямой преемник Пушкина»[6].

«Вся наша так называемая «классическая литература» может быть названа молодостью, — считал Л.Н. Толстой. — Пушкин, Лермонтов, Гоголь — всё это умерло, как назло, в ту минуту, когда талант их креп, когда они могли подарить миру действительно капитальные, поразительные вещи… И что это была за гениальная молодость… Пушкин стал уже переходить к прозе и, наверное, бросил бы стихи, если бы не умер»[7].

Своих детей Толстой воспитывал на произведениях Пушкина. Так, старший сын писателя Сергей Львович пишет: «Из произведений Пушкина в моём отрочестве он советовал мне, прежде всего, прочесть «Повести Белкина». Вообще он высоко ценил язык, слог и форму прозы Пушкина. В этом отношении он считал «Пиковую даму» образцовым произведением»[8]. И ещё: «Впрочем, отец оговаривался, что он пристрастен к Пушкину и что чувствует к нему особую слабость»[9]. Второй сын, Илья Львович, признавался: «Пушкинское «Прибежали в избу

---

[1] Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. В 3 кн. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 1999. Кн. 3. Ч. 1–2.

[2] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 124.

[3] Там же. Т. 47. С. 10.

[4] Там же. Т. 47. С. 79.

[5] *Толстой С.Л.* Очерки былого. Тула, 1975. С. 97.

[6] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 62. С. 378.

[7] *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2009. С. 86–87.

[8] *Толстой С.Л.* Очерки былого. С. 96.

[9] Там же. С. 299.

дети» и лермонтовское «Ангел» мне надоели настолько, когда я их учил, что потом долго не брался за поэзию и на всякие стихи дулся, как на наказание»[1]. Поздний Толстой признавался, что стихотворение Пушкина «Наполеон» произвело на него «большое» впечатление[2].

Лев Николаевич «наизусть читал многие стихотворения Пушкина, Тютчева (например, «Как океан объемлет шар земной»). В стихотворении Пушкина «Телега жизни» два нецензурных слова, там находящиеся, он изобразил комичным мычанием»[3]. Писатель С.Т. Семёнов приводит такие слова Толстого: «Пушкин был гораздо выше, у него было больше настоящей художественности [чем у М.Ю. Лермонтова]. Это был пример самого настоящего поэта, он часто писал, сам не зная, чем кончит. Восхитительно, как он [А.С. Пушкин] сказал про Татьяну: «Знаешь, а ведь Татьяна-то замуж вышла. Я никак от неё этого не ожидал»[4].

К роману в стихах «Евгений Онегин» Лев Толстой относился трепетно. Особенно он восхищался началом главы VII («Гонимы вешними лучами…»): «Здесь каждый стих — верная картина природы, и какое сравнение: Ещё прозрачные леса / Как будто пухом зеленеют»[5]. Секретарь Толстого Н.Н. Гусев записал в дневник его мнение о произведении: «Я сегодня был слаб, не мог заснуть и всё время читал — никто не догадывается, что… «Евгения Онегина»! И всем советую его перечесть. Удивительное мастерство двумя-тремя штрихами обрисовать особенности быта того времени. Не говоря уже о таких chef-d'œuvr'ax, как письмо Татьяны… Но лучше всего у Пушкина — его проза»[6].

Высказывание о том, что лучшее у признанного поэта — его проза, звучит несколько парадоксально, но это не мешало Льву Николаевичу тонко чувствовать поэтические строки и откликаться на них всем сердцем. Так, писательнице В.Г. Малахиевой-Мирович Толстой признался: «Да я стихов и вообще не люблю(!)… Одно на тысячу, нет, на десять тысяч, да и не на десять тысяч, одно на сто тысяч стихотворение годно для прочтения. Например: Когда для смертного умолкнет шумный день…» То есть этим «одним на сто тысяч» стихотворением оказалось

---

[1] *Толстой И.* Мои воспоминания. М.: XXI век — Согласие, 2000. С. 203–204.

[2] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 66. С. 67.

[3] *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым. С. 196.

[4] См.: *Семёнов С.Т.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. СПб., 1912.

[5] *Толстой С.Л.* Очерки былого. С. 97.

[6] *Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н. Толстым. М.: Художественная литература, 1973. С. 176.

«Воспоминание» А.С. Пушкина (III, 1; 102). «По странной случайности доро́гой, когда начинал одолевать сон, у меня всё время под пенье метели звучали эти строки в голове, и я прочла вслух это стихотворение, — вспоминала Малахиева-Мирович. — Лев Николаевич слушал со смягчённым лицом, с заблестевшими глазами. Он сам заканчивал некоторые строчки. Когда же я останавливалась, чтобы послушать его, он произносил слово и смотрел выжидательно, пока я не догадывалась продолжать стихотворение. Последний куплет — «И, с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю» — Лев Николаевич произнёс два раза с торжественно-скорбным выражением»[1].

В доме Толстых говорили не только о творчестве Пушкина, но и об отношениях, которые складывались между Поэтом и Царём и — шире — между поэтом и государством… Домашний учитель в семействе Л.Н. Толстого, Владимир Фёдорович Лазурский 4 февраля 1899 года записывает в дневнике такой пассаж на «пушкинскую тему»: «Графиня, между прочим, сказала, что мы несправедливо, пристрастно судим царственных лиц, и в пример привела покровительство Николая Павловича Пушкину. Я возразил, что обещание царя быть цензором поэта не было, как скоро оказалось, очень приятным для Пушкина; привёл в пример отзыв Николая о «Борисе Годунове» («Лучше было бы сделать в форме романа, à la Вальтер Скотт») и ответ Пушкина: «Жалею, что не в силах переделать раз написанное». Этот ответ заинтересовал Льва Николаевича; он не знал его. Ему показалось забавным, что Николай Павлович, «этот болван, который до конца своей жизни никак не мог потрафить, где букву ять ставить, и наконец плюнул и стал писать совсем без ять», делал указания, как писать, «такому человеку, как Пушкин»[2].

Но всё же Толстой, будучи сам прозаиком, находил большую ценность в прозе А.С. Пушкина (да, опять: «Лучше всего у Пушкина — его проза»). И уже упомянутые «Повести Белкина» он советовал прочесть не только своим детям. Так, в письме к писателю П.Д. Голохвастову в 1873 году Толстой пишет: «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу — прочтите сначала все «Повести Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не

---

[1] *Малахиева-Мирович В.Г.* В Ясной Поляне // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 2. С. 278–279.

[2] *Лазурский В.Ф.* Дневник // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М.: Академия наук СССР, 1939. Т. 37–38. С. 497.

могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение… У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтение даровитых, но негармонических писателей (то же музыка, живопись) раздражает и как будто поощряет к работе и расширяет область; но это ошибочно; а чтение Гомера, Пушкина сжимает область и если возбуждает к работе, то безошибочно»[1].

В письмах Н.Н. Страхову, написанных в 1873 году, Толстой признаётся в любви к Пушкину. 11 мая 1873 года он сообщает своему адресату, что пишет «роман, не имеющий ничего общего с «Петром I». Пишу уже больше месяца и начерно кончил. Роман этот — именно роман, первый в моей жизни, очень взял меня за душу, я им увлечён весь и, несмотря на то, философские вопросы нынешнюю весну сильно занимают меня. В письме, которое я не послал вам, я писал об этом романе и о том, как он пришёл мне невольно и благодаря божественному Пушкину, которого я случайно взял в руки и с новым восторгом перечёл всего»[2]. В другом письме того же периода: «Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется, 7-й раз), перечёл всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда так не восхищался. «Выстрел», «Египетские ночи», «Капитанская дочка»!!! И там есть отрывок «Гости собирались на дачу». Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман [«Анна Каренина»], который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который… ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год»[3].

Об этом этапе в творчестве Л.Н. Толстого в своих «Очерках былого» упоминает и сын писателя, С.Л. Толстой: по его свидетельству, иногда он, Сергей, «читал вслух тётеньке [Т.А. Ергольской] «Повести Белкина». «Она заснула. [Я] перестал читать и оставил книжку открытой на столе на отрывке «Гости съезжались на дачу». Потом в комнату тётень-

---

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 62. С. 22.

[2] Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. В 2 т. Оттава: Slavic Research Group, 2003. Т. 1. С. 110–111.

[3] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 62. С. 16.

ки вошёл отец и прочёл этот отрывок. «Вот как надо писать», — сказал он и в тот же день написал: «Всё смешалось в доме Облонских». И с этого дня он стал писать «Анну Каренину».

Так же высоко Толстой оценил стиль рассказа «Метель». Эту оценку зафиксировал его последний секретарь Валентин Фёдорович Булгаков: «Лев Николаевич тоже прочёл. «Вы помните у Пушкина «Метель»? — обратился он ко мне. — Очень мило!.. Манера письма прекрасная: так ясно, твёрдо»[1]. Он же [Булгаков] записал такое высказывание Льва Николаевича о поэте: «Гоголь, Достоевский, и — как это ни странно, Пушкин — писатели, которых я особенно ценю. Но Пушкин был ещё человек молодой, он только начинал складываться и ещё ничего не испытал… Не как Чехов!.. Хотя у него было уж такое стихотворение, как «Когда для смертного умолкнет шумный день»[2]. Это стихотворение Толстой процитировал в «Воспоминаниях» и в «Круге чтения». В своих воспоминаниях он признаётся, что с «величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в последнем стихе — «Но строк постыдных не смываю»[3]. (У Пушкина: «Но строк печальных не смываю» (III, 1; 102); слово «печальных» Толстой заменил на «постыдных».)

Наконец, нашлись в «пушкинском материале» и слова для описания собственного опыта Толстого: уже в очень зрелом возрасте Лев Николаевич вспоминал, как маленьким гулял с отцом, а вокруг по некошеному лугу с загнутыми набок хвостами носились борзые; как собаки загнали лисицу… Как и все помещики, отец писателя граф Н.И. Толстой увлекался охотой. «Мне всегда казалось, — пишет Толстой, — что Пушкин списал с него свой выезд на охоту в графе Нулине: Пора, пора! Рога трубят; / Псари в охотничьих уборах / Чем свет уж на конях сидят, / Борзые прыгают на сворах»[4].

Позднее Толстой снова и снова перечитывал Пушкина. 5 июля 1908 года он читал «Пушкинские записки, заметки, анекдоты и мысли» (1828). По его мнению, «Пиковая дама» — это тот самый chef-d'œuvre: умеренно, верно, скромными средствами, ничего лишнего. Толстой высоко ценил язык Пушкина за чувство красоты, которое развито в нём в высшей степени.

---

[1] *Булгаков В.Ф.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. С. 364.

[2] Там же. С. 67.

[3] *Толстой С.Л.* Очерки былого. С. 97.

[4] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 17.

Ирина Хмелевских

АРХИВНЫЙ СПИСОК ГОЛЛАНДСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ КНИГ ИЗ КАБИНЕТА ПЕТРА I

Итоги реконструкции (по материалам Российского государственного архива древних актов)

Существенная часть библиотеки Петра I, хранящаяся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук (БАН), является, как известно, результатом позднейшей реконструкции, проведённой в середине XX века. Её основным документальным источником стали реестры, написанные при передаче книг в академическую библиотеку в первые несколько лет после смерти царя, с 1725 по 1729 год. В этих реестрах содержится информация о примерно 1600 книгах и рукописях.

Авторы реконструкции, библиотекари БАН, преследовали цель более или менее достоверно обрисовать круг чтения царя (т. е. в приоритете был не столько поиск конкретных экземпляров, сколько восстановление репертуара изданий). Видимо, поэтому им казалось не очень важным происхождение выбираемых ими экземпляров либо они почему-то мирились с тем обстоятельством, что почти половина книг из составленного ими собрания, ныне именуемого Библиотекой Петра Великого, не имеет отношения к личной петровской библиотеке, а иногда и к первоначальным фондам БАН и является поздним поступлением. Так, это может объясняться тем, что, во-первых, часть описаний книг в реестрах неточна или неинформативна, а во-вторых, часть петровской коллекции в разные годы по разным причинам покинула стены БАН.

Наверняка у наших предшественников были определённые резоны реконструировать состав библиотеки именно таким образом. Но когда несколько лет назад начиналась работа над нынешним каталогом западноевропейских печатных книг Петра Великого, всем было очевидно, что следовать такому подходу в дальнейшей работе нет смысла. Чтобы придать коллекции статус исторического источника, необходимо обоснованно подтвердить атрибуцию каждого экземпляра царю.

В результате ужесточения критериев в нынешний каталог[1] вошло в общей сложности 376 описаний западноевропейских печатных книг. Это

[1] Библиотека Петра Великого. Западноевропейские печатные книги / сост. И.В. Хмелевских, А.Е. Карначёв. В 2 т., 3 кн. СПб.: Библиотека Академии наук (БАН), 2016 (далее: Каталог 2016).

более чем в два раза меньше, чем в предыдущем каталоге, составленном библиотекарем БАН Елизаветой Ивановной Бобровой и опубликованном в 1978 году[1]. Однако естественным следствием такого подхода стали разительные пробелы в репертуаре изданий, к воссозданию которого так стремились наши предшественники. Эти пробелы тем более досадны, что носят «тематический» характер. Особенно «пострадавшей» оказалась вся гуманитарная литература, описанная в реестрах наиболее туманно. А ведь в петровской библиотеке почти не было случайных книг. Состав её в большой степени был обусловлен ходом проводимых царём преобразований и часто изменялся как раз в связи с требованиями царя.

Последнее десятилетие жизни Петра ознаменовано проведением масштабных реформ — юридической и административной. В вопросе о том, какие идеи питали реформаторскую деятельность, для исследователей важно опираться на конкретные книги и рукописи, служившие проводниками этих идей. Однако черпать информацию из петровских реестров затруднительно по причине их «туманности». Поэтому большой удачей становятся любые найденные в архивах уточняющие документы.

Такой удачной находкой стал небольшой список из семи книг на юридическую тему, изданных в Голландии. Сам список не датирован, но он находится среди документов фонда Кабинета Петра I за 1716–1717 годы, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) ***(см. Приложение в конце статьи)***. Текст, составленный на русском языке, написан чёрными чернилами, вместо нумерации книги маркированы латинскими литерами (от A до J). В отличие от петровских реестров, перевод названий в архивном списке из РГАДА полностью и точно воспроизводит текст титульного листа, включая выходные данные, что выдаёт манеру, характерную для переводчиков Посольского приказа.

Название первой из указанных в списке книг (литеры A–B) было отмечено уже в каталоге Е.И. Бобровой. Она идентифицировала это издание с описанием его в реестре петровских книг из Кабинета Его Величества[2], в котором оно значится как «Шпигель вин стат дес Фереэнигде Недерляндс, голанская. 2»[3].

---

[1] *Боброва Е.И.* Библиотека Петра I: справочник-указатель. Л.: БАН, 1978.

[2] Заголовок реестра гласит: «Реестр книгам обретающимся в Кабинете на иностранных языках».

[3] № 1188 в каталоге Е.И. Бобровой; № 151a–b в Каталоге 2016.

Действительно, в основном фонде БАН сохранился двухтомник, который по всем признакам можно с полной уверенностью атрибутировать Петру I. Книга хотя и была переплетена позднее, но основную часть признаков принадлежности петровскому собранию сохранила. При Екатерине II она получила так называемый «библиотечный» переплёт, а потому утратила первоначальные форзацные листы и штамп Камерного каталога[1], составлявшегося в 1730-х годах и вышедшего в начале 1740-х. Но на последних страницах обоих томов остался слабый след от оттиска этого штампа, а на титульном листе и 101-й странице, как и на большей части книг первоначального фонда, сохранился ещё один, самый первый штамп академической библиотеки — крохотный двуглавый орёл, который ставился на книги БАН до середины XVIII века (предположительно до 1747 года, когда в здании Кунсткамеры случился пожар и штамп, судя по всему, расплавился, так как на более поздних поступлениях больше не появлялся).

Итак, книга фигурирует в петровском реестре, затем в ранних библиотечных инвентарях в качестве единственного экземпляра, следовательно, это и есть книга Петра.

На этой книге оказалась ещё одна мелкая деталь, которая поначалу не привлекла особого внимания. На титульном листе второго тома в правом нижнем углу видно небольшое чернильное пятно. Здесь что-то было написано, но в результате нового переплёта книжный блок был обрезан, а написанное утрачено.

Когда в архивном деле нашёлся наш список, пришлось проверить — есть ли упомянутые в нём книги в фондах БАН. Из семи перечисленных в списке изданий в фонде обнаружилось только два: упомянутый двухтомник (Ромейна де Хооге) и трактат Эдварда ван Цурка «Голландское право»[2]. Найденная в фонде книга тоже оказалась одета в «библиотечный» переплёт 1760-х годов, и она также была без первоначальных форзацных листов, со следом от оттиска штампа Камерного каталога на последних страницах и маленьким двуглавым орлом там, где ему и положено быть. Но в нижнем правом углу титульного листа стоит, по счастью, не обрезанная при переплёте литера J. Архивный список, напомним, был написан чёрными чернилами и необычайно крупным почерком, так что нетрудно было заметить, что это те же самые чернила

[1] Bibliothecae Imperialis petropolitanae. P. I–IV. СПб., [1742].
[2] № 339 в Каталоге 2016.

и та же самая рука. Словом, книга идентифицируется с архивным списком полностью. Более того, стало ясным происхождение обрезанной чернильной точки во втором томе де Хооге. Второй том записан в списке под литерой B, следовательно, это фрагмент верхней головки буквы.

Повторим, в результате всех поисков было найдено только две книги. Но где остальные пять? Камерный каталог, составленный в 1730-х годах, хоть и изобилует пропусками, всё же примерно на 90% отражает первоначальные фонды БАН. Естественно было начать поиск с него. И действительно, в Камерном каталоге зафиксировано наличие шести книг из семи в этом списке (в то время как в рукописном и соответственно карточном каталоге Карла Бэра, начатом в середине XIX века, значатся только две вышеупомянутые книги). И только книги под литерой E нет ни в одном из каталогов БАН, ни в ранних, ни в поздних. Поначалу можно было предположить, что она и вовсе не попадала в библиотеку вместе с другими книгами Петра после его смерти. Но тем не менее из шести книг, совершенно точно поступивших в БАН, четыре пропали. И пропасть они могли в период между составлением Камерного каталога, где они есть, и каталога Бэра, где их нет.

Мы знаем, что в XVIII веке библиотека практиковала продажу дублетов своих книг через академическую книжную лавку, и таким образом несколько книг Петра действительно оказались проданными. Однако в ранних каталогах нет следов существования дублетов этих изданий, да и наличие «библиотечных» переплётов сохранившихся книг также свидетельствовало, что вряд ли они могли быть проданы. Они потому и назывались «библиотечными», что переплетённые в них книги не предназначались для продажи. Все книги в архивном списке одного формата — кварта, и если первая и последняя попали в новый переплёт, то нам показалось резонным предположить, что и остальные книги были таким же образом переплетены. И если это так, то они вообще не могли никуда деться на протяжении всего XVIII века.

А вот в первой трети XIX века произошло следующее событие. В Финляндии, в городе Турку, где находился университет, 4 сентября 1827 года вспыхнул пожар, уничтоживший центр города, здание университета и его библиотеку. Тогда Академия наук приняла решение передать 4 000 томов непрофильной для себя литературы финскому университету. Непрофильной литературой академия сочла главным образом богословскую и юридическую. Отбор изданий производился именно по тематическому принципу. Никто тогда не принимал во внимание проис-

хождение книг, да и не знал этого: в Библиотеке Академии наук книги не хранились по коллекциям. В результате в настоящее время в Национальной библиотеке Финляндии, бывшей Библиотеке Хельсинкского университета, хранятся книги первоначальных фондов БАН. Туда попали книги Р. Арескина, Я. Брюса, царевича Алексея, Аптекарского приказа и т. д. И, как теперь выясняется, Петра I, а также книги из библиотеки Радзивиллов и около трети библиотеки Ломоносова.

Результатом этого достойного жеста тогдашней Академии наук стало нынешнее многолетнее сотрудничество БАН с Национальной библиотекой Финляндии и выпуск совместных каталогов. Один из них, составленный Ириной Лебедевой и Сирккой Хаву, как раз посвящён описанию переданного тогда фонда[1].

В нём и обнаружились пропавшие книги из архивного списка. Запрос, отправленный в Хельсинки, подтвердил наличие всех недостающих книг, указанных в архивном списке, включая пропущенную в Камерном каталоге книгу под литерой E[2]. Наше предположение относительно «библиотечного» переплёта не подтвердилось. Все издания имеют, судя по всему, первоначальный «издательский» переплёт: картон, оклеенный «волнистой» бумагой, благодаря чему они сохранили написанную составителем архивного списка латинскую литеру, под которой они фигурируют в документе. Только книга Бернхарда ван Цутфена (литера F) имеет дефектный титульный лист (его правая половина утрачена), и поэтому литерная маркировка не сохранилась. Все книги имеют первоначальные штампы БАН.

Таким образом, список реконструирован полностью, все внесённые в него книги обнаружены в государственных хранилищах двух стран, России и Финляндии.

Остаётся последний вопрос — не такой существенный для атрибуции книг, но важный для понимания истории их бытования в саму петровскую эпоху. Мы не знаем, где, когда и кем они были приобретены. Из этого списка только одна книга 1680 года издания, остальные 1706, 1707, 1708, 1711 и две 1712 года. То есть покупали их, вероятнее всего,

---

[1] *Havu S., Lebedeva I.* Collections donated by the Academy of Sciences of St. Petersburg to the Alexander University of Finland in 1829. Helsinki, 1997 (далее: Catalogue 1997).

[2] Хочу сердечно поблагодарить сотрудника отдела «Славика» финской библиотеки Ирину Лукка, которая нашла эти издания в фондах Национальной библиотеки Финляндии и прислала их фотографии.

между 1712 и 1717 годами (возможно, во время второго путешествия Петра в Голландию в 1716–1717 годах). Поскольку их недатированный список находится среди бумаг за 1716–1717 годы, это может быть указанием на то, что именно тогда они и были затребованы Петром в личное пользование (и наверняка это можно связать с подготовкой реформы юридической системы).

Если двухтомник Ромейна де Хооге фигурирует в петровском реестре 1728 года, озаглавленном «Реестр книгам обретающимся в Кабинете на иностранных языках», то нельзя ли в этом же реестре поискать и остальные книги? Означенный реестр достаточно «слепой»: он составлялся канцеляристом, чья квалификация не сравнима с квалификацией переводчиков Посольского приказа. Но одно уточнение там всё-таки есть: книги в нём распределены по формату.

Раздел списка «В четверть печатные»[1] начинается с книги «Правы галанские морские». Думаю, не будет большой натяжкой предположить, что именно так понял канцелярист три слова, набранные маюскульным шрифтом на титульном листе «Голландского права» Эдварда ван Цурка, сочтя их, вероятно, наиболее важными.

Следующая запись «Формуляры, как пишут челобитные, конклюзии и грамотки в Голандии, две книги» полностью соотносится с двухтомником, указанным под литерами C и D, и это издание, хранящееся в Хельсинки.

Следующая книга — французский трактат по артиллерии генерала Пьера Сюрирея де Сен-Реми — не из нашего списка.

Затем идёт снова наша: «Шпигель вин стат дес Фереэнигде Недерляндс, голанская. 2» (в архивном списке «Зерцало нидерландского государства», двухтомник под литерами A и B).

И четвёртую книгу, обозначенную как «Юридическая Герардова», видимо, можно соотнести с «Судебной практикой» Герарда ван Вассенера, указанной в архивном списке под литерой G. На этом юридические книги, напечатанные в формате кварта, в реестре заканчиваются (если только канцелярист не измыслил что-нибудь совсем неузнаваемое, описывая эти книги).

---

[1] Каталог 2016. С. 934. Фрагмент реестра: «52. Правы галанские морские. 53. Формуляры, как пишут челобитные, конклюзии и грамотки в Голандии, две книги. 54. Мемориалы артилериския суривея Десантримея, в трёх книгах. 55. Шпигель вин стат дес Фереэнигде Недерляндс, голанская, 2. 56. Юридическая Герардова. 57. Ковнометрия мавницианская…»

Поскольку рабочих кабинетов (в прямом смысле слова, т. е. помещений) у Петра было несколько в разных дворцах, то невозможно точно сказать, где именно находился кабинет, указанный в реестре. Мы предполагаем, что книги из этого реестра находились в кабинете в Зимнем дворце[1].

Почему именно голландские юридические книги настолько привлекли внимание царя, что оказались в реестрах его персональной библиотеки? Известно, что книги по правоведению он заказывал из многих стран, но по преимуществу это были протестантские страны, и в первую очередь Голландия. Любовь Петра I к этой стране общеизвестна. На тот момент Голландия была, пожалуй, самой политически и экономически свободной страной в Европе. И её экономическое процветание и технологический прогресс во многом обеспечивались уровнем свобод. Но был ещё один довольно практический момент…

Какими бы ни были пристрастия и темперамент царя, его деятельность в огромной степени была мотивирована сложными и не зависящими от него обстоятельствами. Пётр получил в наследство, как писал академик Панченко, «не только самоистребляющуюся, но и разбегающуюся страну»[2]: ему досталось государство, находящееся в глубочайшем расколе на религиозной почве. В это время многие европейские страны, как то Франция или Англия, страдали примерно тем же. Единство и согласие, необходимые для жизни страны, достигались обыкновенно избавлением от одной из противоборствующих сторон, то есть от какой-то части населения. Таков был в чистом виде французский опыт.

В среде протестантских правоведов (отчасти голландских, отчасти эмигрировавших в Голландию из Англии или Франции) начали разрабатывать другой способ решения означенной проблемы и обосновывать необходимость веротерпимости. Исходная позиция в этих сочинениях состоит в утверждении примата государства над любой церковью, действующей на его территории. В то же время утверждается невмешательство государства в религиозные убеждения верующих — при условии соблюдения ими лояльности по отношению к государству.

Голландское правоведение причудливо трансформировалось на русской почве. Но в весьма прагматичном компромиссе Петра со старове-

---

[1] Каталог 2016. С. 24.

[2] *Панченко А.М.* Начало петровской реформы: идейная подоплёка // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 10.

рами (а по некоторым оценкам, они составляли от четверти до трети всего населения страны) можно прочесть влияние и этих идей. Образно говоря (и предельно обобщая, не беря во внимание различные фискальные и прочие обстоятельства), Пётр не стал решать означенную проблему наиболее доступным и простым путём — путём насилия. Возможно, конечно, что и ресурсов для насильственного решения у него было недостаточно, но он нашёл выход: поменял сам тип государства. И человек с этого момента обязан был быть в первую очередь подданным государства независимо от своей религиозной принадлежности. В этой новой — уже имперской — конфигурации религиозное противостояние сначала потеряло свою остроту, а с течением времени и смысл.

Приложение

Роспись книгам[1]

А: Зерцало стата соединенных Недерляндов к котором власть и волное управление каждой из семи соединенным провинцей, и их особливых городов, так в правах, как и в правителстве изображено, оказуя чюжестранным, и жителем все высокия и нижния судебныя столы, коллегиа, и ампты которыя во оных к службе стата, и права введены, како, когда, и где, что пред ними чинить надлежит. Чрез господина Ромейна де Гога. Первая часть. В Амстердаме У Яна Тенгорна, 1706 г.

В: Зерцало стата содержащее власть Генералитета, и во оном шляхетном мочныя коллегии, высокия судебныя столы, городы, шанцы, и приналежности, которые от их высокомочия зависят, чрез господина Ромейна Дегога. Вторая часть 1707 г.

С: Попугай, или обрасцовая книга розных челобитен, указов, и решений, писем и протчее, в ежеденной практике служащая при почтенных дворах судебных в Галандии, собранное, от Виллима Фан Алфена, секретаря при помянутых дворех Первая часть. В Утрехте У Якова Фан Полсума. 1712. году.

D: Того ж Попугая вторая часть. 1712 г.

Е: Введение к голанскому правоучению описанное, чрез Го[у]га ДеГрота, утвержденное плакатами, крепостми, древними родами, правами, бриттами, приговорами судейных дворов в Голландии и Инде, тако ж некоторые прибавки и присмотрения на оныя чрез Симона Фан Груневеген Фан Дермаде, секретаря города Делфта тако ж господина Р: Гогербетса о начатии, и кончании процессов при почтенных дворах галанских. И Голанское выморочное право, обое с присмотрениями помянутого Груневегена. Новым болшим реестром снабденныя, в Амстердаме у Генрика Бома, и вдовы Дирика Бома 170[6].

F: Практика недерляндских прав ежедневных, так гражданских, так и головных дел собранная чрез Бернгарда Фан Зутфена, адваката при шляхетном дворе провинциалном в Утрехте. В Гронинге У Доминикуса Ленса, 1680. году.

G: Практика судебная, или инструкциа под образом тяжеб дворам

[1] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 88. Л. 404–406.

и судебным столам, так в генералных как и в розных партикулярных приключающихся материях, присовокуплены к тому ж главнейшия дела и случаи до каждой материи касающияся всей печати умноженныя и поправленныя, с прибавкою реестра из иных языков взятых слов, зело потребно к сей практике; сочинено от господина Герарда Фан Вассенара адвоката. Первая и вторая часть. В Амстердаме У Генд(ри)ка Бома. 1708. году.

H: Вершения, и присмотрения, чрез покойного господина Иоаннеса Лениуса обоих прав доктора, извычайного советника при шляхетном дворе Галанском, Зелянском и Вестфрислянском, описано и собрано с прибавкою некоторых замет, також резолю…. плакатов, крепостей, привилей, позволений, обыкновений, выборов, указов, уложений, рескрыптов, турбов, уведомлений, оученых людей в правах, присмотрений, приговоров, и протчая до римского древняго и нынешняго права, и практики касающияся, чрез господина Тобиаса Боля молодого адвоката. В Амстердаме у Яна Бона и Герарда Ондерделиндена, книгопродавца. 1712. году.

J: Кодекс Батавус, или книга Галанская в которой общее церковное и гражданское право галанское, и зелянское, тако ж и состояние Генералитейства кратко содержано, выбранная из всех указов, учреждений плакатов, и решений, к сочинению Речи Посполитой, а особливо стацкого управления Галандии, и Вест Фрисляндии до 1710 году учиненная выданная, и явственнее толкованная, по римским и нынешним правам, чрез Эдуарда Фан Цурка, в Делфте у Адриана Бемана. 1711. году.

A-B: **Hooghe**, Romeyn de. Spiegel van Staat Des | Vereenigde Nederlands. Waar in De Macht en't Vry Bestier, Van yder der Zeven Verbonde Provincien en haar byzondere Steeden, … Tome 1-2, Te Amsterdam, By J. ten Hoorn, 1706.

Библиотека Академии наук: Шифр: X Fc/3 dl.1. (Основной фонд).

Каталог 2016, № 151a–b.

C-D: **Alphen**, Willem van. Papegay, ofte Formulier-boek, van Alderhande Requesten, Mandamenten, Conclusien, als anders, in de dagelijksche Practijke dienende voor de respective Hoven van Justitie In Holland. […] t'Utrecht, By J. van Poolsum, 1712.

Хельсинкская Национальная библиотека.

Catalogue 1997, p. 357, № 22.

E: **Grotius**, Hugo. Inleydinge tot de Hollandsche rechts-geleertheyt... Bevestigt met placatan, hand-vesten, oude herkommen, regten, regts-geleerden, ... door Simon van Groenewegen van der Made, …t'Amsterdam, By H. Boom en de weduwe van D. Boom, 1706.

Хельсинкская Национальная библиотека.

Catalogue 1997, p. 409, № 440.

F: **Zutphen**, Bernhard van. Practycke der nederlantsche rechten, van de dagelijcksche soo civile als crimineelle quaestien … Groningen, D. Lens, 1680.

Хельсинкская Национальная библиотека.

Catalogue 1997, p. 490, № 1118.

G: **Wassenaer**, Gerardus van. Practyk judicieel ofte Instructie Op de forme en manier van Procederen Voor Hoven en Recht-Banken, So in't generael, als in verscheyde particuliere meest voorvallende materien… t'Amsterdam, By H. Boom, en de Weduwe van D. Boom, 1708.

Хельсинкская Национальная библиотека.

В финском каталоге издание пропущено.

H: **Loenius** Johannes. Decisien en Observation, Door wylen den HEER, en M^{r}. Joannes Loenius… t'Amsterdam, By J. Boom, G. Onder de Linden, 1712.

Хельсинкская Национальная библиотека:

Catalogue 1997, p. 428, № 603.

J: **Zurck**, Eduard van. Codex Batavus, waer in het algemeen Kerk- en Burgerlyk Recht van Hollant, Zeelant, en het Ressort der Generaliteit Kortelyk Is Begrepen: getrokken uit alle de Edicten, Ordonnantien, Plakkaten En Resolutien, … Te Delft, By A. Beman, 1711.

Библиотека Академии наук: Шифр: X Fd/ 15 (Основной фонд).

Каталог 2016, № 339.

Николай Зубков

ИСКУССТВО КНИГИ И ИСКУССТВО ИНТЕРЬЕРА

Связь книги с условиями чтения, в том числе с интерьером, в котором она бытует, — вещь достаточно очевидная и если не изученная в подробностях, то обозначенная как научная тема. Поэтому и сопоставление книжного стиля с художественным как таковое отнюдь не ново. Но обычно с внешним окружением сопоставляют наружность книги, т. е. в первую очередь переплёт. Вот что, например, писал Ю.Я. Герчук: «Орнамент оформляет книгу прежде всего наружу — к внешнему пространству — как целостный, композиционно законченный, стройно организованный, нарядный художественный предмет. Орнамент здесь главным образом утвердитель «вещности» книги, сближающий его с другими прикладными вещами нашего окружения. Отсюда его особая роль именно на внешних поверхностях… Нивелирующие свойства орнамента, пожалуй, особенно заметны в украшениях старинных корешков, порой одинаковых для целой библиотеки…»[1]

Но дело не сводится только к этому. Само по себе утверждение, что книжная орнаментика XVIII века активно использовала рокайльные[2] мотивы, орнаментика времён ампира — античные, начала XX века — мотивы югендштиля и что всё это более или менее совпадало с тенденциями оформления интерьеров, вполне тривиально. Но, вероятно, можно проследить и более тонкие тенденции. Для надёжных выводов здесь потребуется сплошной просмотр огромного материала. В этой статье мы рассмотрим лишь один любопытный случай, который относится именно к эпохе рококо, точнее — к её исходу.

Одним из самых популярных в своё время рокайльных авторов Франции был Клод Жозеф Дора[3]. С его именем можно связать и определённое направление в книжном деле: его произведения выходили в роскошных изданиях с гравированными сюитами. Чаще всего рисунки для Дора ис-

---

[1] *Герчук Ю.Я.* Художественная структура книги. М., 1984. С. 174.

[2] Рокайль, рокайльный (от фр. *rocaille* – скальный) — главный элемент в орнаменте стиля рококо, напоминающий по форме завиток раковины. Термин также используется для обозначения самого стиля рококо, хронологически относящегося к XVIII веку.

[3] Клод Жозеф Дорá (Dorat, 1734–1780) — французский поэт.

полнял Шарль Эйзен (особенно знаменита книга «Поцелуи» — с двумя картинками к каждому стихотворению), иногда Клеман-Пьер Марийе. Довольно распространено мнение, что в этом (а отнюдь не в стихах) вся ценность таких изданий и заключалась. Говорили, что некий покупатель вырезал гравюры из книги Дора прямо на глазах у автора; острили, что этот поэт «хочет выплыть на досках» и т. п.

Да, крупным поэтом Дора не был, испытания временем его стихи не выдержали. Но он был лидером литературного направления, из которого потом вышел Эварист Парни[1] с товарищами, а если смотреть шире — то и Батюшков. Модный парижский автор был хорошо известен за пределами Франции. Юный М.Н. Муравьёв писал, например:

С Доратом я успел сравниться в том,
Что был он мускетером.
Но пусть я напишу урывков том —
Не буду чтом:
Не удостоюся Дората взять примером…[2]

Совместная деятельность Дора, Эйзена и нескольких парижских издателей, из которых самым значительным был Николя-Огюстен Делален, довольно последовательно выполняла программу дать великосветскому читателю приятное чтение на каждый день. Вполне естественно, что такое чтение и оформлялось соответственно той обстановке, в которой должно было восприниматься (впрочем, роскошно оформлялись не все издания Дора, были и «простые»). Но сама эта обстановка была неоднородной, и следующий пример удачно иллюстрирует это.

Речь идёт о двух вариантах третьего издания сборника Дора «Мои фантазии», вышедшего у Делалена в 1770 году, — или, точнее, о двух

[1] Эварист Дезире де Форж Парни́ (1753–1814) — французский поэт, ведущим жанром в лирике которого была элегия. Его влияние было заметно не только во Франции, но и в России — в творчестве Крылова, Батюшкова, Давыдова, Вяземского. У Пушкина в его «лицейских» и более поздних, до 1824 года, стихотворениях достаточно переводов и подражаний Парни. Его же персона служит у Пушкина и неким эталоном для оценки мастерства его коллег по поэтическому цеху.

[2] *Муравьёв М.Н.* Послание о лёгком стихотворении. К А.М. Бр<янчанинову> // Муравьёв М.Н. Стихотворения / вступ. ст. Л.И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, 1967. С. 219. Упоминаемый Муравьёвым «Дорат» действительно успел побыть мушкетёром.

параллельных изданиях под этим титулом. Библиографически они незначительно отличаются количеством страниц: в одном 271, в другом 268. Условно будем здесь называть их «большим» и «малым»[1]. Текст титульного листа, формат, состав и набор иллюстраций в них совпадают, но по типографскому оформлению они относятся к разным стилям.

Различия видны уже в оформлении титульного листа: в одном случае основное заглавие набрано декоративным шрифтом «стиля Фурнье», что для книги — синоним стиля рококо, в другом — обычной жирной антиквой. То же относится к заголовкам стихотворений, причём в одном случае они печатаются с новой страницы, в другом — в подбор. Типографские линейки в «большом» издании также взяты из кассы Фурнье, в другом составлены из простых геометрических элементов. Есть более мелкие отличия, также делающие «малое» издание более строгим по сравнению с «большим»: все подзаголовки в нём набраны одним кеглем, а именно кеглем основного текста; в колонтитулах и в подзаголовке оглавления применена антиква, а не курсив. Правда, само оглавление набрано курсивом в обоих случаях. Но главное различие в том, что «пространное» издание в концовках употребляет 40 различных политипажей и 13 типографских орнаментов, а в «кратком», кроме линеек, никаких украшений нет. Сами концовки при этом, кстати, не специфичны для рококо: есть более архаичные, а одна, наоборот, почти ампирная.

Теперь обратим внимание на дату издания (1770) и на то, что происходило в это время в декоративном (в частности, в мебельном) искусстве.

Стиль рококо, как известно, именуется также стилем Людовика XV[2]. Но, как отмечает автор монографии «Французское мебельное искусство» Пьер Кьельбер, название это условное, и конец царствования Людовика был временем то ли конкуренции, то ли мирного существования разных стилей. «Таблицы, изданные Рубо в 1772 году в «Ремесле столяра», свидетельствуют, какой выбор предлагался тогда клиентам, — пишет Кьельбер. — Одни из представленных там моделей мы называем «Людовик XV», другие — «Людовик XVI», и все они квалифицированы

[1] Оба издания есть в фонде редких книг Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) имени М.И. Рудомино.

[2] Правление короля Франции Людовика XV — одно из самых продолжительных в мировой истории: оно продлилось с 1715 по 1774 год.

как «модные»[1]. Но и раньше, в 1763 году, Фридрих-Мельхиор Гримм писал, что «теперь всё делается а-ля грек»[2], то есть в стиле, позднее названном по Людовику XVI. Вообще же 1760-е годы — время расцвета «переходного» стиля, или «стиля Помпадур», более или менее механически соединявшего черты рокайльные и «греческие». Соответственно, модная книга могла попасть либо в один («рокайльный»), либо в другой («греческий») кабинет, и покупателю предоставлялся выбор издания, наилучшим образом подходящего к кабинету.

Сущность рококо («Людовика XV») — в криволинейности и маскировке конструкции предмета. Частое совпадение орнаментальных мотивов в архитектуре, мебели и книге — лишь частное проявление общего принципа. Книжная прагматика, конечно, не допускает такой текучести линий, как в типичном кресле или консоли Людовика XV, где прямолинейных элементов зачастую не было вовсе. Но шрифты (орнаментальные и курсив), форма и обилие всякого рода украшений как на титульном листе, так и на полосе книги постоянно намекают на принадлежность к стилю именно в этом отношении. Характерно, в частности, что именно в первой трети XVIII века с титульного листа стильной книги оказалась полностью вытеснена двухцветная печать, вследствие чего выросла роль курсива. В сочетании с орнаментикой и, эвентуально, декоративными шрифтами это приводило к накоплению криволинейных элементов на титуле (а также на спусковых полосах). Но и на текстовых полосах издатели старались давать некий намек на криволинейность: орнаментальной линейкой над полосой, кружочками или тильдочками при колонцифрах и особенно — использованием курсива в колонтитулах.

Все эти характеристики стиля мы видим в «большом» издании «Моих фантазий». В «малом» же издании курсив из книги почти исчезает, декоративные линейки перестают составляться из криволинейных элементов, вместо многих разнообразных наборных виньеток остаётся лишь несколько, и все они правильной (круглой или овальной) формы. Всё это как раз соответствует процессам в мебельном искусстве. Притом здесь ещё яснее, чем прежде, речь идёт не о мотивах, а о конструктивных принципах. В мебели эту роль играли маркетри[3] или бронза, а в книге — маленькие стрелки, кружки, астериски, короткие

[1] *Kjellberg, Pierre*. Le mobilier français. T. 2: De la Transition Louis XV – Louis XVI à 1925. Paris, 1980. P. 5.

[2] Там же. P. 29.

[3] Маркетри — декорирование (инкрустация) мебели деревянной мозаикой (иногда с включением деталей из других материалов — от металлических лепестков до слоновой кости и перламутра).

простые линейки. Довольно показательна и перекличка типографских линеек «краткого» издания Дора с характерными для «Людовика XVI» геометрическими маркетри, которые разительно отличаются от инкрустаций прежнего стиля[1]. Правда, специфически «греческие» (точнее, римские — винкельмановские) черты стиля конкретно в этом издании не просматриваются: важна только реабилитация прямолинейности. Иначе говоря, «большое» издание «Моих фантазий» представляется рассчитанным для чтения за «читальным столом» (*liseuse*) рококо[2], а «малое» — за столом или секретером Людовика XVI[3].

Впрочем, и в «малом» издании «Моих фантазий» всё ещё довольно много курсива. В этом смысле гораздо более чистый образец «Людовика XVI» в книжном оформлении — другой сборник стихов Дора, «Мои новые прегрешения» (*Mes nouveaux torts*), вышедший как раз после смены короля, в 1775 году[4]. Существует «большое» издание также и этого сборника[5], где также почти нет курсива, но используются шрифт Фурнье (на титульном листе) и обильная орнаментика. Соблазнительно сопоставить его и «малое» издание «Фантазий» со «стилем Помпадур», где прямолинейные и криволинейные формы сочетаются более или менее механически.

Эту идею, которую мы рассмотрели здесь на одном примере, можно подтвердить и более репрезентативным обследованием материала. Сейчас нам кажется уместным сказать ещё пару слов о судьбе книжного ампира; этот стиль, благодаря работам М.Н. Куфаева и Ю.Я. Герчука[6], был и остаётся пока наиболее изученным у нас (после, пожалуй, футуризма). Как и в мебели, ампир явился развитием «греческого» стиля — ещё бóльшим освобождением плоскости предмета (в частности, титульного листа и книжной полосы) от посторонних деталей. Истоки этих явлений и в книжном, и в мебельном искусстве следует искать в Англии 1750-х годов, соответственно у Джона Баскервиля и Томаса Чиппендейла. Но книга Баскервиля уже по всему вполне ампирная, а Чиппендейл ближе к французскому «переходному» стилю. Затем этот

---

[1] См. примеры в книге П. Кьельбера (соответственно t. 2, p. 66; t. 1, p. 172; 194–196).

[2] *Kjellberg, Pierre*. Le mobilier français. Paris, 1980. T. 1. P. 207.

[3] Например: *Kjellberg, Pierre*. Le mobilier français. Paris, 1980. T. 2. P. 102, 108.

[4] Есть в ВГБИЛ.

[5] Есть в отделе редких книг Российской государственной библиотеки (РГБ).

[6] См.: *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. М., 2003; *Герчук Ю.Я.* Эпоха политипажей. М., 1982.

стиль эволюционировал на континенте, и только после того, как там появились соответствующие интерьеры, получил продолжение и баскервилевский стиль. Притом если в Германии конца XVIII века это можно связать с наступлением литературного классицизма (видимо, не столько веймарского, сколько северного — Лессинга и Фосса), то во Франции такая связь просматривается с трудом. Да и мы только что видели, что одна и та же модная книга могла издаваться в разных модных стилях. То есть не стиль подстраивался к ней, а она к стилю.

Заметим кстати, что в живописи стилевая эволюция шла, кажется, более извилистыми путями. При Людовике XV работали Жорж Латур и Жан-Батист Шарден (наряду с Франсуа Буше и другими подобными, к числу которых относится и Эйзен), а при Людовике XVI в моде оставался Жан-Оноре Фрагонар (наряду с Юбером Робером и Жаном-Луи Давидом, который уже тогда создавал вполне ампирные композиции). В градостроительном же искусстве эпоха Людовика XV дала такие образцы почти конструктивизма, как королевские площади Нанси и Бордо.

Период, когда раскрытая, читаемая книга должна была гармонировать со своим окружением, не ограничивался XVIII веком. Предположительно его начало можно приурочить к 1600-м годам, а конец — к первой трети XIX века. Совпадение верхней хронологической границы с окончанием эпохи ручной печати едва ли случайно, но и причинно-следственной связи здесь, скорее всего, нет. Техника, особенно изобретение торцовой гравюры на дереве и литографии, сыграла какую-то роль в становлении нового подхода к чтению и, соответственно, тексту, но лишь вспомогательную. По гораздо более глубоким культурным причинам книга теперь стала восприниматься не как вещь в мире вещей, а как вместилище реальности, внеположной чувственной. Отсюда новая роль иллюстрации, в массовом порядке вернувшейся на книжную полосу и уже не только украшавшей книгу, а помогавшей вжиться в неё. Показательный, хотя и частный, факт — распространение перспективных концовок[1], уводящих буквально в глубь полосы и даже «сквозь» неё — непосредственно в текстовую и затекстовую реальность. А в деловой и учебной книге, где смысл не требовал особого погружения, не требовалось и вообще никакого стиля.

---

[1] На характерный пример (концовка из сборника «Родные отголоски» 1875 года) указал Ю.Я. Герчук в своей работе «Художественная структура книги» (М., 1984. С. 67).

Это, однако, продолжалось не так долго. Конец XIX — начало XX века вновь породили весьма активные книжные стили, связанные с искусством интерьера: стиль Морриса, потом югендштиль, потом конструктивизм. Все они в значительной мере освобождались от связи между оформлением и содержанием текста. Стиль, созданный Уильямом Моррисом для артуровских романов и Чосера, потом эксплуатировался в отчётах благотворительных обществ, а может быть, и в ещё более утилитарных изданиях. Рамками в стиле модерн могли оформляться популярные брошюры для рабочих. Примерно то же относится к конструктивизму. Но для всех этих стилей — особенно по сравнению с книгой Старого режима — характерно то, что их отношения с интерьером противоположны. Во-первых, они, кроме дорогих показательных образцов, сфокусированы больше на обложке, а внутренность книги может оставаться бестильной или почти бестильной. Во-вторых, если прежде книга как предмет ориентировалась на внешний мир, то теперь она этого не делает, но и не пытается ориентировать внешний мир на себя. Она просто «не обращает внимания» на него. Понятно, что обстановка, в которой читались (и хранились) марксистские брошюры, с югендштилем никак не соотносится. Конструктивисты, видимо, хотели, чтобы в неопределённом будущем все интерьеры оформлялись по тем же принципам, что и их книги, но непосредственно обращались к таким читателям, которые не могли ещё оформить интерьер ни по каким принципам.

Ольга Морева

«ЧИТАЮТ В МЕДВЕЖЬИХ УГЛАХ МНОГО»: ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Западные интеллектуалы видят историю чтения как «одну из наиболее популярных форм истории практик, граничащую, с одной стороны, с историей письма, а с другой — с более ранней «историей книги» (книготорговли, цензуры, и т. д.)»[1].

Последователи школы «Анналов» называют читательскую деятельность культурной практикой, при описании которой «упор должен быть перенесён на выявление социальных различий в противоположных по назначению текстах и на изучение тех множественных и подвижных смыслов, какими наделяют эти тексты их читатели»[2]. Исследование читательских практик позволяет лучше понять «молчаливое производство», каким является «читательская деятельность»[3], и наиболее полно описать всё, что связано с историей чтения.

Хотя, по мнению Р. Шартье, читательская деятельность — это культурная практика, которая «редко оставляет следы, рассыпается на бесконечное множество отдельных актов и охотно нарушает любые поставленные ей границы»[4], теория социальных практик позволяет её изучать. Под «практиками» социологи понимают «всё, что мы делаем», а наиболее распространённый сегодня способ использования этого термина — это «противопоставление того, как на самом деле, тому, как нечто выглядит на бумаге или в теории»[5].

Источниками для нашего анализа послужили «читательские следы» и следы бытования, сохранившиеся в изданиях второй половины XIX — начала XX века из фонда библиотеки имени В.Г. Белинского, делопроизводственная документация, статистика и эго-документы.

---

[1] *Берк П.* Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. С. 81.

[2] *Шартье Р.* Письменная культура и общество / пер. с фр. и послесловие И.К. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. С. 14.

[3] Там же. С. 142.

[4] Там же. С. 125.

[5] *Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 15, 7.

Практики чтения в отдалённых уральских заводах и городах имели свою специфику. Оторванные от «общества» горные инженеры и их жёны, представители заводской интеллигенции, а также учителя, врачи, юристы во многом только благодаря чтению поддерживали связь со столицами и интеллектуалами Российской империи. В.Е. Грум-Гржимайло[1] считал, что «жизнь на Урале для интеллигентных людей была большим испытанием и никогда не была лёгкой». По его мнению, человеку, попавшему в «малокультурную» среду подчинённых, было особенно трудно «удержаться на границе порядочности». Малоинтеллигентное общество вокруг, относительно привилегированное положение самой интеллигенции, скука повседневности, отсутствие интересов освобождало человека от «условностей городских приличий», и он являлся «во всей наготе своих пороков». Поэтому жизнь интеллигента на Урале могла развиваться в двух направлениях: либо оригинальный ум, твёрдый характер и высокая нравственность на свободе провинциальной жизни вырабатывали «чрезвычайно интересные черты и характеры», либо та же свобода давала «основу развития крайне безобразных сторон характера».

«В конце концов в провинциальной жизни мы видим совмещение двух крайностей, — писал известный учёный-металлург. — Фигуры большой моральной красоты — и фигуры анекдотические. Первые долго живут в памяти народной и обращаются в легендарные личности — испытанные руководители психики народной. Анекдоты о вторых тоже переходят из уст в уста и оттеняют картину народной жизни»[2].

По нашему мнению, именно чтение позволяло интеллигенту (инженеру, учителю, врачу…) удерживаться «на границе порядочности». В.Е. Грум-Гржимайло писал: «Читают в медвежьих углах много, но… книги не дают впечатлений реальности. Живя в Салде, я читал или французские романы, уносясь за тридевять земель, или путешествия, или историю, одним словом, вещи, уносящие меня от окружающей жизни возможно дальше»[3].

---

[1] Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (1864–1928) — российский и советский изобретатель, инженер-металлург, педагог и организатор производства, член-корреспондент Академии наук СССР (1927). В 1885–1902 годах служил на Нижнетагильских заводах, принадлежавших Демидовым.

[2] *Грум-Гржимайло В. и С.* Секрет семейной жизни. Книга для семейного чтения / под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 60–61.

[3] Там же. С. 86–87, 93.

Книги о путешествиях в прошлое или в экзотические страны пользовались неизменным успехом у провинциалов, т. к. их жизнь «протекала в двух пространствах одновременно: реальном — уютном, обжитом, однако обыденном, тесном и оторванном от большого мира, и воображаемом — безграничном, притягательном»[1], но доступном только через книги. Так чтение «размыкало временные и пространственные границы» мира провинциалов.

Об уральской специфике практик чтения свидетельствует история совместного использования книг из личной библиотеки Алексея Ивановича Кронеберга (1828–1880)[2] в годы его работы в Нижнем Тагиле. В 1872 году его книжное собрание составляло 3 000 томов[3]. В 1872–1876 годах Алексей Иванович служил в должности помощника управляющего Нижнетагильским округом. Переехав на новое место службы, он получил квартиру, в которой не мог выделить комнату для библиотеки. Книги хранились в сарае «закупоренными в ящиках», ими нельзя было пользоваться. Поэтому он обратился к управляющему заводов Е.К. Ните с предложением о передаче книг в заводскую библиотеку[4]. Документы, связанные с этой передачей, позволяют судить о составе библиотеки, внешнем виде книг, организации этого книжного собрания.

А.И. Кронеберг составил каталог библиотеки в нескольких тетрадях[5]. На книгах стоял владельческий штамп, который сам Алексей Иванович называл своим «именным клеймом»[6]. Многие книги были без переплётов[7]. Не имея возможности переплести все книги, Алексей

---

[1] *Головина Т.Н.* Из круга чтения помещиков средней руки (по документам 1830–40-х годов из усадебного архива) // Новое литературное обозрение. 2008. № 5. С. 393.

[2] О биографии А.И. Кронеберга подробнее см.: *Супонев А.Н.* Некролог А.И. Кронеберга // Екатеринбургская неделя. 1880. 7 мая. С. 289–299; 30 апреля. С. 281–282; *Курочкин Ю.* Кому от кого // Уральский библиофил. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1984. С. 153–156; *Микитюк В.П.* Алексей Иванович Кронеберг // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX — начала XX века / отв. ред. и сост. Е.Г. Неклюдов. Нижний Тагил: НТГПИ, 1998. С. 44–55.

[3] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 643. Оп. 1. Д. 1784. Л. 11.

[4] Там же. Л. 2.

[5] Там же. Л. 7 об.

[6] Там же. Л. 2 об.

[7] С 1850-х годов А.И. Кронеберг проживал на Урале, в Сысерти — имении Соломирских, и мог пополнять библиотеку, только выписывая книги по почте. Как правило, это были издания в тетрадях — без переплёта и обложек.

Иванович пользовался ими в таком виде, но для общественного пользования это было неудобно. Поэтому заведующий библиотекой просил заводоуправление изыскать средства не только для изготовления трёх шкафов, в которых хранилась бы личная библиотека А.И. Кронеберга, но и для переплёта книг, «которые по предположению могут быть чаще других требуемы»[1].

Чёткое и детальное изложение своих пожеланий при передаче книг свидетельствует о знании библиотечного дела, основ библиографии и знакомстве с библиотечными правилами. Любопытно, что к условиям А.И. Кронеберга заведующий библиотекой добавил лишь пункт, касающийся возможной потери книг[2]. Алексей Иванович предусмотрел только, что книги могут «от частого употребления изветшаться», и библиотека за это отвечать не может[3], но, как читатель аккуратный и обязательный, он не учёл, что их могут просто потерять.

После составления договора о передаче книг, с 27 июня 1872 и до 11 сентября 1876 года книги из личного собрания А.И. Кронеберга[4] были доступны для всех читателей заводской библиотеки. За владельцем сохранялось право собственности на книги, и он мог «пользоваться ими, не стеснённый установленными при библиотеке сроками обеспечения» (хотя мог попасть и в ситуацию, когда нужная ему книга была выдана кому-нибудь из читателей). Но, думая «об обоюдной пользе», он готов был мириться с некоторыми неудобствами. Уезжая из Нижнего Тагила, Алексей Иванович «все принадлежащие и хранившиеся в библиотеке заводской книги обратно [получил] сполна»[5].

Бывало, что книги или даже целые библиотеки, принадлежавшие занятым на Урале специалистам, оставались здесь и после возвращения хозяев в столицу или их переезда на другое место службы. Самое знаменитое из таких книжных собраний — библиотека Василия Никитича Татищева (1686–1750). Один из отцов-основателей города Екатеринбур-

---

[1] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1784. Л. 7 об.

[2] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1784. Л. 13.

[3] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1784. Л. 2 об.

[4] Подробнее о библиотеке А.И. Кронеберга см.: *Шабаршина (Морева) О.В.* Библиотека Алексея Ивановича Кронеберга: попытка реконструкции // Восьмые Татищевские чтения: материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 27–28 мая 2010 года / под ред. В.В. Запария, С.П. Постникова. Екатеринбург, 2010. С. 133–137.

[5] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1784. Л. 3.

га, он, покидая Урал в 1737 году, оставил прекрасно сформированную личную библиотеку[1]. На страницах городской газеты «Екатеринбургская неделя»[2] довольно часто печатались объявления, начинавшиеся со слов «По случаю отъезда…», информировавшие о распродажах домашней утвари, музыкальных инструментов и книжных собраний «с уступкой» от 20 до 50% от стоимости. В фонде «Белинки» — Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского — сохранились книги со следами смены владельцев. Так, на издании «Записок об уженье рыбы» С.Т. Аксакова, напечатанном в московской типографии Т.И. Гаген в 1881 году, на форзаце есть владельческая запись чернилами «Петровский Осип Петровский», а на авантитуле — экслибрис-штамп «Степан Васильевич Логинов в Екатеринбурге».

С другой стороны, в семьях уральцев хранились книги, полученные по наследству; так формировались родовые библиотеки. Отдельного внимания заслуживают записи в месяцесловах из личных библиотек уральских священнослужителей, сохранившиеся в «Белинке». Эти издания, необходимые священникам в исполнении служебных обязанностей и использовавшиеся в обыденной жизни, содержат уникальные свидетельства не только о практиках чтения, но и о повседневной жизни провинциального духовного сословия.

Так, на форзаце одного из таких изданий чернилами сделана владельческая запись: «Из книг священника Александра Архиппова». В книге почти на каждой странице пометы, подчёркивания и отдельные слова, связанные со службой. На свободных страницах (в конце каждого месяца) множество записей, касающихся семейной жизни и истории России, погодных катаклизмов и православных праздников, хозяйства и военных действий. Записи сделаны разными почерками (самая ранняя датируется 1831 годом, поздняя — 1917-м). Характер записей свидетельствует о том, что книга хранилась в семье и передавалась из поколения в поколение. «1886 года 6 апреля. Родился сын Кенсорин от Сергея Александровича и Анны Николаевны Архипповых в селе Ольговском. Вос-

[1] Каталог книг В.Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея / сост. А.М. Сафронова, В.Н. Оносова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 358 с.

[2] С номерами газеты можно ознакомиться в электронной библиотеке Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского [Электронный ресурс: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/4768].

приемники дедушко священник Александр Архиппов и бабушка Мария Васильевна Фиксен», — написано чернилами на страницах месяцеслова на 1831 год. Ещё одна запись проясняет, почему внуку священника Александра при крещении дали такое редкое имя: «1889 года в ночь с 6-го на 7-е марта в 1 час 25 м. скончался от паралича сердца священник Александр Кенсоринович Архиппов 57 лет от роду». Запись, сделанная в 1917 году, очень символично обрывается: «18 июня 1917 года наша [нрзб.] славная наступление на». Эти записи тоже читали, как и текст книги, вносили правку и дополнения, сверялись, чтобы вовремя поздравить с именинами или отметить годовщины.

Процесс формирования библиотеки при управлении Сергинско-Уфалейских заводов в Нижне-Сергинском заводе, год основания которой 1861-й, ярко иллюстрирует особенности развития библиотечного дела на Урале. По сути, это была «подписная библиотека», но её местонахождение — на частном заводе — отличало её от других библиотек подобного типа. За такие «общественные библиотеки» ратовал один из видных деятелей кооперативного движения в России — Николай Петрович Баллин (1829–1904). Он являлся инициатором организации кооперативных общественных библиотек, составлявших коллективную собственность подписчиков, в которых каждый читатель платил за выписку определённых журналов или книг, поступавших по взаимному соглашению читателей в коллективную собственность общественной библиотеки. Для него общественная библиотека — это библиотека подписчиков, т. е. кооперативная библиотека, полностью независимая от государственной администрации[1]. Судя по сохранившимся документам, библиотека Сергинско-Уфалейских заводов была именно такой «общественной библиотекой»[2]. Библиотеки «в денежную складчину» возникали впоследствии по инициативе рабочих коллективов. Так, известен документ 1876 года, составленный рабочими и мастеровыми главных мастерских Ростово-Владикавказской железной дороги, об организации библиотеки. Исследователи отмечают, что это один из первых документов по библиотечному делу, созданный самими рабочими[3]. Но Уральская библиотека была создана раньше.

---

[1] *Баренбаум И.Е.* Штурманы грядущей бури: Н.А. Серно-Соловьевич, Н.П. Баллин, А.А. Черкесов. М.: Книга, 1987. С. 115, 153.

[2] ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–51 (с об.).

[3] *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX века). М.: Пашков дом, 2003. С. 120.

В январе 1859 года в Нижне-Сергинском заводе инициативная группа из семи человек составила правила и объявила подписку для сбора средств на организацию «общественной библиотеки для чтения разных книг, объявленных в газетных объявлениях в продажу»[1]. По правилам библиотеки пользоваться её фондами могли те жители Нижне-Сергинского завода, которые «пожертвовали» взнос «от 1 р. и не менее 50 коп. серебром»[2]. В первом сборе средств участвовали 66 человек, из них по 1 рублю внесли 57 человек (87% подписчиков), три человека (5%) — по 50 копеек, два человека (3%) по полтора рубля и ещё два — по 2 рубля, один (2%) — 5 рублей. Всего было собрано 72 рубля 50 копеек[3]. В складчину начинал формироваться фонд этой библиотеки, и решение о подписке на периодические издания принималось совместно всеми её читателями[4].

Нижне-Сергинская общественная библиотека, финансировавшаяся на средства заводчан и расположенная в управлении частного завода, обладала всеми отличительными признаками подобных библиотек[5]: она не контролировалась властями, при формировании не ограничивалась никакими законоположениями, книги заказывались от частных лиц. Её фонды формировались исключительно по желанию подписчиков, что наглядно демонстрирует форма проведения «подписных компаний».

Кроме этого книжного собрания, в Нижне-Сергинском заводском посёлке были организованы также техническая библиотека для служащих при заводоуправлении, медицинская — при заводской больнице и библиотека для отдыхающих на курорте.

Примечательная практика чтения журналов применялась в библиотеках Урала. Как прочитывали периодические издания в учебных заведениях Екатеринбурга, можно увидеть на обложках «Вестника Европы»

---

[1] ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–2.

[2] Там же. Л. 42 об.

[3] Там же. Л. 1–2.

[4] Подробнее см.: *Шабаршина (Морева) О.В.* Государство и библиотеки на Урале во второй половине XIX — начале XX века // Библиотека и история: тезисы международной научной конференции. Москва, Государственная публичная историческая библиотека России, 18–19 ноября 2008 года. М., 2008. С. 91–93.

[5] Среди общественных библиотек, созданных в то время и по подобным правилам, выделялась Нижнетагильская заводская библиотека. Подробнее см.: *Шабаршина (Морева) О.В.* Нижнетагильская заводская библиотека Демидовых и её читатели // Книжное дело в России в XIX–XX веках: сборник научных трудов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. Вып. 14. С. 128–140.

за 1905 год — год первой русской революции. Так, чтобы преподаватели Екатеринбургского епархиального женского училища могли быстрей познакомиться с журнальными публикациями, номера «Вестника» выдавались читателям по определённой системе. Составлялся список читателей, каждому на прочтение номера отводилось определённое время (3–4 дня). Листок с «читательской очередью» наклеивался на обложку журнала. Такая регламентация чтения позволяла 15 преподавателям за месяц перечитывать материалы журнала.

Такую же «очередь» можно увидеть и на обложке «Воздухоплавателя» за 1911 год — экземпляра, принадлежавшего Бесплатной народной библиотеке-читальне имени П.М. Дмитриева[1], а также на номерах «Вестника Европы» за 1916 год из библиотеки Екатеринбургской земской управы. Видимо, такая практика применялась в отношении особенно востребованных журналов, когда нужно было обеспечить доступ к важной информации для большого количества читателей за короткий срок[2].

Воспоминания и дневники служат уникальным источником сведений не только о читательских предпочтениях и реакциях на прочитанное, но и о практиках, распространённых в разных социальных слоях. Так, благодаря дневнику Таисии Ивановны Спириной (1901–1959) из семьи «гармонных дел мастера» из Нижнетуринского заводского посёлка узнаём, как читала и использовала книгу она сама, а также её близкие и друзья. Свой дневник Тая начала вести в сентябре 1916 года и продолжала его, всего лишь с небольшими перерывами, почти до самого конца своей жизни. Часть из них — с сентября 1916 по июль 1919 года — опубликована[3]. Таисия окончила три класса земской школы, а затем помо-

---

[1] Библиотека носила имя Павла Михайловича Дмитриева — инженера-механика, погибшего по время Русско-японской войны на миноносце «Страшный». Подробнее о его биографии см.: *Микитюк В.П.* Дмитриев Павел Михайлович // Свободная энциклопедия Урала [Электронный ресурс: http://энциклопедия-урала.рф].

[2] По воспоминаниям коллег знаю, что подобную практику (записывать очерёдность выдачи читателям) библиотекари применяли также и в 1990-х годах, когда огромные читательские очереди выстраивались за толстыми литературными журналами.

[3] «Когда бабушке было пятнадцать...»: дневник нижнетуринской барышни / Т. Спирина; подготовка к публикации, комментарии, вступ. ст. С. Белобородова // Дети горы Благодать: культурно-исторические очерки. Екатеринбург: Сократ, 2006. С. 380–424.

гала — отцу в мастерской, матери в домашнем хозяйстве, учительнице-библиотекарю в земской библиотеке. Осваивала женские рукоделия, с мая 1918 года служила телефонисткой.

Дневник этой «нижнетуринской барышни», кроме традиционных и популярных практик чтения вслух (маме, тёте, сестре, подругам, для себя художественных романов и духовных текстов), фиксирует и такое использование книги, как «списывание»[1]. В записи от 19–22 апреля 1917 года: «Тяте списывала из словаря некоторые слова. Пол словаря уже прошла, ещё пол словаря надо»[2]. Вероятней всего, речь идёт о словаре «общедоступных сведений по всем отраслям знания» под редакцией С.Н. Южакова, который был популярен в широких читательских кругах[3]. Тая была активной читательницей земской библиотеки; можно предположить, что издание из библиотеки нужно было вернуть и для отца она выписывала необходимые ему статьи. Такая практика существовала из-за неразвитой книготорговой сети в уральской глубинке.

О книжной торговле в уездах можно судить по данным, предоставленным полицейскими исправниками. В 1909 году Пермское губернское управление издало циркуляр с требованием полицмейстерам и уездным исправникам предоставить сведения «о заведениях, производящих и продающих принадлежности тиснения, а также о книжных магазинах, лавках и библиотеках для чтения по приложенной при том циркуляре форме ведомости с показанием названных заведений на 1 июля текущего года». По предоставленным сведениям, в одном из центральных горнозаводских уездов губернии, Верхотурском, было всего восемь книготорговых предприятий. В состав Верхотурского уезда входили крупнейшие горные округа, а между тем некоторые из них и вовсе не имели специализированных торговых точек с «книжным товаром». Так, пристав Богословского горного округа в своём рапорте сообщал, что «заведений производящих и продающих принадлежности тиснения, а также книжных магазинов и лавок на вверенной ему территории нет». То же доносили полицейские надзиратели Надеждинского и Сосьвинского заводов. Не было

[1] «Когда бабушке было пятнадцать...» С. 385, 393, 395, 403.

[2] Там же. С. 393.

[3] Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. Изд. 4-е, со стереотипа. В 9 т. СПб.: Просвещение, 1904.

подобных учреждений на всей территории, подчинённой приставу 1-го стана Верхотурского уезда, включавшей семь волостей: Всеволодоблагодатскую, Караульскую, Красногорскую, Махнёвскую, Меркушинскую, Николае-Павдинскую и Усть-Лялинскую. Пристав 3-го стана из Алапаевска в своём донесении тоже поставил прочерк в графе «книжные магазины и лавки»[1].

В числе этих восьми уездных книготорговых заведений — пять лавок, два магазина и один книжный склад в Верхотурье, принадлежавший земской управе[2]. В Нижнетагильском заводе работал магазин «жены медицинского фельдшера» Марии Александровны Ахаимовой, торгующий «учебниками для разных учебных заведений, книгами для чтения разных изданий и картинами», а также книжная лавка мастерового завода Ивана Алексеевича Волкова с «книгами духовно-нравственного содержания, Священным писанием, иконами». В Кушвинском заводе с мая 1907 года работал книжный магазин, принадлежавший дочери старшего советника Клавдии Николаевне Высоцкой. В мае 1910 года в доме Министерства народного просвещения была открыта книжная лавка обывателя Кушвинского завода Андрея Ивановича Грамматчикова. В Нижнесалдинском заводе в отчётный период функционировали две книжных лавки крестьянина Нижнесалдинской волости Василия Павлова Всехвальских и крестьянки этой же волости Устиньи Ивановны Беловой[3]. Как видно, в основном эти магазины и лавки торговали учебниками, книгами «для народа», духовной и лубочной литературой. Другие — «серьёзные» — книги жители уральских заводских посёлков брали в земских библиотеках и «списывали» оттуда необходимую информацию, как «нижнетуринская барышня».

Практики чтения, принятые на Урале, демонстрируют и «читательские следы», оставленные в книгах, содержащихся в отделе редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского. Так, на книге И.И. Иванюкова «Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени» (М.: Н.И. Мамонтов, 1881) сохранились владельческие записи как минимум трёх человек. Один из них даже оставил краткий конспект

[1] ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 259. Л. 32, 33, 35 об., 41–46, 53, 61, 63–66.
[2] Там же.
[3] ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 259. Л. 36–38, 39–40.

книги на форзаце и нахзаце. Подобные «конспекты» и даже «споры» с автором можно увидеть во многих книгах[1].

Таким образом, специализированной книжной торговли практически не было, выбор книг в библиотеках был не слишком представительным. Для удовлетворения интеллектуальных и информационных потребностей оставалась ещё подписка на периодические издания. В 1881 году корреспондент «Екатеринбургской недели» сообщал, что «в последние 2–3 года подписка на газеты сильно выросла: публика интересовалась сперва перипетиями борьбы с турками, а теперь — борьбы с «крамолой»[2]. Высокий уровень организации почтового сообщения[3] позволял провинциалам быть активными читателями периодических изданий[4]. Чтение газет и журналов формировало особые практики: подписка, выбор способа оплаты и доставки, переписка с редакцией из-за организационных недоразумений, невозможность получить номера из-за цензурных арестов…

Практики чтения имели особенное значение именно для провинциальных читателей. По мнению современного исследователя В. Шкуратова, часть русской интеллигенции не столько действовала, сколько доказывала «свою реальность… непрерывным потоком книг, брошюр, журналов, газет, воззваний». Другая её часть идентифицировала себя с помощью чтения этого «потока»: газетная полемика заменяла парламентские прения, борьба журналов — противоборство партий, а рома-

---

[1] Например, на страницах книг из личной библиотеки Н.В. Топорнина. Подробнее см.: *Шабаршина (Морева) О.В.* «Педагогическая антропология» К.Д. Ушинского в восприятии нижнетагильского земского учителя // Учитель, перед именем твоим…: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Миссия учителя в прошлом, настоящем, будущем». 8–9 апреля 2010 года. Нижний Тагил, 2010. С. 207–214.

[2] *К. К. Р.* Курган. Тобольская губерния // Екатеринбургская неделя. 1881. 12 августа. С. 428.

[3] Подробнее об этом см.: *Морева О.В.* Почтово-посылочная книжная торговля во второй половине XIX — начале XX века: законодательство и организация // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2012. № 2. С. 100–106.

[4] См.: *Морева О.В.* Журнализация культуры: уральские подписчики во второй половине XIX — начале XX века // Одиннадцатые Татищевские чтения: Всероссийская научно-практическая конференция. Екатеринбург, 18–19 ноября 2015 года. Екатеринбург, 2015. С. 170–174.

ны — «социологические исследования и отчёты о состоянии страны»[1]. «Осевой линией модернизации» исследователи называют развитие «коммуникаций, связывающих людей»[2]. Именно книжная продукция в изучаемый период стала универсальным и доступным средством коммуникации, которое не только стимулировало пространственную и профессиональную мобильность, экономическую и политическую активность населения, но и влияло на исторический процесс, являясь показателем уровня модернизации. Можно, на наш взгляд, говорить о том, что следствием и в то же время свидетельством «продвинутости» модернизационных процессов на Урале стало формирование здесь Читателя, т. е. личности, важнейшей чертой которой была потребность в чтении и умение реализовывать эту потребность для достижения различных социальных целей. Поэтому так важно зафиксировать все возможные практики чтения, их особенности и разнообразие. Такой подход позволяет яснее «увидеть» роль читателя в развитии книжной культуры.

В свою очередь, книжная культура — это феномен и одновременно сложный процесс, подверженный влиянию политических, экономических и культурных факторов. И то, что при общем росте культуры чтения она была распространена неравномерно в разных гендерных и возрастных группах, говорит лишь о начале формирования на Урале второй половины XIX — начала XX века Читателя, а также — о незавершённости общей модернизации Уральского региона и страны в целом.

---

[1] *Шкуратов В.* Интеллигенция в проекте современности // Логос. 2005. № 6. С. 247.

[2] *Кравченко И.И.* Модернизация мира и сегодняшней России. Выход из кризиса // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 7.

Елена Панченко

ЦВЕТЫ И КНИГА

О гербарии в «Московских ведомостях» из библиотеки Санкт-Петербургского института истории

В усадьбах читали не только зимой в кабинете, но и летом на природе, а кабинетом тогда служила беседка или просто скамейка в саду. Вот, например, как это было в начале XX века: «В дедушкиной библиотеке нашёл я иллюстрированные журналы, переплетённые за год, и читал их, не отрываясь, таская толстые томища за собою даже в сад, в свои барбарисовые беседки. И вот однажды утром… обнаружил в кустах открытый том «Нивы», засыпанный листьями, сухими веточками и окроплённый росой»[1].

На широко известном книжном знаке историка и коллекционера Николая Петровича Лихачёва[2] (1862–1936), большая часть собрания которого хранится в библиотеке Санкт-Петербургского института истории, учёный изображён в заполненном книгами кабинете, но этот кабинет увит гирляндами цветов. Н.П. Лихачёв был первым в своей семье городским жителем и создателем городской библиотеки. (И надо сказать, видел огромное различие в обустройстве усадебной и городской библиотек: «Непрочны библиотеки городских собирателей! Нет в городах тех деревенских сундуков, кладовых и чердаков, в которых помещичьи библиотеки отлёживались, но зато и сохранялись… Обыватель [в городе] старается втиснуться в возможно меньшую квартиру… Прошло время огромных буфетов, платяных шкапов, окованных жестью блестящих сундуков с приданым! Для каждого кресла, для каждого стула высчитано место, что же касается книг, то лишь в более или менее значительных квартирах полагается в «кабинете» место для книжного шкапа»[3].)

---

[1] *Шварц Е.* Живу беспокойно… Из дневников. Л., 1990. С. 74.

[2] Экслибрис Н.П. Лихачёва неоднократно публиковался. Например: *Лихачёв. Н.П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913. С. 98; *Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г.* Экслибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета: альбом-каталог. М., 1985. С. 106. № 88; *Панченко Е.З.* Владельческие знаки библиотеки Лихачёвых // Наследие Николая Петровича Лихачёва: Интерпретация текста и образа. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 71. СПб., 2014 (знак помещён на обложке).

[3] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 98–99.

Но в детстве и юности он, как и все предыдущие поколения библиофилов и читателей его семьи, жил и читал в усадьбе. В лихачёвских книгах и сейчас ещё встречаются закладки-травинки, напоминающие о чтении на природе.

В книге мог оказаться и сохранённый на память цветок. Цветок и книга даже в наше время — один из самых популярных сентиментально-романтических образов. В интернете множество изображений живых или засушенных цветов на раскрытых страницах сопровождаются цитатами из Пушкина:

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя…

(III, 1; 137)

или современными стихами:

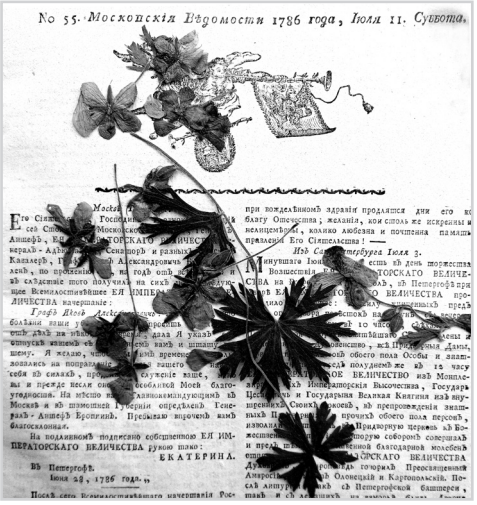
Засушенный цветок в страницах старой книги,
несбывшейся любви чуть слышный аромат…[1]

Сорванный цветок по-прежнему говорит о мимолётности счастья и быстротечности жизни. Но и традиционная бумажная книга, в которой хранятся сентиментальные реликвии, тоже перестала казаться вечной. Пара «цветок и книга» символизирует теперь печаль не только об ушедших молодости и любви, но и, пожалуй, о конце романтичной доэлектронной эпохи.

Между цветами и книгой существует особая связь. Конечно, цветы и их реалистичное или (чаще) стилизованное изображение служат украшением. Они украшают всё «книжное»: переплёты и обложки, текст (инициалы, заставки, концовки) и форзацную бумагу. Цветы можно увидеть на книжных знаках[2], эмблемах книготорговых фирм и т. д. Од-

[1] Стихи Елены Журавлёвой-Подольской // Портал «Стихи.ру» [Электронный ресурс: https://www.stihi.ru/2013/11/09/7688].

[2] Кроме уже упомянутого экслибриса Н.П. Лихачёва, можно вспомнить знаки Н.Я. Агафонова, Библиотеки Медицинской канцелярии, А.Ф. Смирдина, П.И. Крашенинникова и А.С. Ширяева (у последних трёх сходный рисунок), Н.К. Синягина и даже Николая II.



№ 55. Московскія Вѣдомости 1786 года, Іюля 11. Суботa.

Его Сія[illegible] Москва [illegible] при пожеланіяхъ здравіи продлятся дни его къ благу Отечества; желанія, кои столь же искренны и неизмѣнны, сколько любезны и почтенны памяти правителя Его Сіятельства! —

Въ Санктпетербургѣ Іюля 3.

Минувшаго Іюня [illegible] есть въ день торжества Волшебства [illegible] ГОСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на [illegible] въ Петергофѣ при [illegible] ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] предъ [illegible] 10 часо[illegible] [illegible] Шкаф[illegible] [illegible] Дамы, [illegible] обоего пола Особы и знатнѣ[illegible] [illegible] предъ полуднемъ же въ 12 часу [illegible] ВЕЛИЧЕСТВО изъ Монплезиръ [illegible] Императрицею Высочества, Государь [illegible] и Государыня Великая Княгиня изъ внутренняго [illegible] Своихъ [illegible] ковъ, въ препровожденіи знатныхъ [illegible] прочихъ обоего пола персонъ, изволяли [illegible] Предпослѣдуя первымъ въ Большую соборомъ совершаемъ [illegible] ГОСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] Преосвященнымъ [illegible] Амвросіемъ [illegible] Олоненцкія и Карпопольскія. Послѣ [illegible] въ Петергофской башнѣ [illegible]

Москва [illegible]

Его Сія[illegible] Московскаго [illegible] ГОСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА [illegible] Сенаторъ и разныхъ Кавалеръ, [illegible] Александровичъ [illegible] ленія, по прошеніи [illegible] годъ отъ [illegible] въ сладкіе того получилъ на сихъ [illegible] ще Всемилостивѣйшее ЕЯ ИМПЕРА[illegible] ВЕЛИЧЕСТВА начертаніе:

Графъ Иванъ Алекс[illegible]

[illegible] болѣзни ваши [illegible] дала Я указъ [illegible] отпускать [illegible] ваши и [illegible] шему. Я желаю, [illegible] временемъ [illegible] лоулись на поправленіе [illegible] вашего [illegible] тебя въ силахъ, [illegible] скутеніе ваше, [illegible] вы и прежде писали [illegible] Моей благоугодности. На мѣсто [illegible] Главнокомандующимъ въ Москвѣ и въ нижнемъ Губерніи опредѣлилъ Генералъ-Аншефъ Брюсовъ. Прежалуй вручитъ вамъ благосклонность.

На подлинномъ подписано собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою такъ:

ЕКАТЕРИНА.

Въ Петергофѣ.

Іюня 28, 1786 года.

Послѣ сего Всемилостивѣйшаго начертанія Рос-

нако они украшают книгу не совсем так, как одежду или посуду. Цветочный декор книги отсылает к Библии: земные цветы напоминают о райском саде, а сама книга — райский сад с древом познания. Древо познания — это и один из популярных сюжетов книжных знаков: дерево, яблоки, змей, часто с девизом *inter folia fructus* — «среди листов (или листьев) плоды»[1]. Традиционная книга-кодекс как предмет материальный сама подобна растению: у неё есть листы (а в русском языке и у растения, и у книги есть корешок), при этом чтение любой книги приносит плоды — (по)знание. Казалось бы, богатая тема для культурологических трактатов, выставок, альбомов, но её разработки, скорее художественные, чем историко-книжные, совсем не многочисленны (тут вспомним «Имя розы» Умберто Эко).

Эта же работа посвящена книге, история которой была раскрыта благодаря сохранившимся в ней цветам.

Книга, о которой пойдёт речь, была отобрана для работы по программе превентивной консервации Библиотеки Академии наук. Из специального картона для ценных, но недостаточно защищённых или повреждённых книг изготавливаются коробки-контейнеры, при этом каждая книга проверяется на наличие плесени, ломкость бумаги, очищается от мусора и так далее. Переплетённая подшивка «Московских ведомостей» за 1786 год[2] была отобрана из-за дефектов переплёта. Во время полистной гигиенической обработки книги консерватор, ведущий инженер Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов Библиотеки Академии наук И.В. Це-

[1] Например, один из знаков антикварной торговли П. Губара и Н. Волкова.

[2] Московские ведомости. М., 1786. № 1–104. 918 с. Шифр Санкт-Петербургского института истории V 1263, инв. № П 12835.

велёва, обнаружила между листами засушенные растения, затем ещё и ещё. Растения лежали не по одному, а группами. Это были не закладки и не память о свидании, скорее — подготовленные для гербария образцы. Как и положено в библиотеке, книга в своё время подвергалась технической обработке (штемпелеванию, шифрованию), но, тем не менее, гербарий сохранился. Мы узнали лепестки садовых и луговых цветов средней полосы — пиона, лилии, василька, были и незнакомые растения. Вид цветов, сорванных кем-то и сохранённых в книге, вызывает старые вопросы:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

(III, 1; 137)

Перед библиотекарями встал ещё один вопрос: что делать с обнаруженным гербарием? Ради сохранности книги в ней не должно быть посторонних предметов. С другой стороны, невозможно видеть в гербарии просто мусор. Засушенные растения были помещены в конверты и положены не внутрь книги, а вместе с книгой в приготовленный контейнер-коробку. Так сохранилась и книга, и ботанические образцы, но пропала красота страниц летних выпусков «Московских ведомостей» с лежащими на них сорванными цветами.

Уникальные особенности библиотечного экземпляра заслуживают того, чтобы быть сохранёнными. Простой способ — фотографировать их и хранить снимки в электронном архиве (а распечатанные фотографии можно хранить вместе с книгой). Хорошо, если есть возможность продемонстрировать находку на сайте библиотеки или библиотечного сообщества: ведь существует опасность, что старые библиотечные книги будут со временем заменены электронными копиями, и тогда уникальные черты отдельных экземпляров книг исчезнут навсегда[1]. Растения из обнаруженного в газетном томе гербария были использованы

[1] В качестве дополнения: в США на сайте Book traces создаётся национальная база библиотечных книг с неповторимыми особенностями: надписями, рисунками, вложенными письмами и фотографиями, прядями волос, засушенными растениями и т. д. Одна из задач сайта — показать уникальность каждого экземпляра печатной книги [Электронный ресурс: www.booktraces.org].

для оформления выставки старых календарей из нашего фонда[1]. Идея выставки календарей, конечно, была подсказана темой одной из конференций цикла «Библиотека в усадьбе» — «…и календарь осьмого года». Цветы добавили суховатой книжной экспозиции осязаемое ощущение подлинности и налёт философской лирики. В то же время книги, раскрытые на страницах с цветами, напоминали об эпохе усадебного чтения в саду и на природе.

Само название газеты — «Московские ведомости» и то, что она в виде переплетённого тома оказалась в петербургской библиотеке, казалось бы, говорит о том, что гербарий собирался в Петербургской или Московской губерниях или в местностях где-то между Петербургом и Москвой. Да и большинство растений выглядели вполне знакомыми. Но для точного определения состава гербария нужна была помощь специалистов. В Ботаническом саду засушенные растения обрели как русские, так и латинские наименования[2]. Оказалось, в этом «саду» росли не только пионы и лилии. Собиратель гербария не меньше внимания уделял разного рода сорнякам (тут нашлись сныть, крестовник, бутень, свияга), а также совсем простым луговым растениям: были идентифицированы лютик, два вида ромашек, мышиный горошек, колокольчик, манжетка, мятлик луговой. Определить растения было не так просто даже для профессионала-ботаника, специалиста по нашей местной флоре. Банальный тысячелистник оказался представлен двумя видами, один из которых был ботанику не знаком; атрибутированный тмин вызывал сомнения из-за своих необычно крупных размеров; лепестки какого-то цветка так и не были распознаны. Удивительно, но один из фрагментов оказался цветочной луковицей. Первое представление о том, что гербарий собирала хозяйка дворянской усадьбы, выходя жарким летним днём в сад, плохо увязывалось с огородным характером и неказистым видом большинства растений. Может быть, это был гимназист, летом на каникулах выполнявший задание учителя?

---

[1] Выставка «Календари, альманахи, памятные книжки (ежегодные российские справочные издания XVIII — начала XX века», приуроченная к 300-летию Библиотеки Академии наук, проходила в октябре — декабре 2014 года в читальном зале библиотеки Санкт-Петербургского института истории.

[2] Определением растений гербария занималась сотрудник отдела «Гербарий высших растений» Ботанического института имени В.Л. Комарова Российской академии наук кандидат биологических наук Г.Ю. Конечная.

Итак, в томе «Московских ведомостей» были обнаружены: тысячелистник обыкновенный (Achillea millefolium), свербига восточная (Bunias orientalis), вероника дубравная (Veronica chamaedrys), герань луговая (Geranium pratense), мятлик луговой (Poa pratensis), лилия (Lilium), пион махровый (Paeonia), бутень одуряющий (Chaerophyllum temulum), крестовник обыкновенный (Senecio vulgaris), василёк синий (Centaurea cyanus), мышиный горошек (Vicia cracca), манжетка (Alchemilla), колокольчик раскидистый (Campanula patula), анютины глазки (Viola wittrockiana), сныть обыкновенная (Aegopodium podagraria), подмаренник белый (Galium album), ромашка непахучая (Tripleurospermum inodorum), водосбор обыкновенный (Aquilegia vulgaris), гвоздика-травянка (Dianthus deltoides), лютик многоцветковый (Ranunculus polyanthemos), нивяник обыкновенный, он же луговая ромашка (Leucanthemum vulgare), хохлатка плотная (Corydalis solida), левкой седой (Matthiola incana), тмин обыкновенный (Carum carvi). Собирая фотографии этих растений, предположительно росших в неизвестной пока нам усадьбе XVIII века, нельзя было не обратить внимание на то, что почти все они известны как лекарственные[1]. Вот что объединило в одном томе роскошный пион, мышиный горошек и сныть. Это же объясняет, почему в гербарии собраны растения только расцвета лета: именно в это время собираются лекарственные травы, тогда как сентиментальное восприятие природы больше характерно для весны или осени. Определить по свойствам растений, чем именно болели владельцы усадьбы и библиотеки, всё-таки затруднительно: почти каждая травка применяется для лечения разных недугов, а сам набор достаточно разнообразный.

Сведения о происхождении гербария удалось найти при внимательном просмотре переплетённого тома. Газету получали по подписке отдельными выпусками. Поля газеты при переплете были обрезаны, но на нескольких выпусках[2] всё же осталось имя адресата: епископ Лаврентий.

Лаврентий (Баранович) был назначен на пост епископа Вятского и Великопермского в 1774 году. И именно он был подписчиком «Москов-

[1] За исключением разве что мятлика лугового, использующегося на корм скоту.

[2] Газета «Московские ведомости» выходила по средам и субботам. Имя адресата обозначено только на выпусках, выходивших по средам. Значит, газету присылали еженедельно — сразу по два номера.

ских ведомостей» в городе Хлынове, который при нём переименовали в Вятку[1].

Книга переплетена небогато: кожаные корешок и уголки, в качестве картонных крышек использовано около дюжины склеенных вместе листов бумаги (это видно по разъединённым листам верхней крышки). Все листы исписаны, но частично были приплетены вверх ногами (то есть использовались тут только «в техническом смысле»). Рукописный текст на этих листах никак не связан с содержанием книги: это черновики доношений (прошений), билетов (пропусков на проезд) и религиозные тексты. В рукописях упоминаются населённые пункты, монастыри и церкви, учреждения (духовная семинария, духовная консистория, казённая палата) Вятской губернии. Документы датированы концом шестидесятых, семидесятыми, началом восьмидесятых годов XVIII века. Вероятно, черновики этой эпохи найти ещё интереснее, чем оформленные по всем правилам документы, которые откладываются в архивах. Изучение рукописных листов, использованных на переплётные крышки для «Московских ведомостей» 1786 года, возможно, станет предметом другой работы, а в данной работе их содержание должно показать происхождение переплёта.

Приведу два примера. Пишет сын умершего пономаря: «В духовную[2] Преосвященнейшему Лаврентию [епископу] Вятскому и Великопермскому епархии вашего пр[еосвященства] села Во[бло]вицкого Спасской церкви умершего пономаря Исидора Кибардиных от сына Зиновия о нижеследующем покор[нейшее] д[оношение]. Имею я нижайший брата Максима одиннадцатилетнего, который российской грамоте, часослову и псалтири обучен, и пришло уже то время, чтобы в семинарию вашего преосвященства его отдать. А как содержать его на своём коште мать моя [на полях приписано: сиротствующая] при семинарии не может, того ради вашего пр[еосвященства] милости: Отца и Архип[астыря] всепокорнейше прошу, дабы соблаговолено было вышеписанного брата моего принять в семинарию для учения и определить на семинарский

[1] О епископе Лаврентии см.: *Никитников К.* Иерархия Вятской епархии. Вятка, 1863. С. 78–83; *Луппов П.* Вятская епархия // Православная богословская энциклопедия. Т. 3. Петроград, 1902. Стб. 1181, 1191–1192; *Никольский А.* Лаврентий (Лукиан Павлович Баранович) // Русский биографический словарь. Лабзина — Ляшенко. СПб., 1914. С. 15–16; *Дудин А.* Лаврентий (Баранович Лукиан Павлович) // Православная энциклопедия. Т. 39. М., 2015. С. 610–611.

[2] В рукописи слово зачёркнуто.

кошт. На что и ожидаю благомил[остивой] ва[шего] пр[еосвященства] Архипастырской резолюции генваря дня[1] 1779 года»[2].

Ещё один лист: «Государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая! Доносит Вятского наместничества, Слободской округи, Холуницкого тяглова стана, Кинчинского десятка, крестьянин, села Кинчинского житель Захар Карпов сын Красных, а о чём моё доношение тому следуют пункты:

1-е: состою я платежом податей во оной одною душою, с которой и государственные подати плачу бездоимочно

2-е: а как я именованный грамоте и писать умею, а потому и имею желание быть в Вятской казённой палате в числе прочих наёмников и дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие моё доношение в Вятской казённой палате принять и меня именованного во оною в число с прочими наёмниками причислить с произвождением по трудам моим жалования. Всемилостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества: о сём моём…» На этих словах лист заканчивается. На обороте читаем: «[наме]стничества в казённую палату доно[шение] писал я Захар Красных и руку прило[жил]». Доношение писал не сам крестьянин Захар Красных, а писарь: тем же почерком на обороте этого листа и на соседних листах тоже написан текст религиозного содержания («Смирение есть матерь добродетелей, ибо из нея проистекают главнейшие, а именно усердие и любовь к богу и ближнему, на какой все законы, пророцы и наше спасение основаны…» и т. д.).

Содержание использованных для переплётных крышек бумаг показывает, что газеты, которые получал вятский епископ Лаврентий, переплетали затем в его канцелярии или в Вятской духовной консистории[3].

Как и когда «Московские ведомости» из Вятки оказались в петербургской библиотеке? В Опись периодических изданий библиотеки Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (тогда

---

[1] Число в черновике не поставлено.

[2] Здесь и далее для удобства чтения текст передаётся в современной орфографии. В квадратных скобках раскрыты сокращения, вставлены отсутствующие из-за деформации листа слова и части слов.

[3] Архиерейские палаты и духовная консистория находились в соседних домах. См.: Вятка. Архиерейские палаты и духовная консистория [Электронный ресурс: https://tornado-84.livejournal.com/84650.html].

библиотеки ЛОИИ — Ленинградского отделения Института истории СССР) издание внесено 6 сентября 1947 года. В этот же и ближайшие дни в опись внесено ещё около 40 наименований русских журналов конца XVIII — начала XIX века. Все эти издания должны были происходить из одного источника, и этим источником указан «Н.Ф.» — нешифрованный фонд, то есть та часть книг из унаследованных библиотекой ЛОИИ частных дореволюционных библиотек, которая на тот момент ещё не была занесена в инвентари. Тома старой русской периодики, судя по разнотипным переплётам и обложкам, происходят из разных частных библиотек, но в большинстве своём не имеют никаких книжных знаков или записей. Но в комплекте «Московских ведомостей» и на соседних полках стоят томики из библиотеки П.Ф. Лихачёва (отца Н.П. Лихачёва), Воронцовых и А.А. Половцова (книги из этих библиотек в большом количестве находятся среди книг Н.П. Лихачёва) с инвентарными номерами Музея палеографии Н.П. Лихачёва. Эти издания вносились в опись буквально в один день. А в томе «Московских ведомостей» за 1775 год найден бумажный вкладыш «Экземпляр Н.П. Лихачёва»[1]. Скорее всего, имеющийся сейчас в библиотеке комплект «Московских ведомостей» восходит к библиотеке Н.П. Лихачёва.

При изучении всего комплекта газеты обнаружилось, что том «Московских ведомостей» за следующий, 1787 год[2] оказался того же самого, вятского, происхождения. На полях первых страниц довольно большого количества выпусков здесь тоже сохранились надписи с именем подписчика — «преосвященному», «Лаврентию епископу». Переплёт той же мастерской, но крышки крепкие, и даже если они сделаны из склеенных вместе документов, то прочитать их нет возможности. В книге найдены четыре закладки, нарезанные из русской газеты или каталога продажи имущества, по шрифту — конца XIX — начала XX века. На обоих томах — 1786 и 1787 годов — имеются идентичные карандашные записи на нахзаце, вероятно — книготорговые, по почерку — тоже рубежа XIX и XX веков. К сожалению, это не даёт новой информации о происхождении книг: ведь и так известно, что Н.П. Лихачёв собирал в Петербурге библиотеку именно в это время.

---

[1] Вкладыш из какой-то другой книги, вероятно, из авторского экземпляра Н.П. Лихачёва.

[2] Московские ведомости. М., 1787. № 1–104. 986 с. Шифр СПб ИИ V 1263, инв. № П 12836.

В газетном томе 1787 года тоже обнаружились растения. Среди них узнаваемы тысячелистник, тмин, вероника дубравная, мятлик луговой, бутень, герань луговая — знакомый по тому 1786 года, но более скромный набор. Нет сомнений, что этот гербарий собирала та же рука, но это был, конечно, не Н.П. Лихачёв в Петербурге.

Переплетённые тома «Московских ведомостей» могли предназначаться для самого епископа Лаврентия: есть сведения, что «после него осталась немалая по тому времени библиотека, из 617 номеров»[1]. Не сам ли епископ собирал лекарственные травы в саду архиерейского дома? Возможно также, что, будучи переплетёнными в канцелярии духовной консистории, тома могли так и остаться в этой канцелярии и служить кому-то для засушивания растений. Кроме того, епископ Лаврентий активно занимался делами Вятской духовной семинарии, в частности «снабдил библиотеку [духовной семинарии] её книгами»[2]. Тома могли войти в семинарскую библиотеку — единственную библиотеку того времени в Вятке (хотя на них нет никаких библиотечных отметок[3]). Духовная семинария была главным учебным заведением Вятской губернии, а её учителя — самыми образованными людьми[4]. Гербарий мог собирать, например, преподаватель медицины, — этот предмет в семинарии изучался[5]. Возможно, собранные травы и цветы росли в саду

---

[1] *Никольский А.* Лаврентий… С. 16.

[2] Там же. См. также: *Никитников Г.* Иерархия Вятской епархии. С. 80: «…библиотеку семинарскую старался увеличить разными полезными книгами».

[3] Книги семинарской библиотеки отмечались штампом «Фундаментальной библиотеки Вятской Духовной Семинарии» (см.: *Богомолов С.И.* Российский книжный знак. 1700–1918. М., 2010. С. 187). Но он был, конечно, намного более позднего происхождения. В Вятке XVIII века, где существовала только одна библиотека, вряд ли сразу был организован библиотечный каталог и создан книжный знак. Кроме фундаментальной, в семинарии была ученическая библиотека (см.: *Луппов П.* Вятская епархия // Православная богословская энциклопедия. Т. 3. Петроград., 1902. Стб. 1192).

[4] О ней, в частности, пишут: «…семинария, этот единственный в крае рассадник просвещения» (см.: *Андриевский Ал.* Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нём наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1880. С. 83).

[5] Медицина была введена в 1803 году. См.: *Луппов П.* Вятская епархия… Стб. 1192. Один из первых русских ботаников, доктор медицины К.И. Щепин (1727/28–1770), был выпускником Вятской духовной семинарии (Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 14. Отдел духовно-литературный. С. 255–257).

и огороде при семинарии. В любом случае гербарий отражает знания о лекарственных свойствах растений в Вятской губернии конца XVIII или начала XIX века. Конечно, наш гербарий далеко не полон, а по виду засушенных растений невозможно точно определить, когда они были собраны. Но скорее всего, ботанические образцы вкладывались в тома, когда в них ещё видели именно старые газеты, а не антикварную «древность». Вятское (а не петербургское или московское) происхождение может объяснить и необычный, как указали ботаники, вид некоторых растений.

Насколько оправдано использование книги для подготовки гербарных образцов? Хорошо ли сохраняются растения и насколько вредно это для книги? Место для вятского гербария было выбрано удачно, почти профессионально. Большой формат томов (около 30 сантиметров) дал возможность сохраниться сравнительно крупным растениям. Толщина блока (918 и 986 страниц) позволила вместить, буквально спрятать, десятки образцов. Важную роль сыграло то, что газетная бумага была достаточно рыхлой. Ботаники в полевых условиях и в наше время сушат образцы растений именно в газетах. Возможно, отсутствие плотных переплётных крышек тоже благоприятствовало просушке ботанических образцов и книжного блока. При засушивании растений в книгах рекомендуется использовать дополнительные листы впитывающей влагу бумаги и менять её. Был ли использован этот приём, мы не знаем, но том 1786 года, который стал вместилищем целой ботанической коллекции (включая даже луковицу), от растений не пострадал[1]. В нём хорошо сохранились и сами образцы: на листах XIX века профессиональных гербариев Ботанического института они выглядят примерно так же (хотя с эстетической точки зрения листы «Московских ведомостей» с цветами были намного красивее). В томе 1787 года книжный блок и гербарий существенно пострадали от намокания[2]: растения местами прилипли к бумаге, образовалась плесень. Видно, что не ботанические образцы были причиной порчи книги, но их присутствие усугубило процесс.

[1] При работе по программе превентивной консервации книг библиотеки СПб ИИ в 2016 году были обнаружены засушенные растения ещё в двух русских книгах издания XVIII века (шифры XI 3620 и XI 3627), но и в них следов влаги или пигмента также не обнаружено.

[2] Сомнительно, чтобы книга была купена Н.П. Лихачёвым уже в таком состоянии. Часть его библиотеки пострадала от воды после 1917 года.

Собирал ли любитель ботаники или учитель-медик похожие образцы лекарственных трав каждый год и хранил их последовательно в следующем газетном томе, или он сушил в разных томах сбор одного лета, мы не знаем. В этом смысле вложенные в «Московские ведомости» цветы остаются, как у Пушкина, «неведомыми», хотя вятский гербарий и не связан с романтической историей.

Алексей Востриков

ПЕРЕЕЗД БИБЛИОТЕКИ БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСОВ (1900) В ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы были основаны в 1878 году. С 1885 года они переехали в собственное здание, построенное на 10-й линии Васильевского острова. Библиотека курсов разместилась в специально отведённой для неё комнате. Это положило начало её регулярному стационарному устройству: были приняты принципы крепостной расстановки, заведены инвентарные книги, полочные описи, алфавитный (карточный) и систематический каталоги. Заведование библиотекой возлагалось на специально избранных членов комитета Общества для доставления средств высшим женским курсам: они определяли стратегию развития библиотеки и использования книг в учебном процессе, объёмы затрат на приобретение и переплёт книг и на жалованье библиотекарям. Организатором и руководителем внутрибиблиотечной работы была Екатерина Вячеславовна Балобанова, бестужевка первого выпуска, сразу же по окончании обучения принявшая на себя обязанности библиотекаря и исполнявшая их впоследствии до 1918 года. Её авторитет в библиотечном деле, подкреплённый дипломом специальных курсов при Гёттингенском университете, был безусловным[1].

Нормальное устройство библиотеки привлекло новых читателей и значительно расширило её использование в учебном процессе; профессионально организованные каталоги облегчили поиск необходимой литературы. Одновременно с этим активное развитие самих курсов повысило общественное внимание к ним, расширило круг желавших помочь дальнейшему развитию, в том числе и натуральными пожертвованиями. Книжный фонд постоянно увеличивался: в библиотеку в качестве пожертвований были переданы значительные книжные собрания, для размещения которых была введена система именных шкафов. В 1885 году

[1] См.: Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания / сост. А.В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2014. Сведения о развитии библиотеки см.: Библиотека Бестужевских курсов: историческая хроника в свидетельствах и документах / сост. А.В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2009.

библиотека курсов насчитывала 4 627 томов. За следующие 15 лет эта цифра выросла в несколько раз и достигла отметки в 25 тысяч томов. Этот объём уже не помещался ни в первоначально предназначенной для размещения библиотеки комнате, ни в присоединённом помещении бывшей канцелярии. Вопрос о новом, специальном помещении для библиотеки в конце XIX века стал одним из самых актуальных для курсов.

В 1897–1899 годах Общество для доставления средств приобрело участок земли, примыкающий к двору здания курсов. Здесь был построен четырёхэтажный флигель. В этом флигеле разместились просторный актовый зал, две профессорские комнаты и хоры под буфет, большая аудитория (амфитеатр); первый этаж — с залом в два света, четырьмя подсобными комнатами и специальным помещением под книгохранилище — был отдан под библиотеку. Проект флигеля был создан членом Общества для доставления средств, академиком архитектуры Александром Фёдоровичем Красовским. Незадолго до того Красовский разработал ряд интерьерных проектов для личных покоев императора Николая II в Зимнем дворце, его работы получили самое широкое признание[1]. По согласованию с заказчиком, то есть с комитетом Общества для доставления средств, проект библиотеки Бестужевских курсов он выполнил в псевдоготическом стиле, с характерным декором и орнаментом, с резными перилами балюстрады второго этажа; в оформлении использовалось дерево, преимущественно морёный дуб и орех. Библиотекарь Екатерина Балобанова в опубликованной ею в 1901 году книге «Библиотечное дело» писала об этом с некоторой иронией: «…мы все привыкли к средневековому готическому стилю монастырских книгохранилищ, и нам трудно представить себе библиотеку, непохожую на старинный храм науки. А потому там, где не стесняются средствами для украшения библиотек, всего чаще шкафы, балюстрады для хор и т. д. …делают из тёмного дуба или неполированного ореха. Те же библиотеки, которые не имеют средств на такую роскошь, редко могут затратить деньги и на дорогие железные шкафы и довольствуются сосновыми, а в лучшем случае ясеневыми»[2].

Гораздо важнее для Балобановой была пожарная безопасность библиотеки. Даже в некрологе Екатерине Балобановой её помощница

[1] Эти работы легли в основу постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа «Русское интерьерное искусство».

[2] Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов. С. 14.

Т.Г. Мазюкевич упоминала «неудовольствия на архитектора за то, что он близко провёл какие-то трубы, опасные для библиотеки в пожарном отношении»[1]. Но всё же книгохранилище именуется «несгораемым книгохранилищем», с особым уточнением, что «стены библиотеки и книгохранилища выложены на цементном растворе, причём изолирующий слой фундамента сделан цементный»[2]. Между библиотечными комнатами были установлены глухие двери, и именно в библиотеке был единственный на всё здание курсов «пожарный пеньковый рукав с медн[ым] брандсб.» (то есть брандспойтом)[3]. Два этих инженерных решения Балобанова называет непременно необходимыми в устройстве библиотеки[4].

К осени 1899 года основные работы по постройке нового здания были окончены, и «в день акта курсов, 21 ноября [1899 года,] оно было освящено в присутствии г. министра народного просвещения, гг. товарища министра, попечителя Петербургского учебного округа и других представителей министерства, совета профессоров курсов, комитета, членов общества и других лиц, отозвавшихся на приглашение комитета»[5]. Оставалось лишь кое-что доделать по мелочи. 18 мая 1900 года строительная комиссия комитета, руководившая всеми работами по новому зданию, доложила экстренному общему собранию общества: «Как известно собранию, все капитальные работы по возведению нового здания курсов были окончены ещё осенью прошлого года. К маю настоящего года остаются незаконченными внутренняя отделка библиотеки, установка шкафов, лестницы и проведение пожарного крана, окончательная окраска зала и главного входа, окончание устройства электричества, окраска крыши, установка лестницы на чердаке и исправление вентиляции…. К производству указанных работ частью уже приступлено, частью же будет приступлено вслед за окончанием занятий на курсах»[6].

---

[1] Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов. С. 62.

[2] Отчёт Общества для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам за 1897/98 годы. СПб., 1898. С. 40.

[3] Согласно инвентарной книге имущества Санкт-Петербургских Высших женских курсов. Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета. ШР.2.15. Л. 53 об.

[4] Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов. С. 13.

[5] Отчёт Общества для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам за 1898/99 годы. СПб., 1900. С. 9.

[6] Отчёт Общества для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам за 1899/1900 годы. СПб., 1901. С. 29.

Новый флигель предполагалось использовать с начала очередного, 1900/1901 учебного года. Но если актовый зал, аудитория и прочие помещения по окончании отделки требовали только меблировки, то с библиотекой было намного сложнее. Перевод из одного помещения в другое книжного фонда, насчитывавшего более 25 тысяч томов, и устройство его на новом месте представляли собой непростую логистическую задачу. Для её решения ещё в феврале 1900 года была образована специальная библиотечная комиссия, в которую вошли Е.П. Леткова-Султанова[1], баронесса В.И. Икскуль фон Гильденбандт[2], И.М. Гревс[3] и С.Ф. Ольденбург[4, 5].

Состав комиссии нуждается в комментарии. Екатерина Балобанова была членом Общества для доставления средств курсам, но в состав управляющего им комитета никогда не входила (и не претендовала на это); в курсовой библиотеке она была наёмным работником, получала за свой труд жалованье и поэтому войти в комиссию никак не могла. Екатерина Султанова и баронесса Икскуль были, как это называлось на курсах, «комитетскими дамами» — общественными деятельницами, поддерживающими идею женского образования на сугубо теоретических основаниях. Они были искренне преданы курсам, бескорыстно трудились им на благо, но при этом не были практически связаны ни с научной или педагогической деятельностью, ни с повседневной жизнью курсисток. В состав комитета общества они вошли в 1892 году и с тех пор постоянно участвовали в заведовании библиотекой. Султанова в 1928 году очень трогательно вспоминала, как она училась у Е.В. Балобановой, прививавшей неопытным «доброволкам» профессиональное отношение к книге и к библиотечному делу[6]. И.М. Гревс и С.Ф. Оль-

---

[1] Екатерина Павловна Леткова-Султанова (Султанова-Леткова, 1856–1937) — русская писательница, мемуаристка, переводчица, общественная деятельница (в Литературном фонде и в комитете Общества для доставления средств Высшим женским курсам).

[2] Варвара Ивановна Икскуль фон Гильденбандт (Гильденбанд, 1850–1928) — русская общественная деятельница, писательница, переводчица, издательница, благотворительница, сестра милосердия.

[3] Иван Михайлович Гревс (1860–1941) — русский и советский историк, медиевист, педагог, краевед и общественный деятель.

[4] Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934) — русский и советский востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик.

[5] Состав комиссии известен по воспоминаниям Е.П. Султановой. См.: Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов. С. 58.

[6] Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов. С. 56–57.

денбург были уважаемыми учёными и популярными преподавателями. Их участие в заведовании библиотекой преимущественно выражалось в участии в комплектовании книжного фонда и обеспечении литературой учебного процесса. Осенью 1899 года распоряжением министра народного просвещения Николая Павловича Боголепова (1846–1901, возглавлял министерство в 1898–1901) И.М. Гревс, а также Н.И. Кареев[1], С.А. Венгеров[2] и ещё несколько преподавателей были отстранены от преподавания в университете и на высших женских курсах. С.Ф. Ольденбург, близко знавший Гревса ещё со студенческих лет, тогда же покинул профессорскую должность в университете в знак солидарности с уволенными коллегами; в феврале 1900 года он был избран на должность адъюнкта Академии наук по кафедре санскритологии.

О деятельности этой библиотечной комиссии ничего не известно. Однако в архиве С.Ф. Платонова[3] сохранилось письмо Екатерины Балобановой к нему, написанное, вероятно, в конце мая — начале июня 1900 года.

«Многоуважаемый Сергей Фёдорович,

вчера специалисты-инженеры и профессора заявили, что перевозить библиотеку до осени невозможно: по измерениям оказалась большая сырость. Так что решено начать перевозку с 15 августа — причём я рассчитала, что переноска книг и расстановка их по возможности в том же порядке, как они стоят, займёт от 20 до 35 дней.

Но Комитет О[бщест]ва [для доставления средств Высшим женским курсам] во главе с С.Ф. Ольденбургом заявили мне, что постановка книг должна быть радикально изменена: у нас книги стояли по росту, теперь они должны стоять и по росту и по отделам, намечено 140 р.[4]

---

[1] Николай Иванович Кареев (1850–1931) — русский историк и социолог, педагог, философ.

[2] Семён (Симон) Афанасьевич Венгеров (1855–1920) — русский литературный критик, библиограф, редактор, историк литературы, член Русского библиологического общества.

[3] Сергей Фёдорович Платонов (1860–1933) — русский историк и педагог, академик.

[4] Окончание этого абзаца дописано автором на самом конце листа; между цифрами 4 и 0 над строкой непонятный знак (апостроф?) или помарка. Сокращение «р.» не до конца понятно. Возможно, Балобанова имела в виду слово «рубрик», так она называла библиографические разделы. В подготовленных Е.В. Балобановой в 1908–1909 годах каталогах издания были распределены именно по такому количеству разделов.

Причём С.Ф. Ольденбург, поговорив с Кресбергом[1] и акад[емическим] библиотекарем, сказал мне, что по их мнению исключение книги из одного каталога, запись её в другой, поместный, постановка её на соответственную по формату и отделу полку должна занять 2 минуты (мне казалось бы — три). Таким образом, для 26 т[ысяч] томов получается при 2 минутах 52 т[ысячи] минут, т. е. 866¾ часов, при 6-часовой работе в день беспрерывной, как на фабрике, у машины, — 144 с дробью дней, т. е. 5 месяцев с лишком, выключая праздники. На всё это время библиотека будет закрыта для слушательниц.

Правильна ли такая постановка дела? Если бы мы могли довольствоваться сначала прежней системой, а затем постепенно, имея 4-го библиотекаря, путём исключений могли бы достичь того же идеала, положим, в 1½–2 года, не закрывая для этого библиотеку так надолго. Не лучше ли бы было?

Я ещё ни с кем не говорила, ни с директором, ни с профессорами, а обращаюсь к Вам за советом: бороться ли мне с ветряными мельницами? Причём должна заявить, что борьба у меня, вероятно, окажется непосильная, и Ольденбург всё-таки в конце концов победит, и слушательницы останутся с сентября по январь или по февраль без возможности работать!

Искренно преданная

Е. Балобанова»[2].

Обращение к Платонову было не случайным. Во-первых, он был одним из самых авторитетных и влиятельных профессоров на Бестужевских курсах, где непрерывно преподавал с 1883 года (в отличие от главного инициатора библиотечных нововведений С.Ф. Ольденбурга, не преподававшего здесь вообще — просто ввиду отсутствия в программе востоковедческих дисциплин). Незадолго до описываемых событий (в 1897/98 и 1898/99 учебных годах) С.Ф. Платонов исполнял обязанности декана историко-филологического отделения Бестужевских курсов. Во-вторых, Балобанова была хорошо знакома с Платоновым и не раз обращалась к нему с вопросами и просьбами[3]. Было у них

[1] Правильно «Крейсбергом». Александр Романович Крейсберг — директор Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета в 1891–1909 годах.

[2] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (С.Ф. Платонов). № 2191. Л. 17–18.

[3] Письмо Балобановой от 19 июля 1896 года начиналось так: «Многоуважаемый Сергей Фёдорович! Во все затруднительные минуты моей жизни я привыкла надоедать Вам…» ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). № 2191. Л. 8.

и общее библиотечное дело: в 1896–1897 годах Платонов организовал приобретение для курсов библиотеки покойного профессора-историка Е.Е. Замысловского. Для спасения этой ценной коллекции пришлось преодолеть сопротивление как комитета общества (собрание Замысловского так и осталось единственным, за которое пришлось заплатить, и немалые деньги — 4 125 рублей серебром), так и родственников покойного (рассчитывавших на большее). Впоследствии Платонов принимал участие и в обработке и описании поступивших на курсы книг[1]. Вероятно, совместные труды позволили Балобановой видеть в Платонове единомышленника, понимающего и разделяющего установленные ей библиотечные принципы. Наконец, в-третьих, возможно, Балобанова принимала во внимание и то, что Платонов как профессор поддерживал и как администратор исполнял самые строгие меры министерства по прекращению студенческих волнений и если не в строго политическом смысле, то по крайней мере в глазах общественности он был оппонентом Ольденбурга и Гревса. Надо добавить, для некоторых эта жёсткость позиции Платонова оказалась неожиданной. Так, А.Е. Пресняков рассказывает матери в письме от 6 марта 1899 года о готовящемся отчислении слушательниц на Бестужевских курсах следующее: «Там начальство — то есть директор Раев и деканы Платонов и Сонин — ведёт себя более чем странно. <u>После</u> (подчёркнуто автором) высочайшего повеления о разборе дела — предложили 21 курсистке — взять свои документы с курсов. В том числе и таким, которые… ни на одной сходке не были… Ответом на них (т. е. на протесты по этому поводу) было объявление, что если курсистки не угомонятся, то исключены будут ещё 100, которых фамилии объявлены. Угрозами вздумали молодёжь утихомирить. И это делает Платонов — человек мне близкий. Не ожидал я этого и не знаю, что думать о нём. Не так он наивен, чтобы думать, что подобные меры справедливы и рациональны»[2].

---

[1] См.: *Петрова Н.А.* Книжное собрание профессора Е.Е. Замысловского в составе библиотеки Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов // Памяти академика Сергея Фёдоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 93–100. Также см. письма Е.Н. Замысловской к С.Ф. Платонову за 1896–1899 годы. ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). № 2191. Л. 19–20.

[2] См.: Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Вып. 2. С. 326.

Причина озабоченности Е.В. Балобановой заключалась в следующем. В библиотеке Императорского Санкт-Петербургского университета, которая, судя по письму, предлагалась в качестве образца, уже более полувека существовала предметно-форматная расстановка книг с выделением ряда основных тематических разделов, каждый из которых разделён на четыре формата (12°, 8°, 4°, 2°). Строгого закрепления разделов (и, соответственно, шифров) за шкафами не было; рост фонда предполагал регулярные передвижки. В библиотеке университета «на 1 января 1900 года состояло 133 918 названий в 297 408 томах»[1], размещённых в нескольких десятках залов. Новые книги распределялись в фонде по разделам — независимо от того, поступили ли они отдельно или в составе книжного собрания, приобретённого или пожертвованного (в то время только одно личное собрание, К.К. Злобина, хранилось обособленно и имело свой шифр)[2].

Под не названным по имени «академическим» библиотекарем подразумевался, скорее всего, академик-востоковед Карл Германович Залеман. Он занимал должность библиотекаря университета с 1879 по 1890 год, особое внимание уделяя систематическому описанию университетского книжного собрания. В 1890 году К.Г. Залеман занял должность директора иностранного отделения библиотеки Академии наук и директора академического Азиатского музея. Его ученик и преемник Александр Романович Крейсберг в 1891 году руководил переездом университетской библиотеки в новые, специально для неё приспособленные помещения (в которых она располагается до сих пор). В процессе этого переезда была произведена полная ревизия фонда.

В 1900 году Крейсберг надеялся добиться постройки нового здания для университетской библиотеки, готовил проекты и расчёты. Так, на основании наблюдений, сделанных им в 1899 году во время командировки в Германию и Австрию, он составил проект нового здания библиотеки для Санкт-Петербургского университета. «Проектируемое

---

[1] Отчёт о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1900 год. СПб., 1901. С. 21.

[2] Содержательный анализ исторического развития систематической расстановки фонда и его описания см.: *Николаев Н.И.*, *Савельев А.А.* Каталог русских книг библиотеки Императорского Санкт-Петербургского университета: история издания // История библиотек: исследования, материалы, документы / сост. И.Г. Матвеева, М.Ю. Матвеев. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015. Вып. 10. С. 93–124.

трёхэтажное здание на свободном месте университетского двора, кроме кладовых новой системы для хранения книг, должно иметь обширную залу для занятий в библиотеке, отдельное помещение для выдачи книг и другие приспособления… Библиотечная комиссия, рассмотрев проект и планы нового здания, одобрила его и представила на рассмотрение правление университета, которое хотя и признало проект заслуживающим внимания, но не нашло возможным в настоящее время дать ему дальнейший ход»[1]. Так что планы не осуществились. С.Ф. Ольденбург хорошо знал и Залемана (после его смерти он станет его преемником в Азиатском музее), и Крейсберга. Позднее он писал: «Не будет преувеличением сказать, что К.Г. Залеману и его ученикам А.Р. Крейсбергу и М.И. Кудряшеву мы обязаны тем, что библиотека Петроградского университета среди больших библиотек столицы занимает исключительное место по состоянию своих каталогов и удобства пользования ею»[2]. Очевидно, что именно под этот образец Ольденбург предлагал переустроить библиотеку Бестужевских курсов.

Однако у неё уже было своё собственное лицо. С самого начала её существования в собственном постоянном помещении (т. е. с 1885 года) Екатерина Балобанова установила принцип крепостной расстановки со строгим закреплением книг за местом на шкафу; полки формировались по размеру изданий (по высоте, или «по росту», как говорится в письме к Платонову, причём достаточно строго, с точностью до 2–3 мм; по мнению Е.В. Балобановой, главным достоинством такой расстановки была защита книг от пыли). При этом распределения по систематическим разделам не проводилось, рядом вставали книги на разных языках и относящиеся к разным областям знания. При размещении значительных по размеру частных пожертвований в именных шкафах по возможности сохранялась оригинальная расстановка с компактными рядами книг в однотипных владельческих переплётах. Надо сказать, что именные шкафы и именные библиотеки в составе единой библиотеки Бестужевских курсов играли важную мемориальную и структурирующую роль,

---

[1] Отчёт о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1900 год. С. 24–25.

[2] *Ольденбург С.Ф.* К.Г. Залеман как библиотекарь // Биобиблиографические материалы, собранные Э.А. Вольтером. Пг., 1918. Вып. 2. С. 8. (Библиологический сборник. Т. II. Вып. 2).

составляя более четверти общей топографии[1]. Вся систематизация была выведена в область каталогов, которые и предоставлялись читателям для выбора необходимой литературы; непосредственный доступ к фонду был прерогативой библиотекарей.

В книге «Библиотечное дело» Екатерина Балобанова объясняла выбор этой системы (называя её «американской») через противопоставление бестужевской библиотеки как раз университетской (впрочем, прямо её не называя): «Для небольших библиотек, хотя бы научных, число томов которых не превышает ста тысяч, где специалисты не работают в отделениях, где не имеется большого числа зал, — безусловно, самая удобная система есть система американская: при ней можно выделить целые пожертвованные библиотеки, если таковые имеются, не в отдельную залу, а только в отдельные шкафы… если есть лишняя комната, то её можно отдать для периодических изданий; всё же остальное место заполнить библиотекой без разделения на отделы, но со строгим разделением книг по росту; при такой системе выгадывается масса места и, кроме того, есть возможность расширения: заполнились отведённые под библиотеку залы, отдали под её помещение смежные комнаты или сделали пристройку, и, не затрогивая старой библиотеки, продолжается её нормальный рост»[2].

Перемещение собрания, расставленного по крепостному принципу, в новое помещение представлялось задачей непростой. Новые шкафы не были абсолютно идентичны старым: значит, предстояло выставить полки под размер, докомплектовать образующиеся пустоты. Однако собственно перенос книг мог быть произведён системно: полка в полку, шкаф в шкаф. Предлагаемые же С.Ф. Ольденбургом изменения подразумевали отказ от принятых изначально и последовательно проводившихся в жизнь структурных принципов бестужевской библиотеки.

---

[1] См.: *Востриков А.В.* Личные собрания в составе библиотеки Бестужевских курсов // Поступление личных собраний в библиотеки, архивы, музеи; их использование в государственных хранилищах. Памяти коллекционера Н.П. Шмита-Фогелевича: материалы 8-й научной-практической конференции по информационным ресурсам петербурговедения. Центральная городская публичная библиотека имени В.В. Маяковского, Фонд имени Д.С. Лихачёва, 17 марта 2015 года. СПб., 2015. С. 46–51.

[2] Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов. С. 20. Книга «Библиотечное дело» была написала Е.В. Балобановой практически сразу после переезда библиотеки в новое помещение.

Она обрекалась на фрагментирование с постоянным поиском места для размещения новых поступлений, регулярные передвижки и удвоенную борьбу с пылью. Чрезвычайно болезненным лично для Балобановой было то, что в случае перерасстановки фонда пропал бы многолетний кропотливый труд по поразмерному подбору и компактному размещению книг на полках, и библиотека утратила бы свою визуальную идентичность[1]. Однако Балобанова понимала, что её уязвлённое самолюбие, даже подкрепленное гёттингенским дипломом, не поколеблет академического авторитета Ольденбурга, поддержанного Залеманом и Крейсбергом. Ей нужны были сильный союзник и серьёзные аргументы.

И главным аргументом стала неизбежность закрытия библиотеки для читателей на время переезда в случае изменения расстановки. А в условиях восстановления нормального учебного процесса после недавних сходок, забастовок и бойкотов любая угроза ему воспринималась особенно болезненно. Действительно, если было бы принято решение осуществлять переезд «по Балобановой», то всю предварительную работу по выставлению полок и расчётам размещения можно было провести в ещё не до конца просохшем новом помещении, а необходимые корректировки и заполнение свободных мест сделать после переноса. Таким образом, книги оказались бы недоступными только в процессе физического переноса, который можно было осуществить до начала учебного года. При переезде «по Ольденбургу» книги перемещались бы не на полки, а на рабочие столы библиотекарей и оставались бы недоступными для читателей в процессе последующей обработки и перерегистрации в течение так тщательно посчитанных «144 с дробью дней, т. е. 5 месяцев с лишком, выключая праздники».

Подробности дальнейшего развития событий нам неизвестны; мы не знаем, обращалась ли Балобанова за помощью к кому-либо ещё[2]; не знаем, предпринял ли какие-нибудь действия С.Ф. Платонов.

Летом 1900 года С.Ф. Ольденбург решил сосредоточиться на научной и академической деятельности, связанной с длительными коман-

---

[1] Кстати, упомянутые в выше приведённом письме Е.В. Балобановой «ветряные мельницы» — очевидно, свидетельство домашних обсуждений проблемы с её ближайшей подругой, О.М. Петерсон, работавшей в то время над книгой о Сервантесе (*Петерсон О.М.* Сервантес, его жизнь и произведения. СПб.: Е.В. Лаврова и Н.А. Попов, 1901).

[2] Её союзником вполне мог стать профессор И.А. Шляпкин, в то время исполнявший обязанности декана историко-филологического отделения курсов.

дировками, и вышел из комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам. Его проводили самыми искренними и тёплыми словами: «К сожалению, С.Ф. Ольденбург, вследствие отъезда своего из Петербурга, вынужден в настоящее время отказаться от участия в работах комитета. Высоко ценя просвещённую, идейную работу С.Ф., комитет глубоко огорчён его уходом, теряя в лице его дорогого сочлена, в течение многих лет работавшего в его составе. Зная неизменную преданность С.Ф. идее женского образования, товарищи его твёрдо уверены, что при изменившихся обстоятельствах он снова вернётся к делу, которому отдавал так много сил»[1]. Библиотечная комиссия более нигде не упоминалась. Заведование библиотекой от комитета осуществляли Е.П. Султанова, В.И. Икскуль и, во время отсутствия последней, С.А. Кареева.

О переезде библиотеки в отчёте комитета сказано следующее:

«Библиотека курсов в отчётном году переведена в новое помещение. В феврале 1900 года комитетом была избрана библиотечная комиссия для выработки плана и порядка перенесения книг и установления времени для этого. Комиссия признала нужным оставить новое помещение библиотеки не заставленным книгами целое лето для окончательной просушки его; кроме того, она не нашла возможным лишать библиотечный персонал летнего отдыха и потому постановила переносить книги осенью. Ввиду же заявленного гг. профессорами желания, чтобы библиотека по возможности не прерывала своей деятельности, комитет, вполне сочувствовавший этому желанию, должен был значительно усилить библиотечный персонал, что потребовало экстренных затрат и повело к превышению сметы. Благодаря этому перенос библиотеки совершён был чрезвычайно быстро, и уже к 15 октября 1900 года почти все книги, находившиеся в библиотеке, могли быть выдаваемы слушательницам, несмотря на то что новое помещение библиотеки по своим размерам и расположению совершенно не соответствует старому помещению. Вследствие этого пришлось устраивать всю библиотеку заново: разставить книги во вновь устроенных шкафах, заново занумеровать их, переклеить все билетики на книгах и переделать каталоги.

Весь отчётный год в библиотеке шла усиленная работа по приведению её в полный порядок: отобраны дублеты и убраны в архивное по-

[1] Отчёт Общества для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам за 1900/01 годы. С. 18–19.

мещение библиотеки, написан заново топографический каталог, перенумерован карточный и переделаны систематические каталоги.

Это сложное дело исполнено библиотекарем курсов Е.В. Балобановой, её тремя постоянными помощницами и тремя экстренно приглашёнными сотрудницами»[1].

Согласно отчёту о движении денежных сумм за 1900/01 учебный год, приложенному к отчету общества, помощницам вместо запланированных 840 было выплачено 1910 рублей, Е.В. Балобанова к 600 рублям жалованья получила ещё внеплановые 150 рублей наградных.

Крепостная расстановка «по росту» сохранилась в библиотеке Бестужевских курсов до самого конца её самостоятельного существования, т. е. до присоединения к университетской библиотеке в 1919 году, и вместе с интерьером составила единое библиотечное целое. В настоящее время именно эта расстановка лежит в основе реконструкции мемориальной «Библиотеки Бестужевских курсов» в составе Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Заслуги Е.В. Балобановой как создателя и бессменного руководителя бестужевской библиотеки многократно отмечены[2]. Приведённые здесь материалы показывают, насколько сложно было порой отстоять установленные ею принципы и особенное лицо созданной ею библиотеки.

---

[1] Отчёт Общества для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам за 1900/01 годы. С. 25–26. Помощницами библиотекаря в это время были М.М. Замятнина, Л.И. Воронова и М.Н. Ефремова; фамилии «экстренно приглашённых сотрудниц», а также «мальчика при библиотеке» нигде не названы.

[2] См.: Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов. С. 56–59, 59–64, 54–55.

Константин Жучков

АНГЛИЙСКИЙ ШПАГАТ, ФАНЕРА, РОГОЖНЫЕ КУЛИ: КАК ВЫВОЗИЛИСЬ ДВОРЯНСКИЕ БИБЛИОТЕКИ В 1918 ГОДУ

Перемещение библиотек советскими учреждениями в 1918 году было громоздким, трудоёмким и затратным процессом. Вывоз каждой библиотеки был не одномоментным актом, а целой цепочкой различных действий: осмотр, опись, разборка, упаковка, погрузка, перевозка, разгрузка, разборка и складирование на новом месте. Уже на новом месте (например, в книжном фонде Московского библиотечного отделения) — сортировка по разделам и распределение по учреждениям…[1] Часто разборка, упаковка и перевозка занимали недели и даже месяцы работы. Так, например, разбор библиотеки Катковского лицея в Москве, в чьё здание переехал в марте 1918 года Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос) РСФСР, занял без малого год и продлился с мая 1918 по апрель 1919 года.

Подробности процесса вывоза библиотек скудно отражены в документах. Почти не осталось воспоминаний, отражающих этот процесс, практически нет фотоматериала. Немногие публикации, касающиеся вывоза художественных ценностей из дворянских имений в 1918–1920 годах, не затрагивают материальную, практическую сторону процесса. Фактически не осталось фотодокументов, запечатлевших упаковку или перевозку книг или иных ценностей. Тем не менее существует общественный и научный интерес к культурной политике советских властей, которая вылилась в массовую национализацию культурно-исторических ценностей. И это позволяет нам поставить вопрос о том, как физически осуществлялась эта политика, какими методами и средствами.

[1] Так, поступившие в фонд библиотеки разбирались по отделам. Например, из общего состава выделялись иностранные книги, а уже из них — книги по военному делу. После присвоения отдельной нумерации такие иностранные книги по военному делу передавались Военно-историческому музею в Москве. Часть поступивших в этот музей книг впоследствии была передана через Государственный исторический музей в Пушкинский Заповедник, где сейчас образует отдельную коллекцию.

Упаковка ценностей в имении для вывоза. 1919.
Фото из альманаха «Памятники Отечества»

При просмотре документов Наркомпроса первое, что бросается в глаза, — то, что при вывозе библиотеки не измерялись количеством томов. При осмотре, регистрации и выдаче охранных грамот все библиотеки получали количественную оценку в томах, но впоследствии, в процессе вывоза и перемещений, эта оценка не использовалась и не повторялась. Эмиссары Московского библиотечного отдела в своих отчётах указывали только то количество книг, которое они фактически упаковывали и перевозили. А поскольку перевозка книг и гужевым, и железнодорожным транспортом была связана с весом груза, в большинстве случаев изъятые и перевезённые книги измерялись пудами. Вторым способом измерить перевезённую библиотеку было указание на количество ящиков для перевозки, кулей и связок книг, поскольку книги для перемещения упаковывались в конкретную тару.

В большинстве случаев количество вывезенных из библиотеки книг было меньше, чем их первоначально находилось в библиотеке. Поэтому неправомерно при подсчётах отождествлять количество «национализированных» книг по стране с их оценочным количеством в частных,

общественных и ведомственных библиотеках. А вот понимание того, сколько книг упаковывалось в ящики, сколько ящиков и пудов принимали на себя крестьянские и ломовые телеги, сколько книг рассчитывалось в пуде и ящике, позволяет уточнить количество фактически вывезенных книг из той или иной библиотеки.

Начнём с ящиков, в которых перевозились книги. Они покупались или изготавливались на месте упаковки библиотеки местными кооперативными учреждениями или сельскохозяйственными экономиями (особенно это касается вывоза библиотек, находившихся в усадьбах) за наличные деньги. Соответственно, эти ящики были разной величины и объёма. Так, например, при упаковке библиотеки Долгорукова в имении Волынщина Рузского уезда Московской губернии эмиссаром Московского библиотечного отделения П.Г. Богатырёвым 25–28 декабря 1918 года куплено у Северно-Рузского союзного товарищества кооперативов 11 больших и 2 маленьких ящика, в неустановленном учреждении — 12 ящиков, в лавке Рузского продовольственного отдела — 4 «порожних» ящика. Стоимость ящиков варьировалась от 3 до 50 рублей. Всего на их покупку было потрачено 648 рублей. Кроме того, дополнительно было куплено 19 рогожных кулей по цене 75 копеек за штуку. Ещё П.Г. Богатырёв для упаковки книг в связки купил 21 фунт (8,4 кг) верёвки за 52 рубля 50 копеек[1].

Ящиков, вместе с рогожными кулями, не хватило на упаковку библиотеки Долгорукова, и часть книг была перевезена в связках, о чём свидетельствует железнодорожная накладная: «Ящики в снегу и слабосколоченные, тюки рваные, товар виден, книги связками растрёпаны и мокрые»[2]. По железнодорожной накладной в библиотеке Долгорукова числится 74 погрузочных места. Ящиков при отправке было 29, рогожных кулей 19, следовательно, связок книг было 26. Кстати, поскольку эмиссары получали ключи от имений в Рузе в местном совете депутатов, можно предположить, что имения (вернее, сами дома) были брошены их хозяевами и опечатаны[3].

Общий вес книг, вывезенных из библиотеки Долгорукова, согласно железнодорожной накладной составил 234 пуда[4]. Согласно смете Мос-

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 249, 316, 317, 318.

[2] Там же. Л. 355.

[3] Там же. Л. 250.

[4] Там же. Л. 355.

Упаковка ценностей в имении для вывоза. 1919 (?)

ковского библиотечного отдела на вывоз книг из наиболее угрожаемых библиотек, составленной 23 ноября 1918 года, в пуде веса рассчитывалось 25 (двадцать пять) книг[1]. Следовательно, из библиотеки Долгорукова в имении Волынщина было вывезено примерно 5 850 томов. Поскольку книги были упакованы разными способами, невозможно узнать точное количество книг в упаковках — ни в ящиках, ни в кулях, ни в связках. Можно только предполагать, что количество книг в ящиках было на порядок больше, чем в кулях и связках. Если, например, в ящиках было по 120 томов, то в кулях и связках могло быть по 53 книги; если в ящиках по 150, то в упаковках по 33 книги, и т. д.

Библиотека Долгорукова была погружена на станции Дорохово Александровской железной дороги. Одновременно с ней на станции Кубинка той же дороги была погружена библиотека Щербатова. Об этом говорят счета эмиссара Е.Г. Богатырёвой[2]. 25–31 декабря 1918 года она купила 7 ящиков у гражданки З. Петровой, а в конторе Васильевской экономии при губземотделе купила 100 листов фанеры, 10 досок тёса, 21 дюжину гвоздей и наняла там же столяра для изготовления ящиков из этих материалов[3]. Из купленных материалов можно было изготовить 16 ящиков. Всего библиотека Щербатова была упакована, таким образом, в 23 ящика (ни рогожных кулей, ни верёвок Е.Г. Богатырёва не покупала и в отчётах их не указывала). В них библиотека Щербатова была

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 376.
[2] Там же. Л. 316, 317.
[3] Там же. Л. 318, 329.

перевезена на 10 крестьянских подводах: шесть были наняты в конторе Васильевской экономии по 12 рублей за подводу, четыре в селе Васильевском по 20 рублей[1]. При вывозе библиотеки со станции в Москве для доставки её в книжный фонд были наняты 8 ломовых подвод. Примерно это составляет 320 пудов, или, в пересчёте, 8000 томов[2]. Итого среднее количество книг в ящике составило 347 штук, хотя использованные для перевозки библиотеки Щербакова ящики были неодинаковыми. Надо добавить, что библиотеки Долгорукова и Щербатова вывозились не полностью, о чём свидетельствуют сами эмиссары, которые договаривались с местными советами депутатов о распределении книг из этих библиотек. Часть библиотеки Долгорукова была оставлена отделу народного образования Рузы, а часть библиотеки Щербатова была «распределена между культурными органами»[3].

По предположительной оценке, библиотека Брусилова в имении Глебово Звенигородского уезда Московской губернии насчитывала 10 000 томов. 20–23 декабря 1918 года эмиссары Московского библиотечного отделения А.И. Глазова и В.В. Кондратьев упаковали в имении библиотеку в 42 ящика и отправили её на 14 крестьянских подводах на железнодорожную станцию Холщевики, откуда она была перевезена в Москву[4]. 24 декабря библиотека была перевезена со станции в книжный фонд на десяти ломовых телегах[5]. Московский ломовой мог взять на телегу до 40 пудов груза. Вполне вероятно, что 10 ломовых телег перевезли 400 пудов брутто библиотеки Брусилова, что и составляет почти всё её оценочное количество в списке библиотек, подлежащих немедленному вывозу в государственное книгохранилище, — 10 000 томов[6]. В таком случае получается, что в ящики было упаковано по 238 томов. Эта цифра выглядит вполне достоверной. Выходит, что каждый ящик помимо своего веса принимал 9,5 пуда, что тоже очень вероятно. Вполне возможна корректировка веса нетто в меньшую сторону, но в пределах, не влияющих на общий результат.

---

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 329.

[2] Там же. Л. 332. К сожалению, в отчётах Е.Г. Богатырёвой отсутствует железнодорожная накладная, которая помогла бы точно установить вес библиотеки Щербакова вместе с упаковкой (брутто).

[3] Там же. Л. 195, 250.

[4] Там же. Л. 273.

[5] Там же. Л. 281.

[6] Там же. Л. 376.

Книжные шкафы в имении Щербатовых Васильевском. Современное фото

Библиотека Лихачёва из имения Глебово Ярославской губернии была вывезена 16 ноября 1918 года через станцию Рыбинск Московско-Виндавской железной дороги. По железнодорожной накладной вес брутто библиотеки составил 50 пудов, а в количестве мест указано два значения: «Мест книги по указанию отправителя 22, по определению дороги отправления 37»[1]. Таким образом, вывезенная часть библиотеки составляла 1 250 томов, которые были помещены в 22 упаковки, т. е. по 57 томов в каждой. Поскольку администрация железной дороги оспорила количество мест, можно предположить, что книги были рассыпаны или упаковки повреждены и их пришлось заново помещать в дополнительные места, уже по 38 штук в каждой новой упаковке. Вероятнее всего, что книги библиотеки Лихачёва были в конце концов «оформлены» в рогожные кули или связки. Согласно счёту возчика Герасима Слободы от 16 декабря 1918 года, он перевёз библиотеку Лихачёва с Виндавского вокзала на Новинский бульвар за 180 рублей[2]. Судя по цене, можно предположить, что библиотека была перевезена на одной двуконной подводе.

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 304.
[2] Там же. Л. 225 об., 263.

20–29 октября 1918 года эмиссар Московского библиотечного отделения И.А. Друганов был командирован в Орёл для организации музея и библиотеки И.С. Тургенева[1]. В ходе этих мероприятий он вывез из Спасского-Лутовинова один стол, девять стульев, три кресла и дрожки писателя, из Клеймёнова 11 библиотечных шкафов, бильярд, два дивана и вешалки. А 26 октября — уже из Мценска, на трёх подводах, — библиотеку писателя в количестве 2 500 томов, упакованных в 10 ящиков[2]. Ящики были приобретены на месте, шесть из них были «большими», четыре — «малыми». Среднее количество томов в ящике составило 250 штук.

Сведения о количестве книг в ящиках для перевозки встречаются чуть позже описываемых событий. В ноябре 1923 года было решено ликвидировать Военно-исторический музей в Москве, а его фонды вместе с библиотекой перевезли в здание Государственного исторического музея на Красной площади. Перевозка была осуществлена в ноябре 1927 года, хотя книги упаковывались в ящики весной 1924-го. Сохранились накладные на перевозку библиотечных ящиков, в которых скрупулёзно указано количество книг в каждом ящике. Вся библиотека Военно-исторического музея, ещё не полностью разобранная и описанная, была упакована, вместе с архивом, в 97 ящиков. Если исключить из подсчётов ящики с негабаритными материалами (альбомы, гравюры, газеты, географические карты и планы, адреса, инвентари, упаковки с телеграммами, рукописи, деловые бумаги), то в ящики с книгами упаковывалось от 22 до 417 томов. Большинство ящиков содержало в себе от 70 до 140 томов. Всего было вывезено 10 528[3] книг и брошюр, упако-

---

[1] По указанию У.Г. Иваска, имевшего сведения до 1905 года, библиотека И.С. Тургенева насчитывала 5 000 томов и находилась в Спасском-Лутовинове. См.: *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя. СПб., 1912. Ч. II. С. 59. Согласно отчёту А.И. Друганова, книги И.С. Тургенева отсутствовали и в Спасском-Лутовинове, и в Клеймёнове. Сведений об их «реквизиции» местными властями нет. Скорее всего, они были перевезены в Мценск.

[2] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 379 об., 381.

[3] Из этого количества книг, вывезенных из Военно-исторического музея в Государственный исторический музей в 1927 году, 784 тома, или 7,5%, находятся ныне в собрании Пушкинского Заповедника. Сюда, в Михайловское, они попали в 1972 и 1979 годах. См.: *Жучков К.Б.* Книжная коллекция Военно-исторического музея в собрании Пушкинского Заповедника: история одной уникальной коллекции // Библиофильские известия. 2014. № 20. С. 41–50.

ванных в 87 ящиков[1]. Среднее количество книг, упакованных в ящик, составляло 121 том, или 4,8 пуда. Ясно, что книги Военно-исторического музея упаковывались в разномастные ящики, которые тогда можно было найти в обиходе, а не изготавливались специально для этой цели.

Сведения об условиях, в которых производился вывоз дворянских библиотек в 1918 году, о стоимости этих мероприятий содержатся в многочисленных счетах и платёжных ведомостях, предоставлявшихся для отчётов эмиссарами и их помощниками. Необходимо заметить, что в 1918 году повседневная жизнь в Москве, да и в большинстве губерний республики ещё была далека от тех мрачных картин, которые традиционно рисуются в нашем воображении при мысли о Гражданской войне в Советской России. В советском кинематографе преобладают тёмные сцены жизни советских граждан, находящихся в кольце вражеских фронтов, господствующие повсеместно разруха и нищета, всепроникающая партийная и классовая сегрегация. Такое представление о повседневной жизни Советской России в 1918 году неверно, антиисторично и является, скорее, отражением явлений, имевших место в 1919, а ещё больше — в 1920–1922 годах.

В действительности, несмотря на тяжёлую войну, продолжавшуюся с 1914 года, на две революции и последовавший за ними «демократический» хаос в жизни государства и общества, в России 1918 года оставалось ещё достаточно ресурсов для поддержания приемлемого уровня жизни в городах. Конечно, по сравнению с довоенным временем падение уровня жизни граждан было налицо; галопировала, как тогда казалось, инфляция, дефицит простейших товаров заставлял с грустью вспоминать о счастливых довоенных временах. Повсеместно закрывались предприятия, не хватало топлива. Тем не менее, как показали дальнейшие события 1919–1921 годов, и прежде всего Гражданская война, 1918-й был относительно благополучным в жизни простых людей: деньги всё-таки были ещё в цене, а наличие работы или службы решало практически все обыденные проблемы насущного бытия.

Роль ВЧК — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем — в жизни простых людей впоследствии была сильно преувеличена, как и распространение в обществе партийно-

[1] Научно-ведомственный архив Государственного исторического музей (НВА ГИМ). Оп. 1. Д. 441. Л. 568–572, 577–630, 632, 638. Ящики под номерами 514–524, 529–602, 604, 609.

классовых предрассудков и тем более репрессивных практик. Приведём пример по этому поводу… Осенью 1918 года, когда Московское библиотечное отделение переехало из здания Наркомпроса в особняк Гагариных на Новинском бульваре, в нём стали предоставлять служебное жильё сотрудникам отдела. Среди квартиросъёмщиков оказался сотрудник Аристарх Петрович Савватеев. В 1918 году он прослужил в отделе месяц, после чего уволился. Руководство отдела предписало ему выселиться «с казённой площади», что Савватеев делать категорически отказался и занял своими вещами, в том числе велосипедом, ещё и общий коридор[1]. Никакие уговоры, предписания и угрозы в течение почти года на Савватеева не действовали, пока наконец Московский библиотечный отдел 28 августа 1919 года не обратился в народный суд Арбатского района Москвы. 12 сентября 1919 года суд вынес справедливое решение о выселении Савватеева. Несколько раз для его выселения приходил местный уполномоченный, но так и не смог добиться выполнения решения народного суда. Ситуация с Савватеевым ярко характеризует демократическую сущность советской власти в первый-второй год её существования. Сильные изменения она претерпела в последующие ближайшие годы в результате многочисленных антисоветских мятежей, заговоров, террора, восстаний.

То же самое можно сказать и о бытовых условиях жизни людей в 1918 году. Несмотря на инфляцию и существенную разницу в ценах по сравнению с довоенным временем, общий уровень цен относительно заработной платы во второй половине 1918 года был достаточно разумным. Даже по отчётам эмиссаров Московского библиотечного отдела и ведомостям финансовых расходов отдела в августе — декабре 1918 года видно, что общественная и хозяйственная жизнь в Москве и провинции ещё бурлит, работают частные магазины, ателье, книгопечатни, склады, промышленные предприятия, школы, музеи, библиотеки, правильно функционируют железные дороги, гужевой транспорт, извозчики, трамваи. Церковные иерархи занимаются охраной культурных ценностей и работают в связке с новыми властями, общественный правопорядок соблюдается. В какой-то мере новой власти в течение всего одного года удалось направить в конструктивное русло кипучую инициативу масс, остановить «демократическую» шумиху. Несмотря на повсеместную реорганизацию и «оптимизацию» учреждений, их деятельность не прекращается, а только активизируется.

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 28. Л. 155, 237.

Что же касается условий повседневной жизни, можно заметить только первые, ещё единичные и не постоянные, признаки надвигающегося кризиса, в большой степени спровоцированного Гражданской войной. Это, в первую очередь, начинавшийся дефицит и, как следствие, чрезвычайная дороговизна топлива, точнее дров. Квадратная сажень дров стоила осенью 1918 года 500 рублей, то есть более половины месячной заработной платы сотрудника отдела. Но и эта цена не была критичной, поскольку квадратной сажени, то есть восьми кубометров дров, хватало для отопления одного голландского стояка или кухонной печи в течение всего отопительного сезона. Больше тревожил дефицит, то есть труднодоступность дров. Ощущается нехватка писчей бумаги и лент для пишущих машинок. Дорого стоит чай. Однако в свободной продаже библиотечные карточки, ящики, проволока, чернила, мыло, верёвка, шпагат, клей, оконное стекло, гвозди, тёс, фанера, книги всех сортов, географические карты, учебники, ученические тетради, почтовые и гербовые марки, спички, свечи, керосин, цветы. Киловатт-час электроэнергии стоит 2 рубля 20 копеек, и пока её не отключают. Стоимость поездки в трамвае в Москве составляет 1 рубль 20 копеек, по вечерам трамваи не ходят из соображений экономии электроэнергии. Дóроги извозчики: поездка по городу на среднее расстояние обходится в 20–25 рублей. В деревне извозчики дешевле на порядок, а крестьянские телеги для пассажирского проезда стоят копейки. Ночёвка в гостинице, меблированных комнатах или на частной квартире обходится в 5 рублей, то есть, грубо, в четыре поездки на трамвае. И самое примечательное, московские ломовые извозчики монополизированы отделом гужевого транспорта Московского совета депутатов, который образовал картель с единой монопольной ценой — 120 рублей за один рейс по городу. К сожалению, в рассматриваемых нами документах отражён достаточно специфический «ассортимент» (например, по ним не оценить стоимость, ассортимент и доступность продуктов питания, алкоголя и табака в Москве и провинции, а именно по этим позициям можно было бы сравнить покупательную способность тогдашних и нынешних денег).

Чтобы наглядно представить соотношение цен и зарплат осенью 1918 года, мы свели основные показатели в таблицы ***(см. Приложение в конце статьи)***. Цены на товары и услуги, показанные в таблицах, дают возможность осветить стоимость вывоза книг. Во-первых, московские библиотеки обходились отделу (т. е. Наркомпросу) практи-

чески бесплатно, только в стоимость их перевозки по городу. Ящики в городе для вывоза библиотек были оборотными, их разгрузка в отделе обходилась в 20–30 рублей за библиотеку. Во-вторых, примерно на порядок дороже была стоимость вывоза библиотек из имений. В неё входили суточные эмиссарам и их помощникам, оплата жилья, наём извозчиков, покупка и изготовление ящиков и другой упаковки, наём подвод для доставки книг на станции, погрузка их в вагоны, железнодорожный тариф, перевозка по городу. И всё равно все эти расходы в сравнении с ценой вывозимых библиотек были мизерными. Так, вывоз библиотеки Долгорукова — почти 6 000 томов — из имения Волынщина обошёлся отделу в 4 431,1 рубля, включая разъезды по разборке библиотеки, ямщиков, упаковку, погрузку и разгрузку, жильё, телеграммы, городских извозчиков, железнодорожные билеты, тариф и т. д. Это расходы, сделанные с 20 ноября по 31 декабря 1918 года[1]. Отсутствует накладная на перевозку книг по городу, но известен вес груза по железнодорожной накладной, поэтому незадокументированные расходы тоже можно учесть: для перевозки этой библиотеки по Москве понадобилось шесть одноконных ломовых подвод, что увеличивает стоимость на 720 рублей. Таким образом, вывоз библиотеки Долгорукова обошёлся в 5 151 рубль. Одна книга этой библиотеки обошлась Советскому государству в итоге в 85 (восемьдесят пять) копеек — то есть по цене где-то между почтовой маркой и коробком спичек. Учитывая, что новые книги в книжных магазинах и старые у частных лиц отдел покупал по цене от 5 до 50 рублей, квитанционная книжка стоила 6 рублей 30 копеек, а план Москвы 6 рублей[2], можно утверждать, что реквизиции дворянских библиотек были выгодным делом для советских властей. Они позволили фактически без затрат укомплектовать фонды столичных, провинциальных и университетских библиотек значительным объёмом научной и антикварной литературы, воспользоваться которой удалось в полной мере следующим поколениям советских граждан.

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 153, 194, 195, 223 об., 227 об., 248, 248 об., 250, 251, 316.

[2] Там же. Л. 75, 223 об., 227 об.

Приложение

Таблица 1

Зарплаты в Москве (ноябрь — декабрь 1918 года)

№ п/п	Должность	Оклад, рублей
1.	Заведующий отделом	1480
2.	Эмиссар 1 разряда	940
3.	Эмиссар 2 разряда	830
4.	Библиотекарь	775–830
5.	Сотрудник по разбору библиотек	730–830
6.	Служитель	400–450
7.	Суточные в командировке	25
8.	Дневная зарплата разовых эмиссаров	27,66
9.	Часовая зарплата разовых эмиссаров	5,53

Таблица 2

Зарплаты в Орле (ноябрь — декабрь 1918 года)

№ п/п	Должность	Оклад, рублей
1.	Заведующий музеем	850
2.	Помощник заведующего	600
3.	Служитель	250
4.	Дворник	300

Таблица 3

Цены в Москве (октябрь — декабрь 1918 года)

№ п/п	Наименование	Единицы измерения	Цена, рублей
1.	Трамвай	поездка	1,20
2.	Извозчик	поездка	15–30
3.	Ж/д билет (Подольск, Орёл)		1,65; 31,10
4.	Ж/д билет Москва — Петроград	в оба конца	48,30
5.	Гостиничный номер (с освещением)	сутки	4,50

6.	Носильщик		3,50
7.	Охранная грамота на библиотеку		10
8.	Чай	¼ фунта	10
9.	Спички	коробок	0,50
10.	Мыльный порошок	1 фунт	2,50
11.	Свечи	1 штука	1
12.	Подписка на газету «Известия Сов. деп.»	1 месяц	15
13.	Гербовая марка		0,05

Таблица 4

Цены в Орле (декабрь 1918 года)

№ п/п	Наименование	Единица измерения	Цена, рублей
1.	Извозчик	поездка	20
2.	Электроэнергия	кВт/час	2,20
3.	Чернила	1 фунт	6,50
4.	Трамвай	поездка	1
5.	Оконное стекло	1 штука	20
6.	Ремонт плиты и голландской печи		30
7.	Дрова	кв. саж.	500
8.	Хризантема	штука	15
9.	Тетрадь	штука	0,50

Таблица 5

Стоимость вывоза библиотек (ноябрь — декабрь 1918 года)

№ п/п	Наименование	Единица измерения	Цена, рублей
1.	Английский шпагат	вязка	3
2.	Вязка	клубок	5
3.	Верёвка	клубок	10
4.	Верёвка	фунт	11
5.	Куль из рогожи	штука	0,75
6.	Ящик для книг (большой)	штука	50
7.	Ящик для книг (маленький)	штука	25
8.	Ящик у граждан с рук	штука	3

9.	Гвозди трёхдюймовые	фунт	2,35
10.	Гвозди	дюжина	1,75
11.	Тёс (доски)	штука	5,50
12.	Фанера	лист	4
13.	Крестьянская подвода	поездка	20
14.	Одноконная подвода (ломовой)	поездка	120
15.	Переноска ящиков с книгами	1 человек	5
16.	Столяр подённый	день	20
17.	Ж/д тариф Дорохово — Москва	234 пуда	191,95

Константин Жучков

ДВОРЯНСКИЕ БИБЛИОТЕКИ, ВЫВЕЗЕННЫЕ МОСКОВСКИМ БИБЛИОТЕЧНЫМ ОТДЕЛОМ В 1918 ГОДУ

Близится столетие с того времени, как в России началось грандиозное перераспределение культурных богатств. Среди культурных ценностей, собранных поколениями российского «господствующего» класса, массовую реквизицию которых начало Советское государство, особое место заняли ведомственные, общественные и владельческие библиотеки. Советское государство, советская общественность, столичная и провинциальная творческая, научная и художественная интеллигенция, местные советские и партийные активисты, рабочие союзы и крестьянские общества, красноармейские клубы и матросские собрания — все искренне считали книжные богатства общенародным достоянием и не испытывали ни тени сомнения в справедливости и необходимости их национализации, перемещения их в учреждения, где эти богатства станут доступными «широким массам» трудового народа.

Общероссийское движение за реквизицию библиотек, в которую вылилась их «национализация», началось с мест. Именно местные советские власти — уездные и волостные — подали пример изъятия библиотек местных предпринимателей и интеллигентов. Пожалуй, первой известной нам попыткой защитить книжное собрание была отмена 22 ноября 1917 года Советом народных комиссаров РСФСР решения Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 10 ноября 1917 года реквизировать квартиру Е.И. Чертковой[1] для нужд исполкома Совета фабричных и солдатских депутатов Васильевского острова, поскольку в «помещении» Е.И. Чертковой, в доме 79 по Большому проспекту В. О., находилась часть библиотеки Г.И. Черткова[2], переданная в 1915 году в дар библиотеке Россий-

[1] Елизавета Ивановна Черткова (1832–1922) — благотворительница, последовательница лорда Редстока — протестантского миссионера и одного из основателей евангельского движения в России. Супруга Г.И. Черткова.

[2] Григорий Иванович Чертков (1828–1884) — генерал-адъютант при Николае I, генерал-адъютант при Александре II и Александре III. Оставил богатейшую библиотеку, насчитывавшую 12 000 томов.

ской академии наук[1]. Первым же известным нам случаем реквизиции провинциальной библиотеки была попытка Тихвинского уездного совета депутатов изъять библиотеку С.А. Цвылёва[2] в имении Иссадский Бор Тихвинского уезда Новгородской губернии. Вопрос о её защите рассматривался малой государственной комиссией РСФСР по просвещению 18 января 1918 года[3]. Это первое упоминание о частновладельческой библиотеке в документах Наркомпроса.

Стремление новой власти, провозгласившей себя народной, а все культурные богатства страны — «общенародным достоянием», взять под контроль стихийную инициативу на местах привело к организации в составе центральных органов власти специальных учреждений, задачей которых становились учёт, охрана и перераспределение частных, общественных, ведомственных библиотек. Первым таким высшим органом стал библиотечный отдел при Народном комиссариате по просвещению РСФСР, работа которого была начата 15 февраля 1918 года. Первым его делом стало «устройство Центральной библиотеки справочного характера при самом Народном комиссариате по просвещению»[4]. 18 марта 1918 года, при переезде Советского правительства в Москву, библиотечный отдел Наркомпроса, главой которого был назначен Алексей Павлович Кудрявцев (1881–1931)[5], распоряжением Государственной комиссии по просвещению был оставлен в Петрограде[6].

5 июля 1918 года А.П. Кудрявцев для координации и централизации работы библиотечных органов предложил создать при Петроградском

---

[1] *Ирошников М.П., Ярошецкая В.П.* Документы Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга о частных библиотечных и архивных собраниях в Петрограде в годы гражданской войны // Археографический ежегодник за 2006 год. М., 2011. С. 418.

[2] Сергей Александрович Цвылёв (1890–1962) — деятель культуры, краевед, владелец уникальной библиотеки, в которой особо выделялся «восточный отдел», составленный книгами, привезёнными из путешествия по Японии и Китаю в 1908 году.

[3] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2551 (Комиссариат народного просвещения Союза коммун Северной области). Оп. 15. Д. 3. Л. 12.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). В. А-2306 (Народный комиссариат по просвещению РСФСР). Оп. 30. Д. 12. Л. 1.

[5] В данном случае А.П. Кудрявцев был переназначен; заведующим библиотечным отделом Наркомпроса он был назначен 10 февраля 1918 года (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 12. Л. 1).

[6] ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 54.

комиссариате народного просвещения Центральный комитет государственных библиотек. В силу определённых причин деятельность этого комитета ограничилась только северо-западными губерниями России, и уже 29 декабря 1918 года он был переименован в Центральный комитет библиотек Союза коммун Северной области[1].

В тот же день, 5 июля 1918 года, было создано и Московское отделение Центрального (т. е. петроградского) библиотечного отдела[2]. Деятельность Московского библиотечного отделения распространилась не только на центральные, но и почти на все губернии РСФСР, остававшиеся во власти центрального Советского правительства (за исключением северо-западных, которые вошли в состав Союза коммун Северной области). Его заведующим был назначен В.Я. Брюсов[3, 4]. Особо оговаривалось, что работа библиотечного отделения «ограничена охраной книжных богатств республики и заведованием Государственными и Академическими библиотеками, развитие же библиотечной сети составляет функции библиотечной секции внешкольного отдела Наркомпроса»[5]. Московское библиотечное отделение просуществовало до 14 (28) мая[6] 1919 года, когда на его основе был создан единый библиотечный отдел Наркомпроса, в свою очередь реорганизованный 23 июня 1919 года в отдел научных библиотек Наркомпроса РСФСР[7].

Декретом Советского правительства от 17 июля 1918 года «Об охране библиотек и книгохранилищ Российской Советской Федеративной социалистической республики» отделу библиотек при Наркомпросе РСФСР отдавались в ведение «все библиотеки ликвидируемых и эвакуируемых государственных учреждений, а также библиотеки отдельных обществ и лиц, поступившие в полном составе или частью в распоряжение правительственных учреждений, общественных орга-

---

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 42. Л. 12.

[2] *Абрамов К.И.* Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917–1920. М., 1974. С. 36–37.

[3] Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) — русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед.

[4] ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 15. Д. 15. Л. 4–4 об.

[5] Отчёт с I библиотечной сессии Народного комиссариата по просвещению (Москва, 25 января — 1 февраля 1919 года) // Библиотечное обозрение (журнал). 1920. № 2. С. 186.

[6] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 24. Л. 2–3.

[7] ЦГА СПб. Ф. 22552. Оп. 1. Д. 3. Л. 168–169, 188, 190–191.
ГАРФ. Ф. А-2306. Ф. 330. Д. 35. Л. 7.

низаций и т. д.»[1]. Декрет устанавливал исключительное право отдела библиотек на «назначение этих библиотек, распределение их, предоставление их в пользование населения». В дополнение к этому декрету народный комиссар по просвещению РСФСР обнародовал приказ о том, что «никакие реквизиции общественных и частных библиотек отдельными лицами или учреждениями вне Контроля Библиотечного Отдела при Народном Комиссариате по Просвещению недопустимы и будут рассматриваться как нарушения революционного правопорядка»[2].

После издания декрета Совета народных комиссаров РСФСР, в июле 1918 года в Наркомпросе прошло несколько совещаний по библиотечному делу под председательством заместителя народного комиссара по просвещению академика М.Н. Покровского, где конкретизировались задачи Московского библиотечного отделения. С одной стороны, отделение становилось «рабочим органом Центрального комитета государственных библиотек по проведению в жизнь вопросов по разработке всех государственных книгохранилищ и организации книжного фонда». С другой стороны, на него возлагалось «ве́дение национализированными библиотеками Московской области»[3]. Под «Московской областью» подразумевались, конечно, центральные губернии РСФСР.

Первоначальный штат сотрудников отделения состоял из четырёх человек, кроме В.Я. Брюсова: это были Я.Э. Голосовкер (эмиссар 1-го разряда), З.А. Басманова (машинистка 1-го разряда), С.Н. Мотовилова (эмиссар 1-го разряда), Н.К. Лысогорская (деловой библиотекарь)[4]. 28 июля 1918 года заместителем заведующего Московским библиотечным отделением был назначен А.Н. Виноградов[5], который по болезни отошёл от работы. С 1 сентября на его место был назначен Ю.М. Со-

---

[1] Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета (Известия ВЦИК). № 153. 21.07.1918. С. 5.

[2] Известия ВЦИК. № 195. 10.09.1918. С. 4.

[3] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 29.

[4] Там же. Л. 3 об.

[5] ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 3. Л. 111. А.Н. Виноградов с 16 ноября 1918 года стал заместителем заведующего Московским библиотечным отделением, а с 14 декабря 1918 года был назначен председателем президиума библиотечных секций. 25 февраля 1919 года заболел и перестал участвовать в его работе. Сам президиум, впрочем, был ликвидирован постановлением коллегии библиотечного отдела 22 февраля 1919 года и полностью прекратил свою деятельность 1 апреля 1919 года.

колов[1]. К концу июля 1918 года в штат были приняты Б.Л. Пастернак (секретарь), Е.А. Сырейщикова (регистратор), О.А. Паппе (библиотекарша); также библиотекарями были приняты четверо временных сотрудников, разбиравших библиотеку Катковского лицея[2]. Таким образом, к 1 августа 1918 года штат Московского библиотечного отделения составлял 13 человек. Отделение могло начинать работу.

В августе 1918 года Московское библиотечное отделение организовывает свой книжный фонд, который должен стать органом перераспределения библиотек. В отделение также назначается штат из десяти разъездных эмиссаров, на которых планировалось возложить «обследование книжных богатств на местах, выяснение их материального положения и принятия мер к тому, чтобы также частные ценные библиотеки не шли в продажу и распылялись, а поступали целиком в книжный фонд»[3]. Первоначальная смета Московского библиотечного отделения на второе полугодие 1918 года была утверждена 19 июля 1918 года и составляла 77 400 рублей[4]. Для выполнения поставленных задач, требовавшего увеличения штата, 23 августа В.Я. Брюсов обратился в Наркомпрос с обоснованием увеличения сметы до 181 тысячи рублей. В тот же день коллегия финансового отдела Наркомпроса постановила новую смету утвердить[5]. Резкое увеличение штата сотрудников отделения происходило ввиду того, что «вследствие упразднения целого ряда государственных и национализации частных библиотек в Московской области… скопились значительные собрания книг, лежащих мёртвым капиталом» и необходимо «принятие мер к перераспределению и охране книжных собраний и библиотек в самом спешном порядке»[6].

Фраза, вскользь брошенная автором пояснительной записки к смете Московского библиотечного отделения (вероятнее всего — В.Я. Брюсовым), в которой он называет библиотеки «капиталом», не случайна. Она во многом проясняет непонятное теперь иррациональное, почти мистическое отношение советских людей 1918 года к книгам. Ведь теперь кажется трудно объяснимым, почему, в условиях революции и начинавшейся Гражданской войны в России, именно книги стояли едва ли не на первом

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 35 об.
[2] Там же. Л. 12 об., 14 об., 17 об.
[3] Там же. Л. 29.
[4] Там же. Л. 29.
[5] Там же. Л. 34.
[6] Там же. Л. 27 об.–28.

месте в перечне реквизиций и национализаций. Представляется, что книги, библиотеки, которыми владели до Октябрьской революции «имущие классы» (даже если это были учёные, писатели, артисты, интеллигенция), казались неким мистическим кладезем, таким интеллектуальным граалем, в котором можно было быстро черпать недостающие умения и знания, необходимые для «успешного» положения в обществе. Если учесть массовый романтический психоз, сопровождающий любую, и прежде всего русскую, революцию, то становится понятным это идеалистическое отношение к печатному слову. Проще говоря, книги казались атрибутом счастливой жизни, без них она казалась недоступной. Книги были атрибутом принадлежности к высшему классу.

Такое понимание значения книги простыми людьми, оказавшимися в органах власти, прежде всего местных и губернских, было повсеместным. Всем им казалось, что обладание книжным богатством делало их «богатыми» в смысле карьеры, общественного положения, возможностей развития, и в том числе — возможностей развития нового общества. Дело доходило до абсурда. Так, 22 октября 1918 года руководители клуба «III Интернационал» в Москве обратились в отдел пролеткульта Наркомпроса РСФСР с просьбой оказать помощь в вывозе библиотеки из Тулы. По словам заведующего клубом Гуревича, библиотека состояла из 80 000 (восьмидесяти тысяч) томов иностранной литературы и её клубу предлагал местный военный культурно-просветительский отдел. К просьбе клуб прилагал смету на вывоз библиотеки в сумме 2 140 рублей. Но самое интересное состоит в обосновании просьбы. Заведующий клубом полагал необходимым взять библиотеку по следующим соображениям: «во-первых, приобретение такой библиотеки является для клуба приобретением крупного живого капитала; во-вторых, при наличии курсов новых языков при клубе такая библиотека крайне необходима для успешного хода преподавательской работы над курсантами, так как последние, читая иностранную литературу, практикуются в понимании языка, развивая его художественную сторону и приобретая начитанность»[1].

Просто фантастическое обоснование для приобретения библиотеки, состоящей из 80 000 иностранных книг! Сразу представляешь себе московских ломовых или, скажем, ткачих Трёхгорной мануфактуры, читающих по вечерам в подлиннике Шекспира или Бальзака. Затраты же

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 106, 107–107 об.

на перевозку библиотеки из Тулы в Москву выглядят просто легкомысленными. Так, 80 000 томов предполагается упаковать в 20 (двадцать) ящиков, перевозка с железнодорожной станции в клуб оценена в 20 копеек с пуда, тогда как вся библиотека рассчитывается в 2 000 пудов. 80 000 томов должны были бы весить все 3 200 пудов, московские же ломовые осенью 1918 года брали за доставку по городу за один рейс 120 рублей. При условии, что один ломовой брал в среднем на подводу 40 пудов, только перевозка библиотеки по Москве обошлась бы в 10 тысяч рублей. Не намного дешевле обошлась бы её перевозка и по Туле. Для упаковки библиотеки потребовалось бы не менее 400 «больших» ящиков из расчёта по 250 томов в каждом, и эти «большие» ящики обошлись бы не менее чем в 10 тысяч рублей. Кроме того, неизбежными были расходы на упаковку ящиков, погрузку и разгрузку их на железнодорожных станциях[1]. Клуб не учёл в смете расходы на железнодорожный тариф от Тулы до Москвы. Примечательно, что, несмотря на это всё, со сметой согласились и пролеткульт, и В.Я. Брюсов, поручивший исполнение перевозки эмиссару библиотечного отделения Б.П. Дитмару. Так магически действовали на книжных функционеров слова «живой крупный капитал».

К сожалению, нам не удалось установить дальнейшую судьбу этой библиотеки. Существование подобной библиотеки в Туле и Тульской губернии ни в 1918 году, ни до этого не зафиксировано. Можно было бы предположить, что она сформировалась в результате реквизиции частновладельческих и общественных библиотек Тульской губернии, «изъятия» из их состава книг на иностранных языках и «отложения» их отдельно в каком-либо учреждении. Впрочем, это предположение несостоятельно. В 1918–1920 годах часть усадебных библиотек, а также библиотеки Тульской классической гимназии, Палаты древностей и духовной семинарии были вывезены во вновь образованную Тульскую центральную библиотеку (ныне областная библиотека имени В.И. Ленина), фонд которой в 1920 году составлял 31 000 томов. Некоторые библиотеки были оставлены в учреждениях местных уездных и волостных советов депутатов. Часть реквизированных собраний была вывезена в библиотеку Румянцевского музея (например, часть библиотеки

[1] Подробнее о том, как упаковывались и вывозились книги, см.: *Жучков К.Б.* Английский шпагат, фанера, рогожные кули: как вывозились дворянские библиотеки в 1918 году (с. 90 настоящего сборника).

Н.М. Горбова), иностранные книги частично были перевезены в центральное книгохранилище при местном комитете научных библиотек, часть книжных собраний погибла. Всего в 1918–1920 годах в Тульской губернии известно о наличии не менее 87 300 книг в местных библиотеках (включая библиотеки Л.Н. Толстого и В.А. Жуковского), общее число могло бы доходить и до 100 тысяч книг. Из этого числа книг на иностранных языках даже при самой оптимистической оценке могло быть не более 20–25 тысяч. Поэтому маловероятно, что к осени 1918 года, когда реквизиции библиотек ещё только начинались, могла сформироваться столь значительная коллекция. Надо полагать, что существование такой библиотеки является не более чем апокрифом[1].

Тем временем, определив первоочередные задачи, Московское библиотечное отделение начало работу. Первоначально отделение находилось вместе с Наркомпросом, расположившимся в здании бывшего Катковского лицея[2] на Остоженке, 53. Библиотеку лицея, насчитывавшую 60 000 томов, сначала было решено сделать библиотекой Наркомпроса. Разборку лицейской библиотеки предприняли сразу при въезде в особняк. Сначала её выполняли временные помощники библиотекаря, вошедшие затем в штат отделения: с 14 мая 1918 года Н.Д. Нюберг, с 13 мая А.И. Солодков, с 13 июня Н.М. Шацких, с 23 июня Н.А. Черемина[3]. После создания и начала формирования отделения было решено лицейскую библиотеку разделить по трём фундаментальным разделам: на филологическую, педагогическую и юридическую библиотеки.

---

[1] См.: *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя. Ч. I // Русский библиофил. 1911. № 3. С. 10; № 6. С. 3, 9; № 7. С. 2; Ч. II. СПб., 1912. С. 9, 17, 21, 30, 56, 58; *Минцлов С.Р.* Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время Великой войны и революции. Берлин, 1925. С. 43–49; *Друганов И.А.* Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьбы их в советскую эпоху // Советская библиография. 1933. № 1–3. С. 199–208; 1934. № 2. С. 49–73; 1934. № 3–4 (7–8). С. 128–164; 1935. № 3 (11). С. 89–93; *Злочевский Г.Д.* Синодик усадебных библиотек // Библиография. 1997. № 2. С. 85–90; Библиография. 1997. № 4. С. 120; *Жучков К.Б.* Синодик дворянских библиотек: первое прочтение // Михайловская пушкиниана. Вып. 61. Сельцо Михайловское, 2013. С. 51–52.

[2] Неофициальное название Московского Императорского лицея в память Цесаревича Николая. Ныне здесь располагается Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации.

[3] История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. 1918–1920. М., 1975. С. 41.

Филологическую библиотеку на западноевропейских и восточных языках, насчитывавшую 25 000 томов, было решено сделать научной библиотекой библиотечного отделения, поскольку считалось, что в библиотеках Румянцевского и Исторического музеев и Московского университета недостаточно научной литературы на иностранных языках[1]. Филологическую библиотеку отделения решено было сделать публичной. Постепенно филологическую часть лицейской библиотеки пополняли иностранными изданиями из вновь реквизируемых библиотек (например, библиотек Олсуфьева, Грингмута, Барятинского, Голицына из имения Вязёмы, Щербатова, Гагарина). К лету 1919 года в ней насчитывалось 40 000 томов. Библиотека была разделена на 89 отделов, начиная с греческих и римских авторов VII века до нашей эры и до литографированных изданий XIX века. Созданная таким образом «новая научная библиотека при Московском государственном книжном фонде» в 1920 году поступила в публичную библиотеку Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека).

Юридическая часть лицейской библиотеки была передана в библиотеку социалистической академии, педагогическая — педагогическому собранию в составе библиотеки Наркомпроса[2]. Работы по организации библиотеки отделения с 22 июля 1918 года возглавил эмиссар отделения Я.Э. Голосовкер[3], который, однако, вскоре заболел и 1 сентября 1918 года уволился. В тот же день его заменил эмиссар В.О. Нилендер. Разборка лицейской библиотеки и перевозка книг в помещения нового здания Московского библиотечного отделения, где физически формировалась «новая научная библиотека», продолжались всю осень 1918 года, а её открытие для публики состоялось в апреле 1919 года.

Численный состав отделения постепенно рос, как росла и нагрузка по осмотру, разборке, описанию и вывозу библиотек. В сентябре — октябре 1918 года для неотложных работ помимо штатных сотрудников отделения использовали «разовых» или «временных» эмиссаров. С увеличением финансирования отделения их постепенно брали в штат. В конце ноября 1918 года число сотрудников отделения составило 26 человек, а в конце декабря их было уже 52, включая 10 библиотекарей «но-

---

[1] *Друганов И.А.* Библиотечные фонды в 1918–1923 годах (Библиотеки общественные и ведомственные) // Советская библиография. 1935. № 3 (11). С. 86, 92.

[2] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 290. Л. 13.

[3] ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 3. Л. 24 об.

вой научной библиотеки» отделения и 5 сотрудников библиотеки-музея имени И.С. Тургенева в Орле[1]. По зарплатной ведомости за вторую половину декабря 1918 года в штате Московского библиотечного отделения состояли: В.Я. Брюсов; его заместитель И.А. Друганов; секретарь В.П. Дитмар; делопроизводитель Н.А. Дешкин, Е.А. Сырейщикова; машинистка 1-го разряда А.Н. Заседателева; машинист П.И. Сергеев; эмиссар 1-го разряда А.Э. Жадовский; эмиссары 2-го разряда Н.Г. Богатырёв, И.В. Ильинский, О.Н. Трубецкая, В.И. Нейштадт; помощники эмиссара Ю.Ф. Смирнов, А.П. Усова, А.И. Глазова; служители Н.Е. Волков и П. Афонина; председатель президиума библиотечных секций А.К. Виноградов; сотрудники по разбору и описи библиотек З.Г. Крашенинникова, В.Д. Дроздова, Арсений Денисов, А.А. Петропавловский, О.В. Миллер, В.В. Арендт, О.Н. Кубарева, О.И. Зубова, Б.Б. Шереметев, В.В. Кондратьев, Л.И. Любимова, С.М. Кобрин, С.В. Филиппова, Л.Б. Кудрявцева, Н.А. Карпиковская, М.П. Кондратин, Е.А. Кузьмина, А.Э. Лямбек, С.П. Соловьёв; главный библиотекарь Н.Ю. Ульянинский; библиотекари И.А. Солодков, Н.Д. Нюберг, Е.В. Красковская, А.И. Самгин, Н.С. Виноградова, Е.Н. Некрасова; сотрудники по разборке библиотеки Н.М. Шацких и Н.А. Черемина; библиотекарь педагогического отдела Е.Е. Казарова; заведующий музеем-библиотекой И.С. Тургенева М.В. Португалов, помощник заведующего С.П. Руднева, служители П.С. Краснов и Е.Д. Пенькова и, наконец, дворник В.И. Стебаков[2].

Расширение штата и деятельности отделения повлекло за собой очередной пересмотр сметы. 31 октября 1918 года отделение просит «выписать ассигновку за счёт особого кредита по смете Народного Комиссариата по Просвещению в сумме 78 000 руб., переведённых Центральным Комитетом Государственных Библиотек» для вывоза из Тамбовской губернии библиотеки Петрово-Соколово[3]. 18 ноября 1918 года коллегия Наркомпроса постановила «ассигновать в распоряжение Московского библиотечного отделения на разборку и перевозку библиотек, поступающих в книжный фонд», дополнительно к смете 300 тысяч рублей[4]. Уже 23 ноября 1918 года В.Я. Брюсов «просит в срочном порядке чек на 30 000 рублей на перевозку библиотек 1-й очереди»[5]. Отделение

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 142 об., 144 об., 364 об.–369, 395–402.
[2] Там же. Л. 364 об., 367 об., 368 об., 395 об., 401 об.
[3] Там же. Л. 102.
[4] Там же. Л. 370.
[5] Там же. Л. 372.

представляет смету на 31 880 рублей на вывоз библиотек первой очереди, в которую вошли библиотеки: Олсуфьева (5 000 томов, ул. Поварская, 50), Морозовой (7 000, ул. Воздвиженка, 14), Соллогуб (5 000, ул. Поварская, 52), духовной семинарии (15 000, ул. Садовая-Каретная), Грингмута (10 000, Лихов переулок), Катковского лицея (3 000, ул. Остоженка, 53), Голицына (5 000, Георгиевский переулок, 6), Брусилова (10 000, имение Глебово Звенигородского уезда), Ильинского (15 000, станция Одинцово Звенигородского уезда), Вельяминова-Зернова (10 000, Малоархангельский уезд Орловской губернии), Корсаковых (14 000, имение Тарусово Дмитровского уезда)[1]. 20 декабря 1918 года В.Я. Брюсов «просит выписать в срочном порядке ассигновку» 58 тысяч рублей «на организацию Новой Общественной Научной Библиотеки»[2].

Поскольку численный состав Наркомпроса расширялся, как и количество его отделов, а организация книжного фонда библиотечного отделения требовала всё новых помещений, 13 августа 1918 года В.Я. Брюсов предложил или превратить книжный фонд в «народную библиотеку», или раздать книги фонда по существующим библиотекам[3]. Вопрос решился выделением для работы Московского библиотечного отделения отдельного здания — особняка Гагарина на Новинском бульваре, 36. Отделение переехало в новое здание в первой половине октября 1918 года[4], заняв шесть комнат для собственно отделения, его книжного фонда и библиотеки. Единственное, что в какой-то мере теперь мешало работе, — так это размещение в восьми комнатах особняка и трёх его флигелях автомобильного отряда Реввоенсовета.

Библиотеки, которые отделение не могло или не желало вывезти, должны были открыться для общественности. Это были ведомственные или общественные библиотеки с обычным, «потребительским» составом фондов (т. е. составленные из книг для чтения на каждый день) или библиотеки, которые пытались сохранить целиком по тем или иным причинам (как, например, библиотеку Московского литературно-художественного кружка). В 1918 году были открыты для широкой публики ежедневно или несколько дней в неделю библиотека А.В. Бухгейма (ул. Покровка, Введенский переулок, 28, кв. 1а), библио-

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 376.
[2] Там же. Л. 373.
[3] ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 3. Л. 28 об.
[4] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 75, 85.

тека Биржевого комитета (ул. Ильинка, здание Биржи), библиотека Еврейской общины (угол улицы Солянка и Яузского бульвара, 15, кв. 2), библиотека Литературно-художественного кружка (ул. Большая Дмитровка, дом Востряковых)[1], три библиотеки Общества улучшения быта учащих[ся] (Домниковская ул., 3; Малая Андроньевская ул., дом Макарова; ул. Щипок, дом 2-го Полянского училища), библиотека любителей духовного просвещения (Лихов переулок, 1)[2].

Одновременно Московское библиотечное отделение стало составлять списки частновладельческих, ведомственных и общественных библиотек в Москве, чтобы взять их на учёт. Владельцам этих библиотек выдавались охранные грамоты на книги, и толкование деятельности советских властей в отношении книжных собраний как тотальной «национализации»[3], вообще говоря, не совсем верно и даже антиисторично. На деле буквально «национализация» книжных собраний местными советскими властями представляла собой единичные эксцессы в провинции, и с ними энергично боролись центральные власти. Так, например, только в Москве в 1918 году были зарегистрированы и взяты под охрану 479 библиотек объёмом от 200 до 20 000 томов. И только 10 частных библиотек из этого количества были вывезены в книжный фонд и Румянцевский музей, что составляет 2% от общего количества библиотек в Москве и примерно такой же процент от количества книг[4].

---

[1] Председателем дирекции Московского литературно-художественного кружка с 1909 по 1918 год был В.Я. Брюсов. Есть мнение, что он занял должность заведующего Московским библиотечным отделением с целью сохранить от реквизиции свою собственную библиотеку и библиотеку кружка, насчитывавшую 30 000 томов. Кружок располагался в доме Востряковых на Большой Дмитровке (ныне там размещена Генеральная прокуратура Российской Федерации). В марте 1918 года в связи с переездом Советского правительства из Петрограда в Москву в здании расположился комиссариат почт и телеграфов. Всё имущество и коллекции кружка были складированы в одном помещении, нетронутой оставалась только библиотека. Подробнее об этом см.: *Розенталь Е.И.* Московский литературно-художественный кружок. 1898–1918. М., 2008. С. 72, 75.

[2] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 290. Л. 12 об.

[3] «В 1918 году произошла национализация всех частных собраний, превышавших 500 книг, а в отдельных регионах даже 100 книг», — утверждает один из авторов-исследователей (см.: *Голлербах Е.* Книги революции. Государственный книжный фонд как инструмент советской культурной политики между мировыми войнами. Саарбрюкен, 2011. С. 16), что, мягко говоря, не соответствует истине.

[4] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 14. Л. 407–518.

В Москве охранные грамоты на библиотеки начали выдавать с 14 августа 1918 года. За вторую половину августа их было выдано шесть штук, в сентябре уже 127[1], в октябре 111, в ноябре — 64[2]. Стоимость охранной грамоты составляла 10 рублей.

С середины августа 1918 года сотрудники Московского библиотечного отделения приступили к осмотру, а с сентября и к вывозу частновладельческих и общественных библиотек в Москве и Подмосковье, а также отдельных библиотек в провинции. Документы Московского библиотечного отделения за 1918 год (впрочем, как и вообще документы Наркомпроса за 1918–1920 годы) чрезвычайно разрозненны. Сохранившиеся в архиве документальные свидетельства деятельности этой структуры часто носят вторичный характер. Однако в архиве всё-таки удалось обнаружить финансовый отчёт Московского библиотечного отделения за 1918 год — дело, составленное из финансовых документов на использование ассигновок Наркомпроса, подшитых в хронологическом порядке. Среди документов дела — ведомости на получение жалованья сотрудниками отделения в 1918 году, командировочные отчёты сотрудников о поездках, квитанции на оплату перевозки книг, железнодорожные накладные, счета на производство работ, закупок и т. д. Ежемесячно сотрудники отделения представляли делопроизводителю Н.А. Дешкину счета на выполненные ими работы. По этим данным составлялись сводные ведомости расходов отделения. Эта двойная и тройная отчётность позволяет восстановить картину фактически выполненной отделением работы в 1918 году.

Сведения об осмотре, разборе и вывозе библиотек в 1918 году сведены нами в три таблицы ***(см. Приложение в конце статьи)***. В таблицах указаны только упомянутые непосредственно в этих документах сведения о библиотеках (сведения из других источников, как правило оценочных и более поздних, в таблице не приводятся). Это касается в первую очередь объёма библиотек и количества вывезенных отделением книг. Известны приблизительные оценки величины библиотек, находившихся в тех или иных частных и общественных собраниях, однако в таблице обозначено только то количество книг, которое было вывезено. Судя по всему, в большинстве случаев библиотеки вывозились в Московское библиотечное отделение не полностью: книжные собра-

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 52. Л. 33–36.
[2] Там же. Л. 156, 158 об.

ния могли быть разделены и частично переданы в местные или другие учреждения, что-то расхищалось, «пропадало». Поэтому ставить знак равенства между оценочной величиной библиотеки и количеством вывезенных книг неправомерно. В полном составе вывозились единичные библиотеки, обладавшие исключительной ценностью. Кроме того, надо отметить, что в отчётах сотрудников отделения количество вывозимых книг измерялось не томами, а крестьянскими и ломовыми подводами, пудами, ящиками, кулями и связками.

Инициалы владельцев библиотек частично приведены в отчётных документах, частично восстановлены по спискам книговладельцев, получивших охранные грамоты на библиотеки. То же касается адресов расположения осмотренных или вывезенных библиотек. Для библиотек, находившихся в Москве, город отдельно не указывается; для библиотек вне Москвы город указан.

Определённую трудность представляет собой идентификация библиотеки «Товарищества Рябушинского». В документах часто приводится фамилия Рябушинских, известных российских магнатов. Так, указано, что в Книжный фонд была вывезена библиотека В.П. Рябушинского; кроме того, были вывезены библиотека и склад старообрядческого издательства «Слово Церкви» П.П. Рябушинского. Есть и указание на вывоз библиотеки «Товарищества Рябушинского». В перечне зарегистрированных в Москве в 1918 году библиотек есть указание на вывоз в Румянцевский музей 34 ящиков с книгами «библиотеки Рябушинских»[1]. Пока остаётся неясным, были ли это две разные библиотеки — одного из братьев Рябушинских (П.П. Рябушинского) и Товарищества братьев Рябушинских, или это одна библиотека — Товарищества братьев Рябушинских.

Персональные данные на владельцев библиотек известных дворянских фамилий (таких как Голицын, Волконский, Долгоруков и другие), не указанные в отчётах, не восстановлены специально. Принадлежность этих библиотек конкретным лицам в роду не всегда ясна, поэтому и называются они не по имени конкретного человека, а по фамилии всего дворянского рода. Эти библиотеки идентифицируются в таблицах только по месту их нахождения.

Приводимые сведения проясняют и конкретизируют деятельность Московского библиотечного отделения в 1918 году. Вопреки утвердив-

[1] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 14. Л. 414.

шемуся мнению, вывоз библиотек в советские учреждения в 1918 году не был повсеместным или «повальным». Как видно, национализировались прежде всего библиотеки, которым угрожала опасность (бегство или арест владельцев, закрытие или ликвидация предприятий, угроза «реквизиции» местными властями), а также те, чьё дальнейшее существование на том же месте было невозможно по каким-либо административным причинам (переселение учреждений, уплотнение, образование новых учреждений, реорганизация предприятий). Все эти данные помогают уточнить картину этого культурного «переселения» и обобщить знания о событиях этого переломного периода.

Приложение

ТАБЛИЦА 1

Библиотеки, осмотренные эмиссарами Московского библиотечного отдела в 1918 году[1]

№ п/п	Владелец	Вид работы	Эмиссар	Место-нахождение	Дата
1.	В.И. Танеев	опись	Н.Д. Нюберг, С.Н. Мотовилова	им. Демьяново, Клинский у., Московская губ.	16–25.VIII
2.	Библиотека Полякова в имении Товарищества Знаменской мануфактуры и другие библиотеки в окрестностях Павшино	осмотр	В.О. Нилендер	ст. Павшино	5–7.IX
3.	М. Щукина	опись	С. Путятицкая	Б. Грузинская ул.	9–12.IX.
4.	Кожевников (Театр Зон) «оперная библиотека», муз. б-ка В.А. Фёдорова	осмотр	А.А. Соловцов	Петроградское шоссе, д.42, кв.4	между 14 и 25.IX 4 дня
5.	Волконский, Салазкина	опись	С.Н. Мотовилова	Подольский у., Московская губ.	18–24.IX
6.	Библиотеки Калужской губернии	осмотр	А.Е. Жадовский	Калуга, Перемышль, Подборки, Козельск, Калужская губ.	с 19.IX 7 дней
7.	А.В. Слуганов-ский[2], Елизаветинский институт	осмотр	В.И. Нейштадт	Ольховская ул., д.33, кв.2	19–24.IX
	Рябушинский	опись	В.И. Нейштадт		19–24.IX
8.	С.Б. Алмазов	осмотр	А.П. Усова	Воздвиженка (бывш. гост. «Петергоф» комн. № 69, 70, 71)	20.IX
9.	Рябушинский	опись	Б.П. Дитмар		20–28.IX

[1] Составлено по: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 49, 50, 75, 76, 77, 87, 88, 89, 91, 96, 100, 101, 102, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 167, 170, 171, 173, 180, 181, 184, 185, 191, 195, 223 об., 225 об., 228 об., 229 об., 244, 267, 275, 358.

[2] Или Случановский?

10.	Фадеев		В.О. Нилендер	Московская губ.	22.IX
	Т-во Рябушинского	разборка	А.П. Усова		24.IX–2.X
11.	Старообрядческое издательство, Рябушинский	осмотр, опись, упаковка	А. Полуносов-Ярусов		24.IX–28.IX, 30.X 1,3,4.X
12.	В.П. Вахтёров, Н.В. Золотницкий	осмотр	Б.П. Дитмар	Плющиха, д.26, кв.6 Докучаев пер., бывш. Спасский, д.14, кв.3	между 28.IX и 3.X
13.	В.В. Данилов, Оловяшников[1]	осмотр	А. Полуносов-Ярусов	Кривоарбатский пер., д.6, кв.8	2.X 8–9.X
14.	Б-ка «Друг детей» Ю.М. Фоминой	осмотр	Е.С. Путятицкая	Покровка, д.29, кв.23	2.X
15.	Н.Н. Вышеславцев, А. И. Ларионов, Английский клуб	осмотр	А.П. Усова	Плющиха, 6-й Ростовский пер., д.11, кв.9 Добрая Слободка Покровка, д.10/12	3, 7.X 4.X 13.X
16.	Д.С. и Д.С. Пигит[2] А. В. Чичкин[3], Е. Милановский, С. М. Гусев	осмотр	Б.П. Дитмар	Б. Садовая ул., д.10, к.5 М. Молчановка, Б. Ржевский, д.8, кв.13 1-й Ростовский пер., д.12, к.2 Александровская ул., д.14, кв.10	3.X 7.X
17.	Издательство «Слово Церкви» (склад)	разборка склада	А.П. Усова		5.X
18.	А.В. Шубников	осмотр	Е.С. Путятицкая	Селезнёвская ул., д.17	6.X
19.	В.П. Рябушинский	осмотр	И.В. Ильинский	Казачий пер., д.6 (склад)	7, 15.X
20.	Имение	осмотр	И.В. Ильинский	Пост Александровской ж/д	между 7 и 15.X

[1] Вероятно, Н. Оловяшников с Елизаветой Васильевной Оловяшниковой (Оловянниковой) (Пестовский переулок, д. 8, к. 18).

[2] Дина Савельевна и Давид Савельевич Пигит.

[3] Александр Васильевич Чичкин или его полный тёзка, Александр Васильевич Чичкин, проживавший в доме 11 по Новоконюшенному переулку.

21.	Н.В. Касаткина, Н.А. Абрикосов, В.В. Голубков	осмотр	А.И. Глазова	М. Молчановка, Ржевский пер., д.8, кв.13 Красносельская ул., склад фабрики Т-ва Абрикосова Пречистенка, д.40, кв.158	8.X 9.X 10.X
22.	А.С. Маджугинский, Кооп. Т-во А.А. Дешина, К.Л. Адельгейм	осмотр	Б.П. Дитмар	Сухаревско-Садовая ул., д.17, кв.6 Зубовский б-р, д.13, кв.18 Б. Лубянка, д.5/15, кв.79	между 8 и 10.X включительно
23.	В.В. Данилов, С.И. Смирнов	осмотр	И.В. Ильинский	Кривоарбатский пер., д.6, кв.8 Б. Конюшковский пер., д.4	9.X 11.X
24.	А.В. Хованский, Г.Ф., Ф.Г. Карповы[1]	осмотр	А. Полуносов-Ярусов	Ордынка, д.41	12.X 14.X
25.	Г.З. Златопольский, И.Л. Левонтин	осмотр	Н.М. Вермель	Яузский пр., д.15/14 Гороховская ул., д.29, кв.4	между 14 и 31.X
26.	А.Е. Петрова, М.С. Зусман, С.Я. Рабинович, Лицей	осмотр, разборка	А.И. Глазова	Швивая горка, д.14, кв.24 Кривоникольский пер., д.14, кв.18 М. Бронная, д.4, кв.7	15.X 30.X 25, 31.X
27.	С.И. Сахаров, Е.М. Белякова, В.В. Абрикосов, Н.Ф. Голубев, Е.В. Орлова	осмотр	П.Г. Богатырёв	Савёловский пер., д.9, кв.22 Гончарная ул., д.14, кв.42 Пречистенский б-р, д.29, кв.34 Б. Конюшковский Тёплый пер., д.18, кв.16	15.X 18.X 23.X 20.X

[1] По одному адресу находились две разные библиотеки (вероятно, отца и сына).

28.	Гецельд, С.Н. Брашкин, Козьмин, В.И. Анисимов, Л.Ф. Кафенгауз, А.П. Казанский, А.И. Кондратьев, А.В. Меркулов, Б.Ф. Памфилов	осмотр	Б.П. Дитмар	Плющиха, д.12 Б. Ордынка, д.53, кв.1 Пятницкая ул., д.82, кв.7 Пятницкая ул., д.6, кв.11 1-я Мещанская ул., д.7, кв.23 Самотёчная-Садовая ул., д.7, кв.23 Сокольники, Охотничья ул., д.13, кв.5 Пятницкая ул., д.20, кв.45	17.X 22.X 22.X 23.X 23.X 24.X 24.X 25.X 31.X
29.	Боде-Колычевы	осмотр	И.В. Ильинский	ст. Одинцово Александровской ж/д	18.X
30.	М.Г. Сторожева, С.С. Волкова, М.К. Невельская	осмотр	А.П. Усова	Варварская пл., Солянский туп., д.3, кв.5 Остоженка, Зачатьевский пер., д.9, кв.24 Кузнецкий пер., д.3, кв.17	23.X 28.X 29.X
31.	А.Л. Полянская	осмотр	И.В. Ильинский	Пречистенка, д.13, кв.15	23–24, 30.X
32.	Лицей	осмотр, разборка	А.П. Усова	Остоженка, д.53	25, 31.X
33.	Комаровский-Самарины		И.В. Ильинский	им. Измайлово	29–30.X
34.	Брусилов	осмотр	В.О. Нилендер	им. Глебово, Звенигородский у.	1–2.XI
35.	Дмитровский союз кооператоров	осмотр	И.В. Ильинский	Дмитров, Сергиев Посад	8–9.XI
36.	Корсаковы	осмотр	И.В. Ильинский	им. Тарусово	10.XI

37.	Долгоруков	осмотр, переговоры, уборка книг, распределение	П.Г. Богатырёв	им. Волынщина, Рузский у., Московская губ.	20–27.XI
38.	Долгоруков	опись, упаковка	Е.Г. Богатырёва	им. Волынщина, Рузский у., Московская губ.	6–13.XII
39.	Брусилов	переговоры	А.Е. Жадовский	им. Глебово, Звенигородский у., Новый Иерусалим, Воскресенск	11–12.XII
40.	Щербатов	осмотр, распределение	П.Г. Богатырёв, Е.Г. Богатырёва	им. Васильевское, Рузский у., Московская губ.	14–17.XII
41.	Библиотека в с. Ярополец	отбор книг для местных б-к	И.В. Ильинский	с. Лотошино, с. Ярополец, Волоколамский у.	17–20.XII
42.	Голицын	осмотр	И.В. Ильинский	им. Симы, Юрьевский у., Владимирская губ.	2–5.I.1919

ТАБЛИЦА 2

Библиотеки, запланированные к осмотру, но не обследованные в 1918 году[1]

№ п/п	Владелец	Кол-во	Эмиссар	Местонахождение	Дата
1.	Куракин		П.Г. Богатырёв	г. Сердобск, Саратовская губ.	13.IX, 30.X
2.	Голодухин		В.И. Нейштадт	г. Ярославль, Ярославская губ.	24.IX, 30.X

[1] Составлено по: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 102А, 106, 107, 107 об., 108, 185.

3.	Библиотека иностранной литературы Военного культурно-просветительского отдела	80 000, 2 000 пудов, 20 ящиков	Б.П. Дитмар	г. Тула	24.X
4.	Мейндорф		И.В. Ильинский	им. Подушкино, Звенигородский у.	24.X
5.	С.А. Петрово-Соколово	12 000, 400 пудов, 20 ящиков	П.Г. Богатырёв	им. Вязовка, Борисоглебский у., Тамбовская губ.	31.X

ТАБЛИЦА 3

Библиотеки, вывезенные эмиссарами Московского библиотечного отдела в 1918 году[1]

№ п/п	Владелец	Кол-во	Эмиссар	Местонахождение	Дата
1.	Коншина		Б.С. Петровский (сотрудник Румянцевского музея)	ул. Воздвиженка, д.16 (в Румянцевский музей)	8.X
2.	Издательство «Слово Церкви»		А.П. Усова	Москва	8.X
3.	В.П. Рябушинский		Б.П. Дитмар	Казачий пер., д.6, кв.1 (склад)	8.X
4.	И.С. Тургенев	2 500 томов, 3 крестьянские подводы, 10 ящиков	И.А. Друганов	г. Мценск, Орловская губ. (в Орёл)	между 19 и 26.X
5.	Лихачёв	22/37 мест, 50 пудов	Серебряков, В.И. Нейштадт	г. Рыбинск, Ярославская губ. (отправка по ж/д)	16.XI
6.	Олсуфьев	7 ящиков	В.В. Кондратьев	Поварская ул., д.50	17.XI

[1] Составлено по: ГАРФ. В. А-2306. Оп. 30. Д. 11. Л. 50, 51, 55, 75, 80, 81, 82, 87, 153, 159, 194, 223 об., 224 об., 225 об., 226 об., 227 об., 228 об., 229 об., 245, 248, 249, 251, 254, 255, 259, 263, 264, 268, 272, 273, 277 об., 278, 281, 304, 315, 317, 319, 328, 329, 332, 374, 379, 379 об., 381.

7.	Долгоруков	1 ящик с катало-гами	П.Г. Богатырёв	им. Волынщина, Рузский у., Московская губ.	27.XI
8.	Мусин-Пушкин	20 ломо-вых подвод	А.И. Глазова	им. Покровское (с ж/д в Книжный фонд)	между 29.XI и 9.XII
9.	М.К. Морозова		Б.П. Дитмар	ул. Воздвиженка, д.14	30.XI
10.	Е.Ф. Соллогуб		В.Я. Лямбек	Поварская ул., д.68	2, 3.XII
11.	Епархиальный Дом		М.И. Терновская		2–5.XII
12.	Б. Грингмут	3 ломовые подводы	Е.Г. Богатырёва	Лихов пер.	3.XII
13.	А.Ю. Новосиль-цев	3 ломовые подводы	Белогубцев, А.Э. Лямбек	Георгиевский пер., д.3	4.XII 13.XII
14.	Духовная семинария	10 ломо-вых подвод	В.Я. Лямбек	Садовая-Каретная ул.	5–12. XII
15.	Лихачёв			Перевозка с ж/д в Книжный фонд	12.XII
16.	Г.Ф., Ф.Г. Кар-повы	2 ломовые подводы	В.Я. Лямбек	Ордынка, д.41	13, 16, 18.XII
17.	Лицей	10 ломо-вых подвод	В.Я. Лямбек	ул. Остоженка, д.53	14–15, 18.XII
18.	Толстовский музей	1 ломовая подвода			18.XII
19.	В.А. Голицын	30 ящи-ков, 4 ломовые подводы,	В.Я. Лямбек	Георгиевский пер., д.6	18.XII 24–30. XII
20.	Брусилов	42 ящика, 14 кресть-янских подвод	А.И. Глазова, В.В. Кондратьев	им. Глебово Звени-городский у., Московская губ. (доставка на ж/д)	21–23. XII
21.	Брусилов	10 ломо-вых подвод		с ж/д в Книжный фонд	23.XII
22.	Щербатов	10 кре-стьянских подвод	П.Г. Богатырёв Е.Г. Богатырёва	им. Васильев-ское, Рузский у., Московская губ., перевозка на ж/д ст. Кубинка	29.XII

23.	Долгоруков	74 ж/д места 234 пудов, (19 кулей, 12 ящиков)	П.Г. Богатырёв	им. Волынщина, Рузский у., Московская губ., перевозка на ж/д ст. Дорохово	30.XII
24.	Щербатов	8 ломовых подвод		с ж/д в Книжный фонд	
25.	Гудович			разгрузка ж/д, перевозка в Книжный фонд	2.I.1919

Константин Боленко

В ТЕНИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ: ОБСТАНОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС БИБЛИОТЕКИ Н.Б. ЮСУПОВА ВО ДВОРЦЕ-МУЗЕЕ (МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ) «АРХАНГЕЛЬСКОЕ» В ПЕРИОД С 1918 ПО 1980-е ГОДЫ

К осени 1917 года усадебная библиотека Архангельского (точнее — мемориальная библиотека Н.Б. Юсупова-старшего[1], пополненная в конце XIX века остатками других усадебных библиотек Н.Б. Юсупова, а также, возможно, книгами из московского дома) располагалась в двух местах: на первом этаже дворца в бывшем зале Тьеполо и на втором этаже западного флигеля.

Очевидно, в музее находились и какие-то книги, принадлежавшие поздним хозяевам усадьбы. Однако их местоположение нам неизвест-

Библиотека в зале Тьеполо. Фото П. Павлова. 1910-е годы. Государственный музей-усадьба «Архангельское». Инв. № МФФ-131

[1] Николай Борисович Юсупов (1750–1831) — государственный деятель, дипломат, любитель искусств, коллекционер, меценат. Владелец подмосковных усадеб Архангельское и Васильевское.

но, и как ценная часть книжного собрания они, вероятно, не рассматривались.

Образ трёх жемчужин ближайшего Подмосковья — Архангельского, Останкина, Кускова — начал складываться ещё до революции, а после неё приобрёл концептуальную законченность (тем более что воля бывших хозяев уже не имела никакого значения). Гибель или разграбление усадеб после октября 1917 года остро поставили вопрос о сохранении, а затем и о полноценной музеефикации Архангельского. Уже в конце 1917-го Архангельское по просьбе рабочих и служащих имения было защищено от реквизиций, в январе 1918-го взято под контроль комиссией по охране памятников при Моссовете, а в октябре того же года национализировано. Летом 1918 года во дворце началось экскурсионное обслуживание посетителей. В мае 1919-го складывавшийся музей был официально открыт[1]. Судя по тому, что библиотека упоминается в числе объектов показа наряду с дворцом, каретным сараем и театром[2], экскурсантам демонстрировали оба библиотечных интерьера: как в самом дворце (на первом этаже), так и в западном флигеле. Однако насколько регулярным был доступ в библиотеку во флигеле, неизвестно. Во всяком случае из-за аварийного состояния пола и потолка западного флигеля с 1920 по 1925 год доступ в расположенную здесь библиотеку был закрыт[3].

К 1927 году, благодаря открывшемуся доступу к архиву Юсуповых и интенсивной исследовательской работе[4], у сотрудников музея и специ-

---

[1] См.: *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». 1917–1940 годы. Государственный музей-усадьба «Архангельское» (ГМУА). Инв. № НА-838. С. 9–12. В сокращённом виде результаты исследования представлены в статье: *Фролова О.М.* Музей в Архангельском. Первые послереволюционные десятилетия // Архангельское: Материалы и исследования / под ред. Л.Н. Кирюшиной. М.: Государственный музей-усадьба «Архангельское», 2009. С. 19–31. См. также: *Ковылин В.И., Рапопорт В.Л.* Музейная летопись раннего времени (1919–1927): К 95-летию музея-усадьбы «Архангельское» // Красногорье (историко-краеведческий альманах). 2014. № 18. С. 55.

[2] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 36.

[3] Там же. С. 20, 56.

[4] Описание и каталогизация библиотеки были начаты в 1922 году и проводились сотрудниками Румянцевского музея. См.: *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 27–35, 39–43; *Ковылин В.И., Рапопорт В.Л.* Музейная летопись… С. 61–63. Высокая оценка научной работы, развернувшейся в «Архангельском»: *Клабуновский И.Г.* Музейное строительство в Московской губернии // Московский краевед. 1928. Вып. 7/8. С. 30.

алистов музейного отдела Главнауки окончательно сложилось представление об Архангельском как об «ансамблевом музее», требующем восстановления на первую треть XIX века. При этом в научном отношении и с точки зрения комплектования фондов музей претендовал на большее. Так, согласно отчёту за 1927 год музей собирался стать центром «изучения вкусов и направления мыслей общества XVIII и XIX столетий. Для этого необходимо из [музейного] фонда выслать в музей-усадьбу «Архангельское» все оставшиеся от юсуповской галереи картины, а также из других музеев хотя бы по одной из картин»[1].

Сохранившиеся дворцовые описи конца 1820-х годов позволяли восстановить первый этаж очень близко к «оригиналу». При этом библиотека на первом этаже дворца, разумеется, подлежала ликвидации, а книги — перемещению в другие помещения. Как писал один из лучших на тот момент знатоков усадьбы архитектор-реставратор и член-учредитель Общества изучения русской усадьбы С.А. Торопов, «шкафы нынешней библиотеки новые и скопированы со шкафов старой библиотеки Никольского-Урюпина. Мебель комнаты крайне тесно расставлена и имеет много новых вещей. Всё это делает комнату впредь до её реставрации мало примечательной, потерявшей совершенно свою прежнюю прелесть»[2]. Двумя годами ранее аналогичным образом, хотя более мягко, высказался и другой член общества, А.Н. Греч: «Несколько искусственный характер этой комнаты, чувствующийся в шкафах,

---

[1] *Ковылин В.И., Рапопорт В.Л.* Музейная летопись… С. 61. См. также: *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 31–36.

[2] *Торопов С.А.* Архангельское. Издание Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки Наркомпроса. М.: Типография Полиграфтреста «Сев. Печ.» [Вологда], 1928. С. 27 (на обложке проставлен 1927 год; на обороте титульного листа справка: «Печатается по постановлению Учёного Совета Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями. И. о. Учёного Секретаря К. Сивков. Август 1927». Уже на учёно-консультационном совещании при Музейном отделе Главнауки Наркомпроса в октябре 1927 года, посвящённом книжному собранию Архангельского, представители музея ссылались как на свершившийся факт на то, что «была принята установка на научное восстановление Архангельского применительно к облику его в первой половине XIX века» (*Боленко К.Г.* Музей-усадьба «Архангельское» и Библиотека Румянцевского музея (Всесоюзная публичная библиотека имени В.И. Ленина) в 1920-е годы: некоторые подробности книжного трансфера // Чертковские чтения: сборник материалов Третьей международной научной конференции. Москва, 4–5 декабря 2014 года. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2015. С. 11).

подчёркивается тесно расставленной мебелью красного дерева русской работы первой трети XIX века; только люстры, подобные той, что висят в вестибюле, стоячие часы орехового дерева павловского времени и зеркало гармонируют с первоначальным замыслом комнаты, с её ампирной росписью в медальонах»[1]. Около 3 000 книг было перемещено во флигель ещё до начала ликвидации дворцовой библиотеки из соображений сохранности (из-за отсутствия отопления в зале книги начали отсыревать)[2], и невозможность обеспечить книжному собранию необходимый температурно-влажностный режим облегчала расставание с ненужным музею интерьером.

Первоначально планировалось передать шкафы в Ленинскую библиотеку[3], однако вскоре на них нашёлся покупатель — Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, и музей воспользовался представившейся возможностью выбрать из двух вариантов наиболее выгодный[4]. Когда Ленинская библиотека в начале 1928 года подняла вопрос о вывозе шкафов, заведующий музеем А.А. Найдышев ответил, что решение Главнауки уже не имеет силы, поскольку музей переподчинён музейному подотделу Московского отдела народного образования и требуется согласовать вопрос с ним, и добавлял, что «в средствах по госбюджету на ремонт библиотеки после вывоза из неё шкапов музею отказано, а потому музей вынужден за счёт шкапов произвести предполагаемую экспозицию»[5]. Иными словами, выбор в пользу института произошёл именно потому, что музей получал финансовую компенсацию, тогда как в Ленинскую библиотеку шкафы следовало передать даром.

---

[1] *Греч А.* Архангельское // Подмосковные музеи / под ред. И.В. Лазаревского и В. Згура. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 24.

[2] *Ковылин В.И., Рапопорт В.Л.* Музейная летопись… С. 61. О перемещении части книг и шкафов в 1927 году см.: *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 47.

[3] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 47.

[4] Подробнее см.: *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 33–34; *Боленко К.Г.* Музей-усадьба «Архангельское» и Библиотека Румянцевского музея. С. 13–14; *Боленко К.Г.* Дворей-музей «Архангельское» и Институт К. Маркса и Ф. Энгельса: к истории взаимоотношений // Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы научной конференции «Третьи Рязановские чтения». 19 февраля 2016 года. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2017. С. 93–101.

[5] Архив Российской государственной библиотеки (РГБ). Оп. 14. Д. 30. Л. 4а.

Библиотека в зале Тьеполо была ликвидирована в начале 1928 года[1]. Как докладывал начальству сотрудник Ленинской библиотеки, приехавший в музей отбирать издания по согласованному ранее списку, «книги, находившиеся в шкапах красного дерева нижнего отделения музея, вынуты из шкапов (шкапы увезены к Рязанову[2]) и перенесены наверх, в антресоли, в помещение, занятое остальной библиотекой, где положены на пол в порядке шкапов, полок, номеров и т. д. … Вход в помещение библиотеки (проход в него по крыше галереи) в данное время запечатан печатью»[3]. Под антресолями здесь явно имеется в виду второй этаж западного флигеля, поскольку на настоящие антресоли никакого входа с крыши галереи не было; сторонний человек вполне мог ошибиться.

В мае 1928 года восстановленный зал Тьеполо был открыт[4]. Так называемую «временную» библиотеку ещё в начале года трогать, видимо, не собирались[5]; в отличие от библиотеки в «Тьеполовой», интерьер той, что находилась во флигеле, рассматривался как историко-культурная ценность[6]. В «Проэкте к открытию второго этажа» (1928) никакой библиотеки во дворце не значится, только «ход в библиотеку» из дворца во флигель[7]. То есть под библиотекой имели в виду ту, что располагалась во флигеле, и создание библиотечной экспозиции во дворце изначально не предполагалось.

---

[1] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 47. Видимо, незадолго до переезда была сделана фотография зала с мебелью в чехлах и запакованной зрительной трубой (ГМУА. Инв. № ПФФ-130). Некоторое представление об обстановочном комплексе библиотеки в 1920-е годы даёт также предметная опись зала (ГМУА. Инв. № ФА-128 [«Старые описи экспонатов в залах дворца «Архангельское»]. Л. 41, 59 об.–60 об.)

[2] То есть в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, в котором Д.Б. Рязанов был директором.

[3] Архив РГБ. Оп. 14. Д. 30. Л. 9.

[4] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 32.

[5] Когда произошло определение её как «временной», неизвестно; впервые в литературе она так названа в 1904 году. (*Вениаминов Б.* [Бенуа А.Н.]. Архангельское // Мир искусства. 1904. № 2. С. 6, 37). По словам С.А. Торопова, пользующегося этой характеристикой, она часто встречается «в документах» (*Торопов С.А.* Архангельское. С. 20, 38).

[6] *Греч А.* Архангельское. С. 37.

[7] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 4. Д. 2337. Л. 51. Благодарим О.М. Фролову, ознакомившую нас с копией этого документа.

Однако уже зимой музей начал борьбу с Мосгорздравотделом, который претендовал на ряд принадлежащих музею зданий, в том числе на дворцовые флигели. Музей терял служебные помещения в восточном флигеле и две важные экспозиции в западном: каретный зал на первом этаже, где экспонировались ценные кареты и пушки (причём это хранилище было музеефицировано ещё в 1840-е годы), и библиотеку на втором этаже. Поскольку библиотека в зале Тьеполо к тому времени была демонтирована, то библиотечная экспозиция в усадьбе исчезала полностью. Это было очень серьёзной потерей. Книжное собрание в Архангельском справедливо рассматривалось специалистами как ценное и даже в некоторых отношениях уникальное, а библиотечный интерьер — как важная часть музейного обстановочного комплекса. Можно себе представить чувства сотрудников музея, переместивших в начале 1928 года более 10 000 томов из зала Тьеполо во флигель и теперь стоявших перед перспективой снова их уносить, пока что в совершенно неизвестном направлении, и где-то временно размещать.

Не удивительно, что музей и поддерживавшее его областное музейное руководство до последнего сопротивлялось передаче флигелей. В записке А.А. Найдышева заведующему музейным отделом Московского отдела народного образования И.Г. Клабуновскому от 19 февраля 1928 года в числе аргументов против межведомственной передачи были и те, что касались библиотеки: «Если принять во внимание перенос 100 шкапов с 22 тысячами томов в верхний этаж, то получится прогиб балок и неизбежность обвала… Музею трудно будет вообще вести работу, т. к. та мебель, которая находится в кладовых и библиотеке, представляет редчайшие образцы изделия 18 ст., а верх. этаж, заставленный таковой, не даст возможности план работы хотя бы выполнить на 1/10 часть»[1].

Формирование книжной экспозиции музея в конце 1920-х — 1930-х годах к настоящему моменту не поддаётся точной реконструкции — как по недостатку документов, так и в силу противоречий между разными свидетельствами. Так, в небольшой брошюре-листовке, выпущенной музеем в 1928 году, дано описание экспозиции второго этажа дворца: «В верхнем этаже выставлены вещи, принадлежавшие усадьбе, но не соответствующие описям нижних зал. Здесь особенно любопытны наборы осветительных приборов и фарфора (среди последнего из-

[1] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 55.

делия Мейс[енского] завода времён Кендлета, елизаветинская чашка имп[ераторского] завода раб[оты] Виноградова, елизаветинский Гарднер, поделки Ост-индской компании и т. д. Один зал посвящён творчеству Н. де Куртейля, французского художника-эмигранта, руководившего в Архангельском школой крепостных живописцев. Но наиболее ценное вверху — исключительная по своему подбору библиотека с характерной статуей Жан-Жака Руссо из папье-маше»[1].

Текст создаёт полное впечатление, что библиотека находилась на втором этаже дворца, но иных аргументов в пользу этого мнения пока не обнаружено. Не исключено, что второй этаж флигеля мог восприниматься как непосредственное продолжение дворца, поскольку пройти в библиотеку можно было только через дворец (в отличие от первого этажа флигеля, который имел отдельный вход).

Возможен и другой вариант. Дело в том, что создание библиотечных интерьеров во дворце в какой-то момент было действительно запланировано. Так, в недатированном «Плане работы по музею-усадьбе «Архангельское» на [19]28–29 г.» сообщается о грядущем устройстве выставки книги для демонстрации переплётов и иллюстраций XVI–XVIII веков: «Книгохранилище музея, имея в наличии весьма характерные образцы изданий, может в полной мере представить технику развития книгопечатания; принимая во внимание, что необходимо будет показать и тип усадебной библиотеки, музей в трёх комнатах верхнего этажа развернёт библиотеку, а при ней и вышеуказанную выставку. Экспозиция библиотеки: шкапы 18 в., мебель 18 в., фигура Руссо и витрины»[2]. Поскольку второй этаж западного флигеля не был разделён на комнаты (условно за «комнаты» можно было принять северную и западную части флигеля, но три помещения выделить не получится), речь могла идти об устройстве экспозиции только во дворце. Таким образом, обзорная листовка-брошюра могла быть опубликована или сдана в печать в момент составления этих планов, которые по каким-то причинам не были реализованы.

1 апреля 1928 года придворцовые флигели формально были переданы располагавшемуся в усадьбе дому отдыха Мосгорздравотдела[3].

---

[1] «Архангельское»: Краткий исторический очерк / Музейный подотдел Московского отдела народного образования; Усадьба-музей «Архангельское». [М.:] Издание усадьбы-музея «Архангельское»; Школа ФЗУ имени т. Борщевскаго, [1928].

[2] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 51–52.

[3] Там же. С. 84.

Библиотеку (как книги, так и шкафы и статую Руссо) должны были куда-то переместить, но, видимо, перемещение не состоялось: в следующем году музей берётся за организацию книжной выставки, привлекая к этому крупного специалиста по истории гравюры, книжной иллюстрации и книги — сотрудницу Государственного музея изящных искусств (ныне Государственный музей изящных искусств имени А.С. Пушкина) Веру Михайловну Невежину. Книжная выставка была открыта в июне 1929 года[1].

Тогда же, в 1929 году, музей выпускает листовку, посвящённую этой книжной выставке, и проводит её фотофиксацию. На хранящихся в музее фотографиях (одна из них, под инвентарным номером ПФФ-128, воспроизведена в листовке) запечатлены интерьеры западного флигеля, надёжно идентифицируемые по расположению колонн и окон, а также по характерному для флигелей потолочному фризу и особенностям перекрытий и оконных переплётов[2]. Очевидно, передача западного флигеля Мосздравотделу затянулась. Как показала история с Ленинской библиотекой, проволочки с передачей сторонним организациям необходимого музею имущества были характерны для А.А. Найдышева-руководителя[3]; к тому же Мосздравотдел был не единственным учреждением, располагавшимся на территории усадьбы и претендовавшим на её объекты[4].

Важные сведения о формировании и эволюции интерьеров дворцовой библиотеки с конца 1920-х до середины 1980-х годов дают документы музейного архива, а также фотографии, отложившиеся в музейном

---

[1] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 42.

[2] *Невежина В.* Книжная выставка музея «Архангельское» / Музейный подотдел Московского отдела народного образования; Музей-усадьба «Архангельское». [М.:] Издание усадьбы-музея «Архангельское»; Школа ФЗУ имени т. Борщевскаго, [1929]. Фото экспозиции — ГМУА. Инв. № ПФФ-128, 129, 131–142. Фотографию библиотеки во флигеле в 1904 году, фиксирующую и форму оконных проёмов, и потолочный фриз, см.: Фотограф Иван Александров. Виды Москвы. Усадьбы. Особняки модерна / сост. М. Рогозина, А. Петрова; науч. ред. Ю. Ратомская. М.: Кучково поле, 2014. С. 103. № 73 (Коллекция Музея архитектуры имени А.В. Щусева. Т. 2). Интерьер в издании ошибочно определён как дворцовый.

[3] Книжная выставка стала поводом задержать в музее 300 томов, предназначенных для отправки в Ленинскую библиотеку (*Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 33, 51).

[4] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 81–83.

фотофонде и опубликованные в виде иллюстраций к альбомам и путеводителям об Архангельском или в виде отдельных открыток в составе тематических наборов. К сожалению, полная фотофиксация интерьеров музея, даже парадных, началась далеко не сразу и проводилась не всегда. Поэтому фотоматериалы вплоть до 1984 года дают о библиотечных интерьерах очень фрагментарное представление.

Когда именно была закрыта книжная выставка во флигеле и куда именно при этом были перемещены книги, остаётся неясным[1]. Однако известно, что в 1933 году в музее-усадьбе во дворце библиотека была представлена как часть экспозиции и при этом ещё действовала выставка «От крепостной деревни до новых форм соцстроительства», частью которой была выставка книги[2]. Сведений о расположении библиотеки и выставки у нас нет; ясно только, что они не могли располагаться на первом этаже дворца.

1 января 1934 года Архангельское было передано в ведение Наркомата по военным и морским делам (впоследствии — Наркомат обороны). Уже к концу 1934 года дворцовые флигели были перестроены и переоборудованы под корпуса военного санатория, а во дворце началась и по большей части была проведена реставрация[3]. Именно к 1934 году относятся первые сохранившиеся делопроизводственные документы о реально существовавшей книжной экспозиция музея.

Акт от 11 сентября 1934 года фиксировал «факты состояния библиотеки», и в частности количество названий и томов (10 112 и 15 476 соответственно), количество шкафов (49) и местонахождение — «верхний этаж музея»[4]. Из объяснительной записки к акту выясняется, что книги и особенно их переплёты «потерпели как от сырости, так и от механических повреждений в моменты переброски книг из одного помещения

---

[1] Судя по тому, что А.Н. Греч, арестованный в июне 1930 года, в незаконченном труде «Венок усадьбам» пишет о библиотеке во флигеле как о чём-то действующем, она существовала как минимум незадолго до его ареста. См.: *Греч А.Н.* Венок усадьбам [1931–1936] / вступ. ст., коммент. и указ. Л.Ф. Писарьковой, М.А. Горячевой. М.: АСТ-Пресс, 2010. С. 68–69, 71.

[2] «Усадьба состоит из дворца с картинной галереей старых западных мастеров и библиотекой… Содержание выставки: …5. Выставка книги от XVI до XIX века». См.: Экскурсионный справочник по подмосковным музеям. М.: Издательство городской лекционно-экскурсионной базы, 1933. С. 1–2.

[3] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 86–87.

[4] ГМУА. Инв. № НА-134. Л. 1.

Интерьер библиотеки в западной анфиладе дворца. Середина 1930-х годов (?). Государственный музей-усадьба «Архангельское». Инв. № ПФФ-126

в другое (два раза) в течение зимы и весны 1934 года»[1]. К сожалению, акт не даёт возможности понять, была ли восстановлена экспозиция 1933 года и где именно она находилась; проведение срочных ремонтно-реставрационных работ неизбежно должно было сопровождаться вывозом экспонатов.

Однако не позже 1934 года библиотека должна была оказаться на своём историческом месте, в западной анфиладе. О создании экспозиции в 1930-е годы в западной анфиладе пишет, в частности, хранитель библиотеки до начала 1960-х годов Ирина Гавриловна Семёнова, автор первого сохранившегося исследования библиотечного интерьера усадьбы[2]. Вероятно, именно эту экспозицию фиксируют три сохранившиеся в фондах музея фотографии[3].

---

[1] ГМУА. Инв. № НА-134. Л. 2.

[2] *Семёнова И.Г.* Интерьеры библиотеки в Архангельском. 1962. Машинопись. ГМУА. Инв. № НА-626. Л. 6.

[3] ГМУА. Инв. № ПФФ-125-127.

Заметно, что дирекция музея не ставила задачи реконструировать обстановочный комплекс согласно имеющимся описям, а создала типовую экспозицию, которая в общем виде реконструировала усадебные библиотечные интерьеры первой трети XIX века с учётом специфики Архангельского. Фотографии позволяют выделить её характерные черты. Во-первых, она была весьма насыщена экспонатурой. Во-вторых, заметно, что авторы библиотечной экспозиции сочетают принципы интерьерной экспозиции и книжной выставки, рассчитанной на массового посетителя: немало книг раскрыто, экспозиция сопровождается обильным этикетажем и прочим сопроводительным текстовым материалом.

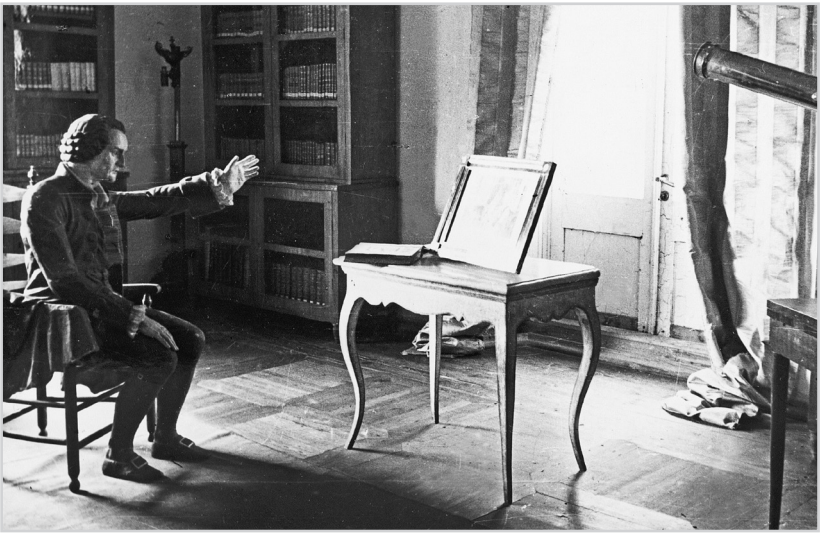
Получилось очень информативно, по-своему даже интересно, хотя и далеко от того, что было при Юсуповых. По словам И.Г. Семёновой, «эта экспозиция была перегружена предметами убранства, а также различными материалами, иллюстрирующими эпоху, социально-экономические отношения, быт (sic!), как все подобного рода экспозиции, созданные в это время и проникнутые идеей вульгарного социологизма. Здесь же, в тех же шкафах и на тех же столах, устраивались выставки книги и экспонировались отдельные издания»[1].

Перенасыщение реконструированных интерьеров выставочными приёмами — веский аргумент в пользу того, что на фото перед нами экспозиция именно 1934 года; заявленное в 1933 году разделение двух экспозиций — библиотеки и книжной выставки — делало этот приём совершенно ненужным, если не сказать неуместным. С другой стороны, он объясним именно ситуацией 1934 года, сопровождавшейся потерей флигелей, неизбежным «уплотнением» сотрудников и фондов и, вероятно, желанием (или необходимостью) свести воедино библиотеку и выставку.

Как долго просуществовала эта экспозиция, неизвестно, однако сохранившиеся фотографии позволяют утверждать, что ещё до войны экспозиция была изменена. К сожалению, два фото позволяют реконструировать её исключительно фрагментарно[2], но существенные отличия бросаются в глаза. Вторая экспозиция стала заметно более скупой: исчезли раскрытые книги в шкафах и названия тематических разделов; уменьшилось количество бюстов и картин.

---

[1] *Семёнова И.Г.* Интерьеры библиотеки в Архангельском. Л. 6.
[2] ГМУА. Инв. № ПФФ-1783, 1788.



Интерьер библиотеки на пересечении западной и южной анфилад дворца; интерьер библиотеки в южной анфиладе дворца. Конец 1930-х — начало 1940-х годов. Государственный музей-усадьба «Архангельское». Инв. № ПФФ-1788, 1783

В этот период библиотека располагалась не только в западной анфиладе, но и в нескольких примыкающих к ней залах анфилады южной (во всяком случае об одном зале южной анфилады можно говорить совершенно точно). В пользу того, что сохранившиеся в фондах музея фотографии фиксируют именно довоенные интерьеры, свидетельствуют надпись на обороте одной из фотографий («1930–40 гг.»)[1], а также набор открыток с видами Архангельского и дворцовых интерьеров, выпущенный в 1946 году. Некоторые из этих открыток полностью соответствуют указанным музейным фотографиям и дополняют их[2]. Открытки явно демонстрировали уже не существовавшую к моменту их выпуска довоенную экспозицию: в 1941 году коллекции музея, включая книжное собрание, были эвакуированы, интерьеры — демонтированы, и обстановочный комплекс библиотеки был полностью восстановлен только в ходе послевоенной реставрации в конце 1950-х годов, а открыт для посетителей ещё позже — в 1961 или 1962 году[3].

Отсутствие фотографий новых библиотечных интерьеров в фундаментальном труде С.В. Безсонова (притом что фрагмент, посвящённый библиотеке Н.Б. Юсупова, в нём имеется[4]) позволяет предположить, что интерьеры 1934 года он как юсуповские не воспринимал (как и все интерьеры второго этажа), а фотографий новой экспозиции ещё не было. То есть реэкспозиция производилась или в завершающий период работы над книгой, или уже после 1937 года.

Ликвидация выставочного компонента способствовала возобновлению читательской функции библиотеки: «К услугам отдыхающих об-

---

[1] Впрочем, она могла появиться позднее и не может служить надёжным аргументом в пользу датировки.

[2] Дворец-музей «Архангельское»: набор из 24 открыток в обложке. Фото И. Тувина. М.: Госкиноиздат, 1946. Библиотечные интерьеры зафиксированы на трёх фотографиях.

[3] Согласно воспоминаниям бывшего директора музея В.Л. Рапопорта (*Рапопорт В.Л.* Записки музейного человека. М., 2016. С. 23). См. также: *Булавина Л.И., Рапопорт В.Л., Унанянц Н.Т.* Архангельское: краткий путеводитель. 3-е изд., доп. М.: Московский рабочий, 1974. С. 119; То же. 4-е изд., доп. М., 1981. С. 100.

[4] *Безсонов С.В.* Архангельское. Подмосковная усадьба. 3-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. Л.Н. Кирюшиной. М.: ГМУ «Архангельское», 2013. С. 137. Недатированное фото статуи Руссо, сделанное Г.П. Нарышкиным в период работы над книгой, на фоне бюро красного дерева (с. 138), не имеет аналогов с фотографиями Руссо ни в предполагаемом интерьере 1934 года, ни в довоенной экспозиции.

ширная библиотека новых и старинных (юсуповских) книг. Командиры не только любуются художественными переплётами, как бы они ни были красивы, но внимательно читают самые книги, учатся по ним, пополняют знания, расширяют кругозор»[1]. Правда, трудно поверить, что такая возможность распространялась на все издания и была предоставлена всем отдыхающим; вероятно, мы имеем дело с характерным для путеводителя 1940 года приукрашенным представлением действительности.

До начала 1960-х годов книжное собрание в той или иной мере «участвовало» в просветительной работе музея. Так, небольшие книжные выставки музей организовывал на первом этаже дворца. К примеру, почти сразу после возвращения фондов из эвакуации в 1944 году была открыта выставка в Овальном зале[2].

Ко второй половине 1940-х — 1950-м годам относится иная серия музейных фотографий, фрагментарно фиксирующая бедную, аскетичную экспозицию библиотеки. На окнах даже нет штор. Эта экспозиция явно несёт некоторое просветительное содержание: некоторые книги в витринах раскрыты, на столе в большом зале появляется копия посмертной маски Пушкина[3].

Всё это было бы совершенно излишне, если бы библиотека существовала исключительно в режиме фондохранилища. Как признаёт И.Г. Семёнова, «возвращённые из эвакуации книги были размещены в тех же шкафах и тех же залах, но законченной экспозиции создано не было»[4]. Датируемая 15 октября 1945 года справка под названием «Расположение Библиотеки в музее «Архангельское» с указанием количества книг» показывает, что собрание редкой книги музея (за исключением тех книг, которые были размещены в зале № 12 «Кабинет князя») заняло большую часть залов второго этажа (№ 17–24, 26, 30–31) и два коридора (№ 2 и 6)[5]. Видимо, незаконченность, временный характер созданно-

---

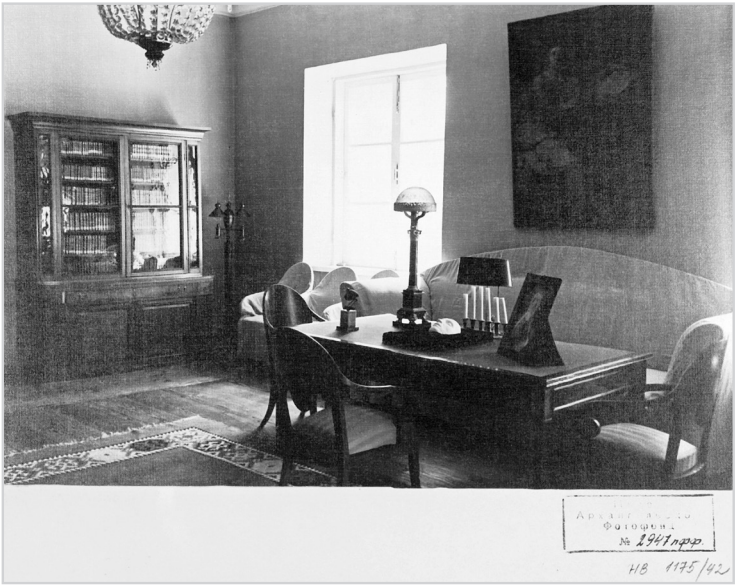
[1] *Волков Н., Леонидов О.* Архангельское. М.: Воениздат, 1940. С. 59.

[2] *Рапопорт В.Л.* Записки музейного человека. С. 23; *Булавина Л.И., Рапопорт В.Л., Унанянц Н.Т.* Архангельское: краткий путеводитель. 3-е изд., доп. С. 119; То же. 4-е изд., доп. С. 100. Сведения об одной из таких экспозиций в Антиковом зале см.: ГМУА. Инв. № НА-134. Л. 19.

[3] ГМУА. Инв. № ПФФ-2936-2937, 2947. Две другие фотографии этой экспозиции (центральный зал западной анфилады) см. также в: *Гесслер В.* Подмосковные музеи. Архангельское: альбом. М.: Государственное издательство изобразительного искусства. С. 37. Фото В. Шагина.

[4] *Семёнова И.Г.* Интерьеры библиотеки в Архангельском. Л. 6.

[5] ГМУА. Инв. № НА-134. Л. 11–12 об.



Интерьер библиотеки в западной анфиладе дворца. Конец 1940-х — начало 1960-х годов. Государственный музей-усадьба «Архангельское». Инв. № ПФФ-2941

го интерьера, не предназначенного для показа массовому посетителю, предопределили описание библиотеки Архангельского в путеводителе 1956 года в прошедшем времени: «Во втором этаже дворца размещалась библиотека Юсупова, насчитывавшая свыше тридцати тысяч томов, а также большое превосходное собрание гравюр и эстампов»[1]. Эти интерьеры, конечно, не имели ни исторической, ни эстетической ценности. Неудивительно, что С.В. Безсонов ни слова не пишет о библиотеке и вообще о втором этаже дворца в своём сокращённом путеводителе[2] и что фото библиотеки отсутствуют в наборах открыток, выпущенных в 1961 году[3].

---

[1] *Гесслер В.* Подмосковные музеи. Архангельское. С. 5.

[2] *Безсонов С.В.* Архангельское. М.: Московский рабочий, 1952.

[3] Архангельское: набор из 15 открыток в обложке. Фото А. Бушкина и И. Шагина; ред. Н. Щепетова. [М.:] Изогиз, [1961]; Архангельское: набор из 10 открыток в обложке. Художник Н. Растощёнов; ред. И. Миланова. М.: Фотостудия Изогиза, 1961.

Интерьер библиотеки в западной анфиладе дворца.
Фото опубликовано в: Arkhangelskoe: A Country Estate of the 18th and 19th Centuries. Leningrad, 1984. Ill. 55

Период с начала 1960-х по середину 1980-х годов, видимо, был наиболее стабильным в истории библиотеки. Перестановки и замены мебели, бытовых предметов и произведений искусства случаются, но в основном касаются столов, диванов, осветительных приборов, предметов живописи и бюстов[1].

Изменения в расстановке шкафов редки и незначительны. В полной мере восстановить картину всех перестановок, вероятно, мы уже не сможем, но одну причину этих изменений можно назвать уверенно: библиотекой на рубеже 1950–1960-х годов начинают серьёзно заниматься. Музей ставит задачу восстановления интерьеров на более высоком научном уровне, чем в довоенный период. Ещё

[1] *Познанский В.В.* Архангельское. М.: Искусство, 1966. Ил. 28–29 (фото А.А. Александрова); *Булавина Л.И., Рапопорт В.Л., Унанянц Н.Т.* Архангельское: краткий путеводитель. М.: Московский рабочий, 1968. С. 75; То же. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971. С. 83; То же. 3-е изд., доп. М., 1974. С. 88; То же. 4-е изд., доп. М., 1981; *Глозман И.М., Рапопорт В.Л., Семёнова И.Г., Тыдман Л.В., Унанянц Н.Т.* Кусково. Останкино. Архангельское. М.: Искусство, 1976. С. 171; *Рапопорт В.Л., Семёнова И.Г., Тыдман Л.В., Унанянц Н.Т.* То же. 2-е изд. М., 1981. С. 168; *Рапопорт В.Л.* Архангельское: альбом. М.: Советская Россия, 1978; *Булавина Л.И., Розанцева С.А., Якимчук Н.А.* Архангельское: альбом. М.: Советская Россия, 1983. Ил. 71 (фото В.И. Бабайлова); Arkhangelskoe: A Country Estate of the 18th and 19th Centuries / complied and introduced by V. Rapoport. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1984. Ill. 54–55 (фото А. Александрова или Э. Штейнерта). См. также: Архангельское: диафильм. Автор: В. Рапопорт. Фото Л. Еллинской. М.: Студия «Диафильм», 1978. Кадр 54.

к 1962 году относится научная записка об обстановочном комплексе библиотеки, составленная И.Г. Семеновой[1]. Тогда же происходит и осмысление библиотеки как «редкого образца бытового интерьера 20-х годов XIX века»[2]. В более развёрнутом виде эта мысль представлена в кратком путеводителе 1976 года: «Большая часть комнат верхнего этажа представляет собой своеобразнейший и, по-видимому, единственный из сохранившихся в усадьбах интерьер библиотеки. Главную роль в убранстве комнат играют многочисленные книжные шкафы красного дерева, рядами стоящие вдоль стен. Они словно переходят и комнаты в комнату, связывая их между собой. Кабинетная мебель первой половины XIX века заполняет комнаты, украшенные лишь несколькими портретами, подсвечниками, лампами, люстрами. Иная обстановка рождает и иное настроение. Здесь в воображении не возникают картины многолюдных приёмов и пышных празднеств: всё располагает к серьёзности и размышлениям, покою и сосредоточенности»[3].

С 1963 года научным сотрудником и хранителем усадебной (юсуповской) библиотеки становится Валерий Леонидович Рапопорт, который начинает заниматься её составом, публиковать в массовой периодике небольшие заметки о ней[4] (впоследствии и до закрытия дворца эта научная работа была продолжена Л.Б. Усятинской, Л.И. Плешковой и Е.В. Дружининой). В альбоме-путеводителе 1966 года он пишет большой библиотечный раздел[5]. Но поскольку дореволюционные изображения и фото-

---

[1] *Семёнова И.Г.* Интерьеры библиотеки в Архангельском. Впоследствии появились записки, уточняющие содержание первой: *Краснобаева М.Д.* Отчёт по материалам Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), ф. 1290 (Юсуповы). Тема: «Обстановочный комплекс II этажа дворца в Архангельском»… за 1987–1988 годы. ГМУА. Инв. № НА-797; *Бережная Н.Л.* Музеефикация комнат второго этажа Большого дома усадьбы Архангельское (Справка-предложение). ГМУА. Научный архив.

[2] Архангельское: краткий путеводитель / сост. Л.И. Булавина, Э.С. Дабагян, В.Л. Рапопорт, И.Г. Семёнова, Н.Т. Унанянц. М.: Московский рабочий, 1961. С. 38; То же. 2-е изд. М., 1963. С. 38.

[3] Кусково. Останкино. Архангельское. М., 1976. С. 171; То же. 2-е изд. М., 1981. С. 167–168.

[4] См., например: *Рапопорт В.* Путешествие «Патерика Печерского» // В мире книг. 1963. № 11. С. 45. Воспоминания В.Л. Рапопорта о его работе с библиотекой см.: *Рапопорт В.Л.* Записки музейного человека. С. 38–39, 46–47, 84–85, 91, 98.

[5] *Рапопорт В.* Библиотека // Познанский В.В. Архангельское. М., 1966. С. 28–31.

графии библиотечных интерьеров второго этажа дворца оставались (и остаются по сей день) неизвестными, музейные интерьеры библиотеки всё равно представляли собой пусть научные, но умозрительные реконструкции. Так, И.Г. Семёнова в своей записке констатирует:

«3. Полностью прежний интерьер не может быть восстановлен за недостатком мебели, книг, точных архивных сведений.

4. Учитывая вышесказанное, восстановительные работы будут преследовать цель воссоздать не книгохранилище, как это было в Архангельском, а типичный для начала XIX века библиотечный интерьер.

5. Определить убранство интерьеров должна расстановка книжных шкафов. Шкафы по возможности должны закрывать все свободные стены комнат и стоять вплотную друг к другу. Помимо шкафов в интерьерах будет находиться бытового характера мебель: письменные, ломберные, декоративные столы, кресла, стулья. В небольшом числе будет размещена живопись, скульптура, гравюра.

6. Характер шкафов не позволит создать подобный интерьер в угловых комнатах. Здесь будут гостиные, в убранство которых войдут шкафы с книгами. Проект размещения шкафов разработан в нескольких вариантах»[1].

Ориентация на максимально точное восстановление интерьеров 1820-х годов и ограниченность музейных фондов в части предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства, неполнота сведений о предметах библиотечной обстановки, особенно за первую треть XIX века, привели в 1960-е годы к формированию очень скупых интерьеров, детально зафиксированных только в серии чёрно-белых фотографий 1984 года, выполненных музейным фотографом Л.С. Белоцерковским[2].

Их художественное несовершенство подчёркивает существенную особенность сложившейся экспозиции: она оказывается вещью в себе, рассчитанной скорее на интуитивное восприятие, дополняемое рассказом экскурсовода, чем на самостоятельное прочтение.

Примером такого пояснительного эмоционального рассказа стал очерк В.Л. Рапопорта из альбома-путеводителя 1966 года. Его отредактированный вариант «кочевал» из путеводителя в путеводитель

---

[1] *Семёнова И.Г.* Интерьеры библиотеки в Архангельском. Л. 6.

[2] ГМУА. Инв. № НА-2956-2973.

Интерьер библиотеки в южной анфиладе дворца. Фото Л. Белоцерковского. Государственный музей-усадьба «Архангельское». Инв. № ПФФ-2977

на протяжении полутора десятилетий[1]. Организация в 1960–1980-е годы большего, чем раньше, количества книжных выставок — как «в специальном выставочном зале, замыкающем экспозицию второго этажа музея»[2], так и в помещениях отреставрированной церкви Михаила Архангела[3], постоянное присутствие библиотеки в путеводи-

[1] *Булавина Л.И., Рапопорт В.Л., Унанянц Н.Т.* Архангельское: краткий путеводитель. М.: Московский рабочий, 1968. С. 74–81; То же. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971. С. 87; То же. 3-е изд., доп. М., 1974. С. 87–94; То же. 4-е изд., доп. М., 1981. С. 71–76.

[2] Архангельское: краткий путеводитель. М., 1961. С. 38; То же. 2-е изд.. М., 1963. С. 38.

[3] Некоторые сведения о выставочной работе в этот период см.: *Булавина Л.И., Рапопорт В.Л., Унанянц Н.Т.* Архангельское: краткий путеводитель. 4-е изд., доп. С. 102; Документы Н.В. Рождественского в фонде рукописей Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (К истории организации и каталогизации усадебной библиотеки) / публикация К.Г. Боленко // Архангельское: материалы и исследования. Сб. 3. М., 2012. С. 83.

телях музея[1] несколько компенсировали смысловую и экспозиционную замкнутость библиотечных интерьеров. Однако и в музейной работе, и в иерархии представляемых музеем художественных и исторических ценностей библиотека постепенно отходила на второй план. С начала 1980-х годов из-за обветшания перекрытий библиотеку и вовсе исключают из экскурсионного маршрута по дворцу. В изданиях, предназначенных для самого массового посетителя, в открытках, в 1970–1980-е годы библиотеке часто просто не находится места[2].

После закрытия дворца на реставрацию в 1986 году возобновилась работа по изучению его обстановочного комплекса, в том числе второго этажа. В 2000–2010-х годах хранитель фонда мебели О.М. Фролова детально описала шкафы и сделала важные уточнения об эволюции интерьеров библиотеки в дореволюционный период. Эта исследовательская работа, а также ликвидация в залах северной анфилады второго этажа возведённых в 1880-х годах перегородок привели к тому, что в 2015–2017 годах удалось на короткий срок реконструировать в виде, максимально приближенном к первой трети XIX века, один из крупнейших библиотечных залов дворца в северной анфиладе и провести в нём две выставки, основу которых составляло книжное собрание Н.Б. Юсупова. Однако начавшаяся в конце 2017 года сплошная реставрация архитектурных объектов музея-усадьбы заставила переместить фонды и сотрудников на второй этаж дворца, и работа по реконструкции библиотечных интерьеров Архангельского была вновь отложена.

---

[1] См. также: *Рапопорт В.Л.* Архангельское: фотоальбом. М.: Советская Россия, 1978 (без пагинации и нумерации иллюстраций); Архангельское: альбом / сост. и авторы текста Л.И. Булавина, С.А. Розанцева, Н.А. Якимчук. М.: Искусство, 1983. Ил. 71 (без пагинации); Arkhangelskoye. A Country Estate of the 18th and 19th Centuries / compiled and introduced by V. Rapoport. L.: Avrora Art Publishers, 1984. P. 143–144, Ill. 54–55 (одновременно вышли франко- и немецкоязычная версии альбома-путеводителя).

[2] Архангельское: комплект из 16 открыток. М.: Советская Россия, 1978; То же. Комплект из 16 открыток / сост. В. Рапопорт. Л.: Аврора, 1983; То же. Комплект из 12 открыток. Фото В. Бабайлова. М.: Планета, 1983.

II. Материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» «ЦВЕТЫ, ЛЮБОВЬ, ДЕРЕВНЯ, ПРАЗДНОСТЬ...» (20—23 апреля 2017)

Алла Полосина

А.С. ПУШКИН И Л.Н. ТОЛСТОЙ О ЦВЕТАХ, ЛЮБВИ, ДЕРЕВНЕ И ПРАЗДНОСТИ

В библиотеке А.С. Пушкина сохранились книги Плиния Старшего (его «Естественная история» на французском языке (Histoire naturelle, Paris, 1829–1833) в 20 томах — оставшихся, к слову, неразрезанными), а также «Письма Плиния Младшего»[1] (Lettres de Pline le Jeune, Paris, 1826–1829) в трёх томах в переводе de Sacy)[2].

В яснополянской библиотеке Л.Н. Толстого также имеются сочинения Плиния Младшего (Œuvres de Pline le Jeune, Paris, 1820) в трёх томах в переводе de Sacy. В томе первом этого издания имеется нерасшифрованная запись простым карандашом на авантитуле «Е.А.». В «Круге чтения» Толстой цитирует Плиния Младшего: «Тот истинно благороден, кто легко прощает заблуждения людей и в то же время так боится сделать что-нибудь дурное, как будто он никогда никого не прощал»[3].

---

[1] Плиний Старший (23–79) — древнеримский писатель-эрудит, автор «Естественной истории» — крупнейшего энциклопедического сочинения Античности. Плиний Младший (приблизительно 61–113) — древнеримский политический деятель и писатель, адвокат.

[2] *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910. С. 163.

[3] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений («Юбилейное»). В 90 т. М., 1928–1964. Т. 42. С. 115.

В яснополянской библиотеке также сохранился ряд книг по садоводству: Ботанический атлас Шуберта (СПб.: Ф.А. Битепаж, 1887); книги знаменитого российского учёного-агронома, главного садовника Перовской лесной и земледельческой академии Р.И. Шредера[1] — «Испарения у различных растений» (1895), «Цветник и травник» (СПб.: П.П. Сойкин, [1909]); «Полеводство» (М., 1882) и «Русский огород, питомник и плодовый сад» (СПб., 1886). В книгах Adam Christian Gaspari (Vollständiges Handbuch des neuesten Erdbeschreibung, Weimar, 1797; из 23 томов в библиотеке сохранились первый и второй) имеются следы чтения и вложение в виде венка из засушенных лепестков между страницами 132–133[2].

Итак, приступим к первой части нашей формулы — к цветам. С древнейших времён образы цветов были наделены различной символикой. Разумеется, царица цветов — роза. Восточные народы в древности считали розу священным цветком, символом божественной тайны. «Её любили, ей поклонялись, её воспевали с незапамятных времен, о ней создано много сказаний, она играла выдающуюся роль в истории человечества»[3].

Розу воспел персидский поэт Хафиз:

Веселись, о сердце-птичка,
Пой, довольное судьбиной,
Что тебя пленила роза,
Воцарившись над долиной.
Уж теперь тебе не биться
В грубой сети птицелова,
И тебя не тронут когти,
Не укусит зуб змеиный.

---

[1] Рихард Иванович Шредер (1822–1903) — российский селекционер, садовод, «патриарх русского садоводства».

[2] Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 1999. Т. III. Ч. I. A–L. С. 389.

[3] *Золотницкий Н.Ф.* Цветы в легендах и преданиях. Минск: Белорусская энциклопедия, 1994. С. 17.

Правда, что занозы розы
Глубоко в тебя вонзились
И истечь горячей кровью
Ты должна перед кончиной.
Но зато твоей кончине
Нет подобной ни единой:
Ты умрёшь прекрасной смертью[1].

У многих народов мира роза — символ красоты, любви и страсти, символ духовного совершенства. В древнеперсидском языке слово «роза» — «гюль» — означает также «дух». Розам во всех смыслах посвящено произведение Саади «Гулистан, или Страна роз».

Конфуций также отдал дань красоте и запаху розы, воспевая её как царицу цветов.

Роза была излюбленным цветком А.С. Пушкина. Чаще всего он сравнивал красоту розы с красотой женщины:

Розы, девы красоты,
Летним вечером страшитесь
В тёмной рощице воды…

(Леда; I, 88).

В стихотворении «Роза» этот цветок — «дитя зари»:

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

(II, 1; 15)

[1] Хафиз в переводах Афанасия Фета // Әл-Фараби. № 2 (30). С. 110.

Роза у Пушкина выступает и символом быстротечности времени, бренности существования и непостоянства чувств:

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их лёгкая душа.
И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

(II, 1; 377)

В стихотворении «Виноград» поэт пишет:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших лёгкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревших под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

(II, 1; 342)

И здесь увядшая роза — символ уходящего времени и бренности существования.

Толстой пишет о розах в письме к А.А. Фету 11 мая 1873 года: «Стихотворение ваше — это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли от красоты, выражено прелестно. У вас весной поднимаются поэтические дрожжи, а у меня восприимчивость к поэзии. Одно — не из двух ли разных периодов весны 1) соловей у розы и 2) плачет старый камень, в пруд роняя слёзы. Это первая весна — апрель, а то — мая конец. Впрочем, это, может быть, придирка». Фет согласился с замечанием Толстого. Он изменил строку «соловей у розы» на «соловей без розы»[1].

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 62. С. 26.

Сын Л.Н. Толстого Сергей Львович зафиксировал высказывание отца об известном стихотворении А.А. Фета «Шёпот, робкое дыханье»: «Отец в 1880-х годах говорил приблизительно так: «Это мастерское стихотворение; в нём нет ни одного глагола (сказуемого). Каждое выражение — картина; не совсем удачно разве только выражение «В дымных тучках пурпур розы»[1].

В Ясной Поляне ещё при деде Л.Н. Толстого князе Н.С. Волконском появились чудесные оранжерейные сооружения, непременный атрибут барской жизни. Князь любил природу, книги, музыку, редкие цветы, которые росли у него в оранжереях, и ненавидел охоту.

Оранжереи можно было встретить во многих усадьбах. Сад, оранжерея, бахча, цветники и хозяйственные постройки были в имении родителей А.П. Дельвига в Хитрово Чернского уезда, расположенном на берегу реки Снежедь, которая плавно огибала усадьбу, образуя зелёный полуостров. И в настоящее время в некоторых усадьбах можно увидеть полуразрушенные оранжереи. Например, в бывшей графской усадьбе Уваровых Поречье до наших дней сохранились два оранжерейных зала, славившихся своей оригинальной конструкцией (металлические конструкции, чугунные стойки). В Петровско-Разумовском (ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия) при ботаническом саде сохранилась кирпичная с остеклённой кровлей оранжерея 1860-х годов (в 1953 году она была реконструирована, печное отопление заменили водяным). Размеры усадебных оранжерей были различными в зависимости от того, для выращивания каких растений они предназначались. Садовые сооружения устраивались на участках с ровной поверхностью или на небольшом склоне, обращённом на юг, с залеганием грунтовых вод не менее 0,8 м. Остеклённая поверхность односкатных оранжерей (теплиц) была обращена на юг, так что одна сторона освещалась в первой половине дня, другая после полудня. Чтобы не было перегрева растений, применялись в основном полубелые стёкла.

Но если князь Волконский любил оранжерейные экзотические растения (и к теме оранжереи мы ещё вернёмся позже), то его внук предпочитал красоту естественной природы, полевые цветы, особенно васильки.

---

[1] *Толстой С.Л.* Очерки былого. Тула: Приокское книжное издательство, 1975. С. 322.

А.С. Пушкин также отдал дань васильку в нравоучительном четверостишии «Общая судьба»:

Во ржи был василёк прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

(III, 1; 482)

Из садовых цветов Толстому нравился душистый горошек; его сажали на клумбах около дома. После прогулок он часто приносил букеты, любовался их красотой и запахом, ставил к себе на письменный стол или в зале, иногда дарил. Ставил букеты из полевых цветов на рабочий стол писателя и его камердинер, И.В. Сидорков.

Льва Николаевича радовало всякое движение растительной природы: разбухание почек на деревьях и их развёртывание, колошение и наливание ржи… Как только начинало что-либо распускаться, он приносил в дом медунички или орешник, цветы и ветки с разворачивающимися листочками.

У Толстого есть большое и детальное перечисление цветов и трав, растущих на лугу, показывающее, насколько пристрастно и внимательно он рассматривал всё, что росло из земли: «Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь. Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые с ярко-жёлтой серединой «любишь-не-любишь» [ромашки] с своей прелой пряной вонью; жёлтая сурепка с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; жёлтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие, цветы повилики».

В своём дневнике 18 июля 1896 года Толстой записывает, как он шёл «по передвоенному чернозёмному пару. Пока глаз окинет, ничего кроме чёрной земли, — ни одной зелёной травки; и вот на краю пыльной, серой дороги куст татарника (репья). Три отростка: один сломан, и белый,

загрязнённый цветок висит; другой сломан и забрызган грязью чёрной, стебель надломлен и загрязнён; третий отросток торчит вбок, тоже чёрный от пыли, но всё ещё жив и в серединке краснеется. Напомнил Хаджи Мурата. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля как-нибудь, да отстоял её»[1]. Так появилась повесть «Хаджи Мурат».

Не остался без поэтическо-писательского внимания и ландыш — символ чистоты, любви и грусти. У Пушкина в «Евгении Онегине»:

В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей она
Цвела, как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.
(VI, 40)

Сравнение девушки с ландышем также встречается в наброске начала поэмы «Бова», где говорится о дочери царя Зензевея:

Она мила, как ландыш мая,
Резва, как лань Кавказских гор.
(V, 156)

В стихотворении «Красавице, которая нюхала табак»:

Возможно ль? вместо роз,
Амуром насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..

[1] Цит. по: *Толстой Л.Н.* «Хаджи Мурат»: Неизданные тексты / публ. и вступ. ст. А. Сергеенко // Л.Н. Толстой / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. I. С. 520.

Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!

(I, 44)

И Толстой не остался равнодушным к «душистым ландышам»: «Удивительная весна. Сейчас пришёл с Козловки, принёс кашки и ландыши»[1].

Из воспоминаний К.В. Волкова известно, что в Гаспре Толстого посетил поэт Бальмонт. Сам Волков «не присутствовал при их свидании и не слыхал, что и как читал Бальмонт Льву Николаевичу из своих стихов, но по отъезде поэта Лев Николаевич немало издевался над ним и над современными декадентами и модернистами вообще. Особенно возмущало Льва Николаевича выражение «пьяные ландыши»: «Они (т. е. современные поэты) всё говорят, что пошли дальше Пушкина и Лермонтова. Но пусть они сначала докажут, что умеют писать не хуже Лермонтова, тогда я за ними признаю право писать по-ихнему. Но этого никто из них не доказал и не сможет доказать»[2].

Символом скромности и красоты считается фиалка — «эмблема скрытых достоинств, частично раскрывающихся в том или ином цветовом оттенке: белый цветок добавляет к основной символике невинность, красный — любовь и доброту, синий — верность и постоянство… Кроме этого, красивая, добродетельная фиалка с античных времён олицетворяет весну, пробуждение природы и… смерть, а также она христианский символ смирения и потому ассоциируется с Христом, обычно с младенцем»[3].

Фиалка — любимейший цветок древних греков и римлян. Она сыграла большую роль в жизни Наполеона и его жены Жозефины Богарне, став для неё символом жизни и счастья. Шекспир, Иоганн Вольфганг Гёте и И.С. Тургенев обожали этот цветок. У Пушкина фиалка упоминается в нравоучительном четверостишии:

---

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 53. С. 146.

[2] *Волков К.В.* Наброски к воспоминаниям о Л.Н. Толстом // Толстой. Памятники творчества и жизни. Вып. 2. М., 1920. С. 90.

[3] *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: Крон-пресс, 1996. С. 584.

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка — мила:
Всяк следует своей природе.

(III, 1; 482)

В яснополянском лесу, как пишет племянница Толстого Е.В. Оболенская-Толстая, «была масса пахучих фиалок, — я не знаю другого, где бы их было так много. Дядя Лев Николаевич сочинил песню: «Кто найдёт фиалку, тот будет капрал, ему дадут палку. Ах! вот я сыскал». Мы наперебой поднимали крик: Ах! вот я сыскал! — и кидались рвать фиалки»[1].

Символ чистоты — лилия, ассоциирующаяся с Девой Марией, а также с королевским благородством. Лилия как символ французских королей Бурбонов упоминается в стихотворении А.С. Пушкина «Девственницы», где говорится о Жанне д'Арк:

Она спасла французские лилеи.
В боях её девической рукой
Поражены заморские злодеи.

(II, 1; 451)

Богиня цветов и растительности Флора в каком-то смысле была «вдохновительницей» четы Толстых, Льва Николаевича и Софьи Андреевны, и благоволила их усадебному хозяйству. «Прелестные цветы» — камелии, розы, резеда в горшках — были непременным элементом обустройства и украшения комнат. А сам Лев Николаевич в своей комнате выращивал апельсины…

Многие работы велись за пределами дома, в самой усадьбе, и тут тоже — росло и цвело. Каждый владелец усадьбы был свободен в выборе постройки и наполнения усадебного пространства, ориентируясь на передовые тенденции того времени и местные условия. И встречались поистине выдающиеся примеры: так, в усадьбе помещика Н.В. Киреевского выращивались плодовые деревья 110 видов и многие тропические растения. Славилась усадьба и своим цветоводческим искусством: одних георгинов тут произрастало более трёх тысяч экземпляров. Садово-парковая

[1] *Оболенская Е.В.* Моя мать и Лев Николаевич // Октябрь. 1928. № 9–10. С. 210.

система Ясной Поляны состоит из множества элементов. В неё, кроме яблоневых садов, входят парки: «Клины» и нижний пейзажный, четыре пруда, купальня, теплица, грунтовые сараи (их было два — персиковый и вишнёвый), павильон, прешпект… Подземную теплицу (она действует по сей день) граф Толстой проектировал и обустраивал собственноручно в 1870-х годах на месте сгоревшей (по записи С.А. Толстой — в марте 1866 года «от загоревшихся лучин, положенных на печь для просушки») оранжереи князя Н.С. Волконского. Пока ещё оранжереи были в порядке и действовали, графиня ходила туда любоваться цветением персиков и слив. При оранжереях в имении был хороший садовник-немец.

Остановимся на оранжерее и её неоднократных «художественных отражениях» подробнее.

При князе Н.С. Волконском в оранжерее выращивались редкие растения: померанцы, лавровое дерево, лавровишня, самшиты, лимоны, помпельмусы (цитрусовая культура, известная также как помело), туи, плющи, мирт, фикусы. В трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» описание большого дома Иртеньевых в Покровском напоминает большой яснополянский дом, где прошло детство писателя. Из повести «Детство» мы узнаём, что в оранжерее выращивали, кроме вышеперечисленных культур, ещё и персики: «Весна чудо как хороша: балконную дверь уж выставили, дорожка к оранжерее четыре дня тому назад была совершенно суха, персики во всём цвету, кой-где только остался снег, ласточки прилетели, и нынче Любочка принесла мне первые весенние цветы»[1]. Свояченица Толстого Т.А. Кузминская в воспоминаниях также пишет, что «в саду была теплица для зимних цветов и оранжерея с персиками чудесной породы»[2]. О персиках идёт речь и в письме С.А. Толстой к Льву Николаевичу от 11 августа 1864 года, в котором она сообщает, что «гуляла с Серёжей и была по всем садам», что тульский торговец Пушкин, покупавший фрукты по окрестным имениям, «собирает с Кузьмой персики и сливы», и Кузьма — работник при оранжерее — «очень деятелен, исключая огородной части», и что «тётенька[3] наша всё похаживает по дорожкам с зонтиком, и всё хочется ей съесть: и персики, и петуха, и яблоки»[4].

---

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 79.

[2] *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 205.

[3] Татьяна Александровна Ергольская (1792–1874) — троюродная тётка Л.Н. Толстого и его воспитательница.

[4] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 83. С. 43.

В повести «Юность», кроме упоминания летнего сада, малины, цветов, трав, дано описание «походов» героя на огород — есть овощи и фрукты: «Когда уже становилось жарко, но дамы наши ещё не выходили к чаю, я часто ходил в огород или сад есть все те овощи и фрукты, которые поспевали. И это занятие доставляло мне одно из главных удовольствий. Заберёшься, бывало, в яблочный сад, в самую середину высокой, заросшей, густой малины. Над головой — яркое горячее небо, кругом — бледно-зелёная колючая зелень кустов малины, перемешанных с сорною заростью. Тёмно-зелёная крапива с тонкой цветущей макушкой стройно тянется вверх; разлапистый репейник с неестественно лиловыми колючими цветками грубо растёт выше малины и выше головы и кое-где вместе с крапивою достаёт даже до развесистых бледно-зелёных ветвей старых яблонь, на которых наверху, в упор жаркому солнцу, зреют глянцевитые, как косточки, круглые, ещё сырые яблоки. Внизу молодой куст малины, почти сухой, без листьев, искривившись, тянется к солнцу»[1].

В «Войне и мире» во многих пейзажах узнаются яснополянские. В описании имения князя Болконского Лысые Горы упоминаются «прешпект», оранжерея, яснополянские садовники, липовые аллеи парка, каменные ворота въезда, оранжерея, кадочные цветы и цветы в горшках. Излюбленной прогулкой старого князя Болконского, который «терпеть не мог охоты», «любил цветы и оранжерейные растения»[2], была прогулка к оранжерее: «Как обыкновенно, в девятом часу князь вышел гулять в своей бархатной шубке с собольим воротником и такой же шапке. Накануне выпал снег. Дорожка, по которой хаживал князь Николай Андреевич к оранжерее, была расчищена, следы метлы виднелись на размётанном снегу, и лопата была воткнута в рыхлую насыпь снега, шедшую с обеих сторон дорожки. Князь прошёл по оранжереям, по дворне и постройкам, нахмуренный и молчаливый»[3].

Князь Андрей после отступления из Смоленска русской армии в 1812 году приехал верхом в опустевшие Лысые Горы, в отцовскую деревню, в которой он родился и провёл детство. «У каменных ворот въезда никого не было, и дверь была отперта. Дорожки сада уже заросли, и телята и лошади ходили по английскому парку. Князь Андрей подъехал

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 176.
[2] Там же. Т. 34. С. 352.
[3] Там же. Т. 9. С. 263.

к оранжерее; стёкла были разбиты, и деревья в кадках некоторые повалены, некоторые засохли. Он окликнул Тараса-садовника. Никто не откликнулся. Обогнув оранжерею на выставку, он увидал, что тёсовый резной забор весь изломан и фрукты сливы обдёрганы с ветками. Старый мужик… сидел на лавке, на которой любил сиживать старый князь, и около него было развешено лычко на сучках обломанной и засохшей магнолии»[1]. Из этого текста видно, что в Ясной Поляне выращивали сливы, а в оранжерее — магнолии.

Огромный вяз в парке «Клины», цветы и оранжерейные растения упоминаются в «Воспоминаниях» Толстого. «Вероятно, у него [князя Н.С. Волконского] было очень тонкое эстетическое чувство. Все его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таков же разбитый им парк перед домом. Вероятно, он также очень любил музыку, потому что только для себя и для матери держал свой хороший небольшой оркестр. Я ещё застал огромный, в три обхвата вяз, росший в клину липовой аллеи и вокруг которого были сделаны скамьи и пюпитры для музыкантов. По утрам он гулял в аллее, слушая музыку»[2].

Из «Войны и мира» мы узнаём также ускользнувшую во время прежних прочтений этой книги деталь: в большом доме, в котором прошло детство Толстого, была «цветочная» с кадочными цветами.

«Когда Наташа вышла из гостиной и побежала, она добежала только до цветочной. В этой комнате она остановилась, прислушиваясь к говору в гостиной и ожидая выхода Бориса. Она уже начинала приходить в нетерпение и, топнув ножкой, собиралась было заплакать оттого, что он не сейчас шёл, когда заслышались не тихие, не быстрые, приличные шаги молодого человека. Наташа быстро бросилась между кадок цветов и спряталась…

— Борис, подите сюда, — сказала она с значительным и хитрым видом. — Мне нужно сказать вам одну вещь. Сюда, сюда, — сказала она и привела его в цветочную на то место между кадок, где она была спрятана.

Борис, улыбаясь, шёл за нею.

— Какая же это одна вещь? — спросил он.

---

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 122.

[2] Там же. Т. 34. С. 352.

Она смутилась, оглянулась вокруг себя и, увидев брошенную на кадке свою куклу, взяла её в руки.

— Поцелуйте куклу, — сказала она. Борис внимательным, ласковым взглядом смотрел в её оживлённое лицо и ничего не отвечал. — Не хотите? Ну, так подите сюда, — сказала она и глубже ушла в цветы и бросила куклу. — Ближе, ближе! — шептала она. Она поймала руками офицера за обшлага, и в покрасневшем лице её видны были торжественность и страх. — А меня хотите поцеловать? — прошептала она чуть слышно, исподлобья глядя на него, улыбаясь и чуть не плача от волненья. Борис покраснел»[1].

Что касается прочего садового обустройства и наполнения, в повести «Семейное счастие» Толстой пишет, что вдоль аллей высаживали георгины: «Всё было светло и облито серебром росы и месячного света. Широкая цветочная дорожка, по которой с одного края косо ложились тени георгин и подпорок, вся светлая и холодная, блестя неровным щебнем, уходила в тумане и вдаль»[2]. Стадии развития, роста, цветения растений являются важными «со-участниками» быта: «Мы сидели на террасе и собирались пить чай. Сад уже был весь в зелени, в заросших клумбах уже поселились соловьи на все петровки. Кудрявые кусты сирени кое-где как будто посыпаны были сверху чем-то белым и лиловым. Это цветы готовились распускаться. Листва берёзовой аллеи была вся прозрачна на заходящем солнце. На террасе была свежая тень. Сильная вечерняя роса должна была лечь на траву»[3].

Из воспоминаний Т.А. Кузминской известно, что в 1863 году Толстой «насадил яблочный сад, сажал цикорий»[4] и что его очень занимала посадка еловых лесов. Оживлялась и прекращала скучать с наступлением весны и пробуждением природы и графиня Софья Андреевна Толстая.

В «Садах» Делиля провозглашена идея единения человека с природой:

Земля, быть может, ждёт,
Что хоть когда-нибудь спаситель к ней придёт![5]

---

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 9. С. 52–53.
[2] Там же. Т. 5. С. 388.
[3] Там же. Т. 5. С. 74.
[4] *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. С. 212.
[5] *Делиль Ж.* Сады. Л., 1987. С. 26.

А в ответ на это яблоневый сад одарит человека «усладой для глаз» и для сердца — красотой во время майского цветения: «Яблони цветут так, точно хотят улететь на воздух»[1].

По мнению А. Воейкова, переводчика «Садов», «Делиль прямо заявляет, что сады «говорят», «ведут разговор», «дают уроки»:

Знакомы вам они, невидимые нити
Меж миром неживым и вами? Протяните
Их от всей души к реке, полям, лесам,
Внемлите чутко их неслышным голосам, —
И вы поймёте всё, что вам они сказали.

[1] *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 84. С. 282.

Елена Панченко

«У НИКОЛАЯ КИРИЛОВА КУР 1815 ГОДА»: ЗАПИСИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯИНА НА ФОНЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ

Записи, о которых пойдёт речь, обнаружены на книге с хорошо документированной владельческой историей. Сборник русских законодательных актов под общим названием «Уставы» (1808)[1] перешёл в фонд библиотеки Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук из библиотеки Археографической комиссии, куда попал в составе книжного собрания одного из её председателей П.А. Муханова (1797–1871) — крупного государственного чиновника, историографа и издателя[2]. Наличие «Уставов» в библиотеке П.А. Муханова совершенно естественно, но не он был первым владельцем книги. До него книга принадлежала некоему Николаю Кирилову, о чём мы знаем по его рукописной записи. О личности Николая Кирилова, о его родстве или знакомстве с П.А. Мухановым никаких сведений найти не удалось. Всё, что мы о нём знаем, стало известно только благодаря экземпляру «Уставов».

Героями исследований, посвящённых истории книг, обычно становятся собиратели значительных книжных коллекций, образованные и богатые люди. Что касается Николая Кирилова, то можно сказать, что у него была по крайней мере одна книга. Он, несомненно, её читал и в ней же писал. Около двух десятков статей из последней части «Уставов» — «Уложения царя Алексея Михайловича»[3] — отмечены крестиками на полях и словом «нужена». Помечены статьи о займах и взыскании

[1] Уставы. I. Великого князя Владимира Киевского и всея Руси. II. Правда Руская, великого князя Ярослава Владимировича. III. Судебник царя Иоанна Васильевича, со сводом. IV. Уложение царя Алексея Михайловича, со сводом новоуказных статей. Зри. Указатель Российских Законов, изданный Львом Максимовичем. М.: В привилегированной типографии Кряжева и Мея, 1808. [2], 8. 310 с. Шифр Санкт-Петербургского института истории IQ137. В экземпляре отсутствуют с. 107–156.

[2] На книге имеются экслибрисы (бумажные ярлыки): «Библиотека Археографической комиссии» (на форзаце) и «Библиотека Члена Госуд[арственного] Сов[ета] Действ[ительного] Тайн[ого] Сов[етника] Павла Александр[овича] Муханова» (на верхней крышке цельнокожаного переплёта).

[3] Оно применялось вплоть до ввода в действие «Свода законов Российской Империи» в 1835 году.

долгов, о потравах, о необходимости держать на привязи собак и животину, о продаже или залоге родовой вотчины, о беглых холопах и крестьянах. Не похоже, чтобы с книгой работал профессионал-законник; скорее — помещик, у которого была и вотчина, и крестьяне, и животина, но вряд ли блестящее финансовое положение: то ли сам он был много кому должен, то ли ему были должны.

Удобный большой формат книги и одноцветная форзацная бумага послужили и для записей, не имеющих никакого отношения к законам. Кирилов писал по-русски, старомодным почерком и с ошибками. Отметки на полях законов и записи на форзацах сделаны одной рукой. На форзаце повёрнутой вверх ногами книги читаем: «У Николая Кирилова Кур 1815-го года». Дальше идёт целый реестр из 21 номера.

Прежде чем мы познакомимся с обитателями кириловского курятника, скажем несколько слов об этих птицах и о сельскохозяйственной литературе той эпохи. Хотя тема может показаться не совсем серьёзной, вспомним, что на протяжении тысячелетий куры были верными спутниками человека. Разные народы внесли свой вклад в выведение пород, которые распространились по всему миру, но сохранили характерные и нередко поэтичные названия: андалузские, падуанские, брахмапутра, иокогама, кохинхины, куку-де-малинь, сассекс, бреда, скотч-грей, родайленд и так далее. Есть и «пушкинская»[1] порода кур.

На кур переносились представления о человеческих свойствах и достоинствах. Лучший петух нередко описывается как идеальный рыцарь-мужчина: «Доброй петух должен быть росту отменного… лапы толстые… грудь широкая… чтоб нос у него был большой и загнутой, глаза пламенные, сверкающие, гребень и борода большие, довольно живого красного цвета; хвост на две стороны изогнувшийся и возвысившийся над головою. Петух должен быть отважен в своих поступках, а особливо хорошо убран перьями, чтоб часто пел и разрывал храбро землю для сыскания там чего-либо своим курам; наконец, чтоб был жив, проворен, дерзок и жарок любить своих кур…»[2] В то же время куры-несушки «должны… иметь глаза нежные»[3]. Петух служил образцом воина и

[1] См. описание, например, здесь: [Электронный ресурс: http://fermagid.ru/kury/porody/364-pushkinskinskaya.html].

[2] Домашний птичник, или Рукопись о всех домашних птицах. М., 1793. С. 20–21. Второе название этой книги: Домашний птичник, или Рукопись девицы де Бассе-Кур.

[3] Там же. С. 23.

примером чести: «…Афинейцы после войны, бывшей у них с Персами, определили, чтоб всякой год спускать петухов драться всенародно, дабы тем научить людей сражаться с неприятелями и претерпевать напасти за отечество, за детей и за вольность»[1]. На кур проецируются свойства национального характера: «…без всяких дурных последствий русские куры выдерживают с раннего возраста сильный холод и ужасную непогоду — дождь, ветер и русскую стихию, — невозможную грязь, в которой нередко можно видеть русскую курицу безбоязненно, чуть не по горло погрязшую…»[2]

Сельскохозяйственная отечественная литература времени Николая Кирилова (конец XVIII — начало XIX века) — это в основном переводы: с французского, английского, а больше — с немецкого. При этом авторы оригинальных сочинений часто неизвестны или сомнительны, а дельные советы соседствуют с суевериями и откровенной чушью. Например, некий зеебургский помещик Леопольд рекомендует: «Что сделать, чтобы курица высидела разноцветных цыплят. Надобно расписать яйцы, которые кладёшь под наседку, разными красками, какими кому угодно; после сего вымазать их деревянным маслом и высушить и потом положить их под наседку»[3]. Под видом хозяйственной литературы имели хождение анонимные компиляции средневековых бестиариев с такими авторитетными суждениями: «Природная нетерпимость, или антипатия, у петуха с Василиском. Ибо сказывают, что Василиск, увидя петуха, умирает. И как в Африке великое множество страшных находится Василисков, то всяк, отправившись в дорогу, берёт с собою петуха»[4].

Всё же были авторы, смело выступавшие против суеверий: «Верить, что петухи несут яйца, из которых выходят змии или крокодилы, есть заблуждение простого народа»[5]. В практических руководствах нет недостатка и в ссылках на древних авторов: «Колумелла, Варрон и другие древние писатели предписали правила, чтобы сажать кур и других до-

---

[1] Описание скотов и птиц домашних, также и пчёл. [СПб., 1777]. С. 71.

[2] *Елагин Н.П.* Практическое птицеводство. Содержание и разведение птиц в русских хозяйствах. Л., 1925. С. 144.

[3] Иоанна Христофора Леопольда, зеебургского помещика, Домоводственная ручная книга как для сельских, так и для городских жителей. М., 1790. С. 48.

[4] Описание скотов и птиц домашних… С. 72.

[5] *Теплов Г.Н.* Птичий двор. СПб, 1792. С. 46.

машних птиц на яйца не тогда, когда луна ущербляется, но когда она растёт или прибавляется»[1]. При этом авторы рубежа веков нечасто сообщают названия пород птиц. И даже если сообщают, то трудно бывает понять, что же, собственно, они имеют в виду, тем более что книги по домоводству почти не иллюстрировались. «Большие Брабантские, малые Аглинские и обыкновенные деревенские (Русскими называемые) составляют породы известнейшие»[2]; «Падуанские есть куры в Турецкой земле, Персидские не имеют хвоста… в Китае есть курицы, на которых растёт шерсть подобна овечьей; а в некоторых местах Индии имеют такие мясо и кость чёрные»[3]; «Индейские, гилянские, мохноногие, кургузые, малые от[ост?]индские, англинские белые с чёрными пятнами, чёрные с серьгами, шершавые, арабские чернокожие, перловые и цесарские»[4].

Противоречивые советы даются относительно хозяйственной ценности разных типов кур. Девица де Бассе-Кур (эта псевдодворянская фамилия означает «птичник») пишет: надлежит уважать кур, которые имеют большой рост и черны, но разводить на племя нужно белых[5]. Иначе рассуждает Луи Роз: лучшие куры — чёрные, но средней величины, а белых «должно продавать или употреблять в кушанье»[6]. Большинство авторов сходятся в том, что лучшие куры – чёрные, хотя все прочие их признаки описывают по-разному. Понять по книгам, кого же разводили в русских птичниках, невозможно.

Перейдём теперь к рукописному реестру[7].

---

[1] *Ливанов М.Е.* О земледелии, скотоводстве и птицеводстве. Николаев, 1799. С. 273.

[2] Ручная книга сельского хозяйства для всех состояний. М., 1803. Ч. 5. С. 154.

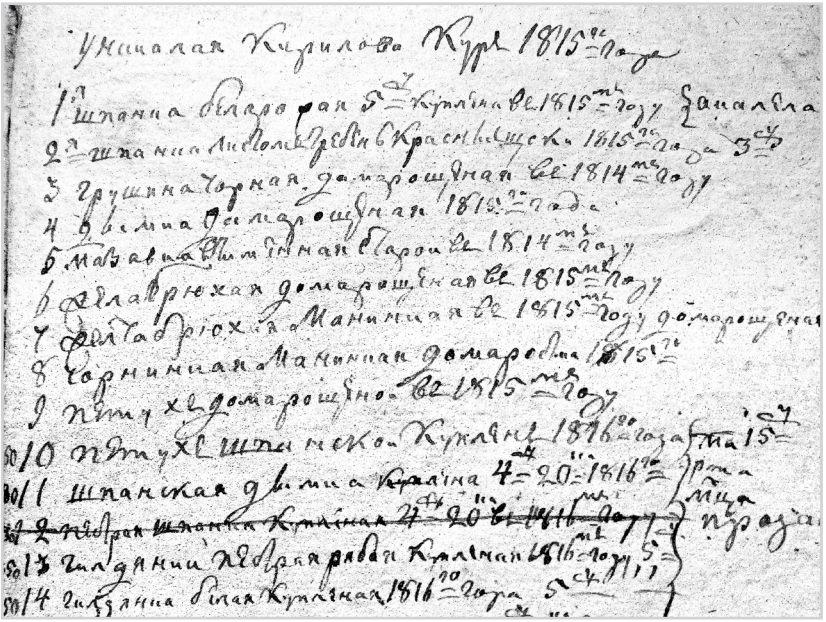
[3] *Теплов Г.Н.* Птичий двор. С. 4.

[4] *Осипов Н.П.* Карманная книга сельского и домашнего хозяйства. СПб., 1793. С. 242.

[5] Домашний птичник… С. 25–26.

[6] *Роз Л.* Добрая помещица, или Подробное описание того, как сия сельская хозяйка должна смотреть за своим домом. М., 1789. С. 305.

[7] Записи воспроизводятся в современной орфографии, но с сохранением индивидуальных особенностей написания. Для определения породы мы пользовались книгой П.Н. Елагина «Практическое птицеводство. Содержание и разведение птиц в русских хозяйствах», первое издание которой вышло в 1891 году. Елагин не только описывает внешние признаки пород, но и отмечает, какие из них имели уже давнюю традицию разведения в России.



Фрагмент реестра Николая Кирилова

«У Николая Кирилова Кур 1815-го года

1я шпанка беларожая 5 руб. куплена в 1815-м году [скобка] акалела в 1816-м в 3 [?] генваря месяца

2я шпанка листом гребень красные щеки 1815 года 3 руб.

3 грушина чорная домарощеная в 1814-м году

4 дымка домарощеная 1815-го года

5 мазавка выменная старой в 1814-м году

6 жел[т]абрюхая домарощеная в 1815-м году

7 желтабрюхая манинкая в 1815-м году домарощеная

8 чорнинкая манинкая домаростка 1815-го

9 петух домарощеной в 1815-м году

10 петух шпанской куплен 1816-го года

11 шпанская дымка куплена 4 руб. 20 коп. 1816-го [у номеров 10–11 стоит общая скобка с надписью «марта месяца 15 руб.»]

12 пёстрая шпанка купленая 4 руб. 20 коп. в 1816-м году [запись зачёркнута] продана

13 гилдянка пёстрая рябая купленая 1816-м году 5 руб.

14 гилдянка белая купленая 1816-го года 5 руб.

15 белая шпанка чорное перо шпанк[а] 4 руб. 20 коп. купле[на] 1816

16 чорная полушпанка купленая 1816-го 2 руб. 10 коп. [запись зачёркнута] продана

17 пёстрая руская купленая 1816-го года за 1 руб. 20 коп. [запись зачёркнута] продана

18 петух куплен в 1816-м году за 4 руб. 20 коп. серебреной [запись зачёркнута] продан 4 руб.

19 курица серебреная с косицами купл[ена] 1816-го

20 куриц[а] сереб[ряная] купленная вместе 1816-го

21 курица серебреная купле[на] 1816-го [у номеров 18–21 стоит общая скобка с надписью «куплен[ы] за 4-х дал 30 руб.»]

в остатке 17-ть».

В реестре чаще всего встречается порода «шпанка» и производные слова — «полушпанка», «шпанский» и так далее (№ 1, 2, 10–12, 15, 16). Это куры испанской породы. Классическая испанская курица[1] — с чёрным оперением и, как вошло в дальнейшем в профессиональную терминологию, — белолицая (то, что наш хозяин называет «белорожей») (№ 1). Старинная испанская порода существует и сейчас, но разводится только любителями в небольших хозяйствах. Эти средиземноморского происхождения куры не переносят морозов, поэтому неудивительно, что «шпанка» (№ 1) околела в январе. Шпанка с красными щеками (№ 2) – другая разновидность испанских кур, которые сейчас называются минорка; дымчатое оперение («дымка») свойственно андалузской испанской породе (№ 11); пёстрое (или кукушечное) оперение у испанской породы анкона (№ 12); белых с чёрными перьями кур среди испанских пород (№ 15) в конце XIX века уже не было[2]; «полушпанкой» (№ 16) наш хозяин называет, должно быть, наполовину породистую курицу, которая и стоила вполовину меньше.

Удалось установить и ещё одну породу, которую Н. Кирилов называет «гилдянки» (№ 13 и 14). Это редкое слово нашлось только в словаре языка старой Москвы: «Гилдянская — порода крупных кур, вероятно широко распространённая в московских подсобных хозяйствах

[1] *Елагин П.Н.* Практическое птицеводство. С. 114–115.

[2] Там же. С. 115.

XIX века. Гилдянский петух — порода петухов, популярных в петушиных боях»[1]. Почти наверняка «гилдянский» — это местный вариант названия старинной «гилянской» породы. Её упоминают ещё в конце XVIII века[2]; через сто лет её описывают как одну из разновидностей русских кур, «крупную птицу на высоких ногах»[3]. Благодаря слову «гилдянка» мы можем с большой долей вероятности считать Николая Кирилова жителем Московской губернии или попросту Москвы[4].

Любопытно, что русская порода ценится так же высоко (5 рублей), как классические «испанцы». Гилянская порода в России сохранена и разводится любителями, но белых гилянских кур (№ 14) не было уже в конце XIX века[5]. Серебряный (№ 18–21) или, как позже стали говорить, серебристый тип оперения — белый с чёрным. Кирилов не указывает породу, но, судя по цвету и по «косицам» (особое строение перьев хвоста), это могла быть старинная бельгийская порода брекель[6]. Если верно прочитано, что за четырёх последних кур хозяин заплатил 30 рублей, то это было его самое дорогое приобретение. Ценным для него был и № 5 — «мазавка выменная старой» (иначе зачем в хозяйстве старая курица?). К сожалению, не удалось определить, какую породу имеет в виду здесь Кирилов. В реестре есть недорогие русские куры (№ 17) и куры своего, домашнего разведения (доморощенные, доморостки — № 3, 4, 6–9) без цены. «Грушина» (№ 3) — должно быть, от женского имени Груша. «Манинкая» (№ 7, 8) — маленькая (вероятно, размер породы, а не возраст; употребление на письме этого просторечного слова показывает, что наш хозяин вряд ли много читал).

Кириловский список не является строгим документом: не всегда понятно, где потраченные, а где вырученные от продажи птиц деньги, реестр озаглавлен 1815 годом, но вёлся в 1816-м, даже общее количество обитателей птичника подсчитано неверно (в наличии должно быть только 16, а не 17 кур). Небрежность в цифрах, особенно в

---

[1] *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. М., 2004. С. 133.

[2] *Осипов Н.П.* Карманная книга сельского и домашнего хозяйства. СПб., 1793. С. 242.

[3] *Елагин П.Н.* Практическое птицеводство. С. 142.

[4] Тем более что именно в Москве издана сама книга «Уставы» и следующий её владелец П.А. Муханов довольно продолжительное время жил в Москве.

[5] *Елагин П.Н.* Практическое птицеводство. С. 142–143.

[6] Там же. С. 107.

деньгах, указывает на и без того заметную странность этой вроде бы хозяйственной описи: мы не видим в ней никакого следа приносимой курятником пользы — сколько получено яиц, выведено цыплят или отправлено в поварню. Для обычного птичника здесь слишком много петухов. Курочки занесены в опись по породам, по окрасу оперения, по размеру — и, в общем, очевидно, что именно это и составляло предмет интереса их владельца. Каждую он знает, можно сказать, в лицо, помнит про каждую, когда приобретена, сколько стоила и даже когда околела. То есть перед нами не столько хозяйственный документ, сколько свидетельство о своеобразном увлечении — коллекционировании кур.

Однако реестр Кирилова содержит интересные данные, относящиеся и собственно к истории сельского хозяйства, и даже к истории русского языка. Кирилов называет и описывает несколько пород русского птичника, что практически не встречается в сельскохозяйственной литературе его времени. Упоминаемые им внешние признаки птиц: белорожая, красные щёки, косицы, гребень листом, серебряное, дымчатое, пёстрое оперение — показывают, что наш хозяин хорошо разбирался в этом вопросе, владел тем языком, который в сельскохозяйственной литературе его времени ещё не встречается, но который позже станет частью профессиональной терминологии. Кирилов знает о птицах не по книгам: он воспроизводит живой язык сельских хозяев и торговцев. Отсюда разговорные названия пород с суффиксом «к»: шпанка, дымка, гилдянка и даже непонятная мазавка (причём последние три слова остались не отражены словарями русского языка). Интересно видеть зафиксированные владельцем цены, что тоже не попало в книги эпохи, разве что в случайные газетные объявления. В отличие от растений, которые не меняются за 200 лет, вид домашних птиц изменился самым разительным образом: сейчас известны породы, которые были выведены не ранее середины XIX века, а старинные породы исчезли, или их стандарт изменился. После распространения белых леггорнов (итальянская порода из Ливорно) русский курятник стал по преимуществу белым. Реестр Кирилова позволяет представить себе старый русский птичий двор, где тон задавали чёрные «шпанки».

Кроме реестра кур Николай Кирилов записал на другом форзаце тех же «Уставов» рецепт приготовления вина:

«На ведро вина настою
Золотысяшнику 1 фунт
Божьего дерева 1 фунт
Помаранцов – 1 фунт / Полыню – 1 фунт
За 2 руб. 50 коп.».

Рецептов самодельного вина в хозяйственной литературе этого времени можно найти огромное количество, поскольку именно дома вино обычно и приготавливалось. Хотя рецепты домашнего бургундского, шампанского из берёзового сока или смородины[1] свидетельствуют о том, что в России знали о существовании настоящих французских вин, пили в основном содержимое ведёрных или двухведёрных бочонков самого туманного происхождения. Литература изобилует советами, как приготовить виноградное вино без винограда, как узнать, сколько в бочке вина, а сколько воды, как сделать содержимое более прозрачным, лучше пахнущим и вообще сделать приятный, а ещё лучше — приятный и полезный напиток[2].

Кирилов записал рецепт полынного вина — домашнего вермута. Считается, что вермут появился именно в Германии, и лишь в самом конце XVIII века его начали производить (и производят до сих пор) в Турине. Нет ничего удивительного в том, что вместе с появлением иностранцев и немецкой хозяйственной литературы вермут распространился в XVIII веке в России. Рецепты полынного вина занимают почётное место в руководствах по домашнему виноделию. Например, в книге Н.П. Осипова «Российской хозяйственной винокур» полынному вину посвящена отдельная глава, и в ней 14 способов его приготовления[3]. Напиток считался лекарственным. Вот, например, один из рецептов: «Вино домашнее для здоровья иным образом. Возьми: корня девясила, корня бене-

---

[1] Русский опытной винокур, дистиллятор, научающий деланию различных водок, ликёров, ратафий. СПб., 1812. Ч. 2. С. 53–57; Химик, эконом, конпанейщик, прачка и мастеровой, или Открытие сокровенных вещей, касающихся до домашней Экономии. М., 1796. С. 12–13.

[2] Русский опытной винокур… Ч. 2. С. 218–239; Иоанна Христофора Леопольда, зеебургского помещика, Домоводственная ручная книга… С. 219–233; Химик, эконом, конпанейщик… С. 37–39; Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха. СПб., 1790. С. 20.

[3] *Осипов Н.П.* Российской хозяйственной винокур, пивовар, медовар, водочной мастер, квасник, уксусник и погребщик. СПб., 1796. С. 129–135.

диктного, корки померанцовой, корки лимонной — по 30 золот[ников]; корицы — 6 [золотников]; гвоздики, мушкатного цвета, кардамона — по 4 [золотника]; сахару леденцу — 1 фунт, полыни — 12 горстей, кардобенедикту — 8 [горстей]; золототысяшника — 6 [горстей]; шалфею, вероники, розмарина, печёночной травы, ложечной травы — по 3 [горсти]»[1]. Здесь можно найти все составляющие рецепта Николая Кирилова (плюс специи и другие лекарственные травы): полынь, у нас ещё и божье дерево — особый, растущий крупными кустами, сорт полыни, лекарственный золототысячник и — для аромата — померанцы. А затем — «Всё сие крупно искроша и истолокши, положить в холстинный мешочек и опустить в ведёрный бочонок, который налит вином. Закупоря посудину как можно крепче, наставить вино недели полторы и потом, сцедя, разлить по бутылкам и хранить до употребления в пристойном месте»[2]. В книжных рецептах множество ингредиентов, которые могло быть не так просто собрать вместе. Рецепт Кирилова — простой, не выписанный из книги, а записанный, скорее всего, с чьих-то слов; видно, что не для приёма гостей, а для себя, — лекарство. Полынь и божье дерево, золототысячник и померанец обладают ярко выраженными и почти универсальными лечебными свойствами и все благотворно воздействуют на желудочно-кишечный тракт. Пишут также, что полынное вино помогает справиться с чёрной меланхолией.

И ещё одна запись Кирилова: «Денег у м[еня] вс[его] 1 593 руб». Вроде бы и немало, но финансовый вопрос его беспокоил. Тем более с такими тратами на кур. Кажется, был он немолод, простодушен и одинок. Впрочем, это статья не о Николае Кирилове, а о том, что любой экземпляр книги может оказаться уникальным документом эпохи.

---

[1] Русской опытной винокур… Ч. 2. С. 61.
[2] Там же. С. 62.

Ирина Хмелевских

ИМЕНИЯ И АЛЬБОМЫ ГЕРЦОГА Д'АНТЕНА

Об альбомах герцога д'Антена мы уже рассказывали на этой конференции несколько лет назад[1]. Речь шла о двух французских альбомах из библиотеки Петра I, посвящённых знаменитым королевским резиденциям — Версалю и Марли. Напомню вкратце некоторые сведения. Альбомы представляют собой подробные рисованные планы двух королевских парков Людовика XIV. Выполнены они в бюро рисовальщиков королевских резиденций при жизни самого короля.

Администрация королевских резиденций (Administration des Bâtiments du Roi) — орган, осуществлявший управление всеми королевскими стройками, впоследствии резиденциями и дворцами, мануфактурами, типографиями, Монетным двором, Академией художеств — в общем, всей художественной индустрией, обслуживавшей королевский двор. Своего рода аналогом такого административного учреждения можно считать Канцелярию от строений в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII века. В 1708 году на пост генерального директора королевских резиденций был назначен Луи-Антуан де Пардайан де Гондрен, герцог д'Антен (1665–1736). Этот человек являлся единственным законным сыном известной фаворитки короля, мадам де Монтеспан, и, соответственно, сводным братом королевских бастардов. Был умён, образован, деятелен и необычайно услужлив в качестве придворного. Титул герцога он получил в 1711 году и в том же году лично для себя заказал в бюро рисовальщиков первый альбом с рисованными планами версальского парка[2]. Рисунки выполнены Пьером Лепотром (около 1652 — 1716), одним из самых талантливых мастеров, работавших в бюро. Сборник с планами переплетён в красный сафьян, крышки переплёта украшает золототиснёный гербовый суперэкслибрис герцога.

Второй альбом посвящён парку Марли[3], не датирован и не подписан, но по состоянию парковых объектов, имеющихся на планах, можно

---

[1] *Хмелевских И.* Библиотека герцога д'Антена и его презент русскому царю // Михайловская пушкиниана. Вып. 61. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2013. С. 104–111.

[2] Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН). П I Б № 112.

[3] НИОР БАН. П I Б № 113.

предположить, что он был изготовлен в конце 1713 года. Скорее всего, марлинские планы выполнены тем же рисовальщиком. В альбоме отсутствует титульный лист, а несколько планов, входящих в состав сборника, не закончены: в них не врисованы картуши, предназначенное для них место осталось пустым. Такая незаконченность помимо стилистической близости рисунков манере Лепотра согласуется с обстоятельствами жизни мастера: в последние годы жизни художник сильно болел, потому, вероятно, и не успел закончить работу, а герцог, возможно, не захотел вмешательства другого рисовальщика и оставил сборник незавершённым. Альбом так же переплетён в красный сафьян и имеет суперэкслибрисы владельца на крышках. В мае — июне 1717 года герцог д'Антен сопровождал Петра I во время его визита в Париж, а в одну из последних встреч с русским царём подарил ему оба эти альбома.

Судьба герцогских подарков в России оказалось достаточно яркой. Альбомы послужили прообразом для нескольких сооружений в петровском Петергофе и, вероятно, в Летнем саду (в архивных документах они не раз упоминаются именно в связи с этим[1]), в версальском альбоме сохранились сделанные Петром карандашные пометы. Ко всему их ещё использовали, очевидно, как учебное пособие: в эрмитажном так называемом «Петровском альбоме» сохранилась копия, выполненная кем-то из архитектурных подмастерьев, сделанная с версальского сборника.

При работе с этими альбомами естественным образом возникло желание понять, существовала ли какая-нибудь традиция, к которой можно отнести эти садовые планы, и есть ли у наших альбомов аналоги. В ходе поисков оказалось, что аналоги такие есть, но все подобные сборники либо были предназначены для поднесения королю, либо имеют отношение к самому герцогу д'Антену. И именно случай с д'Антеном (то есть, по существу, частный заказ) кажется особенно интересным.

Кроме вышеописанных, ещё один из герцогских альбомов, хранящийся в настоящее время в версальском дворце[2], был известен уже давно, а именно с того момента, когда он был куплен музеем на аукционе в 1934 году. Видимо, взамен подаренного Петру герцог сно-

---

[1] Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Собрание Эрмитажа: научный каталог. Л., 1981. № 8475, 8472; *Воронихина А.Н., Калязина Н.В.* Подготовительные рисунки к проектам садовых участков из коллекции Петра I // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXIII. Л., 1983. С. 155, 158.

[2] Публикация альбома: *Arizzoli-Clémentel P.* Les Jardins de Louis XIV à Versailles. Montreuil, 2009.

ва заказал альбом, посвящённый Версалю, который был выполнен в 1720 году рисовальщиком из бюро рисовальщиков королевских резиденций Жаном Шофурье (1679–1757), поскольку прежний мастер, Пьер Лепотр, к тому времени уже умер. Все планы по композиции и размерам полностью совпадают с альбомом из собрания Библиотеки Академии наук (БАН), из чего можно сделать нехитрый вывод, что, очевидно, существовали в этом бюро какие-то модельные канонические чертежи, с которых делались копии (к тому же в различных гравированных сборниках попадаются гравюры, в точности копирующие эти планы). Однако, сравнивая два альбома, «бановский» 1711 года и версальский 1720-го, можно заметить, что мелкими деталями они всё же отличаются. Тот, что из собрания БАН, значительно более подробный: на планах показана детальная расстановка ваз, скульптур и садовой мебели, чего более поздний альбом лишён, и самих планов в нём больше. Например, в альбоме Шофурье полностью отсутствуют листы с планами Большого Трианона. Однако он точно так же переплетён в красный сафьян с наведёнными герцогскими гербами на крышках переплёта.

В нескольких статьях французских исследователей (в частности, Брюно Понса, в статье, написанной в 1987 году[1]) мы находим информацию ещё об одном альбоме, выполненном Лепотром или с участием Лепотра в те же годы, что и два «бановских», и датированном 1713 годом: Receuil de veües et plans, Carte généralle Et particulière du Château et Seigneurie d'Oyron [Oiron], des Baronnies de Montcontour et de Cursé, Avec les Cartes et Arpentages de chaque Metairie. 1713[2]. Это сборник планов принадлежавшего герцогу д'Антену имения Уарон, полученного им в наследство от матери, мадам де Монтеспан. В статье упоминается ещё один альбом с планами замка Пти-Бур (тоже наследство от матери), находившегося недалеко от Парижа, примерно на полпути между Парижем и Фонтенбло, на берегу Сены: Recueil des Plans, Elevations, et Veües du Château de Petit-Bourg Année 1730[3]. В этом имении герцог

[1] *Pons B*. Le château du duc d'Antin, Surintendent des Bâtiments du Roi, à Petit-Bourg // Bulletin de la Société de l'histoire de l'art français, année 1987 (1989). P. 55–91, об альбоме: 56–57.

[2] См.: Bibliothèque nationale de France. RA 2014 — Rapport sur les acquisitions patrimoniales remarquables. Version du 26 mai 2015. № 3.5. — en ligne.

[3] Bibliothèque nationale de France. RA 2014 — Rapport sur les acquisitions patrimoniales remarquables. № 3.6.

жил, в нём принимал царя (правда, в альбоме нарисовано здание, сильно перестроенное с момента царского визита). Сборник был заказан уже упомянутому рисовальщику королевских резиденций, Жану Шофурье, и датирован 1730 годом.

В качестве места хранения альбомов в обоих случаях в статье указывалась частная коллекция. В случае с замком Пти-Бур упомянут аукционный каталог Sotheby's за 1988 год (2 декабря), где этот альбом значится в лоте № 53, а также продажный каталог коллекции Жерома Пишона за 1897 год (Catalogue de la bibliothèque de feu M. le baron Jérome Pichon, Paris, 1897, № 447). Без указания места хранения упомянуты ещё два сборника планов имений д'Антена: Гондрен и Монтеспан.

Итак, информация о существовании этих альбомов была, но точного их местонахождения никто из специалистов не знал. Любопытно, что у французских исследователей некоторое время держалось подозрение, что альбом с замком Уарон тоже попал в Россию: из упоминавшихся альбомов «нам известно только о двух из них: об упомянутом (т. е. версальском) и о сборнике планов и садов Марли. Вполне возможно, что к исчезновению других альбомов причастен пожар в Кунсткамере в 1747 году. Возможно, наши российские коллеги смогут дать ответ на этот вопрос»[1]. Исследовательница в своём предположении основывалась на фразе из мемуаров герцога («Я отдал ему все мои прекрасные книги с планами»), а к моменту визита Петра в Париж совершенно точно были готовы по крайней мере три сборника: Версаль, Марли и Уарон.

Между тем довольно быстро выяснилось, что альбом «Уарон» пределов Франции никогда не покидал. Да и вряд ли мог Пётр заинтересоваться старым ренессансным замком, в котором он к тому же никогда не был. Следы этого сборника обнаружились при помощи Google. Однако имевшаяся в сети информация почти ничего не добавляла к сведениям, сообщённым Б. Понсом: несколько мелких чёрно-белых иллюстраций с пометкой о принадлежности сборника к некой частной коллекции.

---

[1] *Монкло де Б.* Подарок герцога д'Антена Петру Великому: альбом с планами садов Версаля // Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts (1689–1727): Circulations, réseaux, transferts, métissages: Colloques internationaux 28–30 mars 2013, Fondation Singer-Polignac; Université Paris-Diderot. éd. D. Gouzévitch. Paris: Service reprographie, Université Paris IV, 2013. P. 20.

Зато упомянутые безо всякой конкретики альбомы Гондрен[1] и Монтеспан[2] легко обнаружились в собрании государственного хранилища, а именно в архиве Министерства обороны Франции (замок Венсенн). Оба альбома выполнены примерно в одно время и датируются 1717–1720 годами. Авторами были уже известный нам рисовальщик Шофурье, рисовальщик Дюбуа и картограф Ипполит Матис. Альбомы переплетены в красный сафьян и имеют гербовый суперэкслибрис на крышках. Состав каждого из сборников подчинён определённой схеме: несколько листов с видами имения, чаще с высоты птичьего полёта, затем та же местность, но в виде карты и в меньшем масштабе. В конце каждого из альбомов приводится список всех фигурирующих на плане объектов собственности герцога с указанием площади. То есть альбомы эти, по сути, представляют собой подробные кадастровые карты. Вероятно, точность и подробность этих карт и были причиной приобретения их военным ведомством.

В конце 2013 года неожиданно всплыли на поверхность сразу несколько герцогских альбомов. В 2013 году в журнале Marly. Art et patrimoine, который издает Брюно Бентц, появился наш материал про «бановский» альбом Марли и, соответственно, про герцога д'Антена. Вскоре один из владельцев крупного аукционного дома в Париже связался с издателем на предмет консультации относительно герцогских альбомов, предназначенных для аукционной продажи в марте 2014 года[3]. Таким образом обнаружились известные ранее по документам и репродукциям два альбома, замок Уарон[4] и замок Пти-Бур, и до того не известный публике сборник, посвящённый герцогству д'Антен. Последний сборник датирован 1717 годом и был выполнен рисовальщиком Шофурье и картографом Матисом: Recueil des Cartes et arpentages du duché d'Antin. Année

---

[1] «Cartes et arpentage du marquisat de Gondrin, levés et dessinés par Matis et Dubois, géographes et arpenteurs ordinaires du Roy. 1720».

[2] «Recueil des vues et plans, carte générale et particulières du marquisat de Montespan, levé par Matis, géographe et arpenteur ordinaire du Roy, en l'année 1717, et dessigné en 1719 par le même et par Dubois dessinateur».

[3] ALDE. Bibliothèque d'architecture d'un amateur. De Vitruve à Ledoux. Vente 6 mars 2014. Paris, 2013, № 82–84.

[4] Купленному BnF альбому замка Уарон была посвящена выставка в октябре 2015-го, устроенная в самом замке Уарон, который в настоящее время является государственным Музеем актуального искусства. Каталог выставки: *Vouhé G*. Oiron au temps de madame de Montespan et du duc d'Antin. Châteai d'Oiron, Ventre des monuments nationaux, 2015.

1717[1]. Все они были куплены Национальной библиотекой Франции и теперь доступны для исследователей в полной мере.

Последний из обнаруженных альбомов[2] — планы имений в окрестностях Гароны (Шофурье и Матис) — хранится в частной коллекции, и краткую информацию о нём пока можно почерпнуть только в сети. Альбом в последний раз появился на аукционе Christie's в 2012 году и был продан снова в частную коллекцию.

Таким образом, в настоящее время известны девять альбомов герцога:

1. Версаль, 1711. Библиотека Академии наук, СПб.
2. Уарон, 1713. Bibliothèque nationale de France, Paris.
3. Марли, [1713]. Библиотека Академии наук, СПб.
4. Антен, 1717. Bibliothèque nationale de France, Paris.
5. Монтеспан, [1717]–1719. Service historique de la Défense, Paris.
6. Гондрен, [1717]–1720. Service historique de la Défense, Paris.
7. Версаль, 1720. Musée national du château de Versailles, Versailles.
8. Гарон, [1730]. Частная коллекция.
9. Пти-Бур, 1730. Bibliothèque nationale de France, Paris.

Некоторая странность всех этих поисковых мероприятий связана с одним обстоятельством, которому у меня нет объяснения. После смерти герцога в 1736 году одним парижским книготорговцем был составлен достаточно подробный и обстоятельный инвентарь герцогской библиотеки. Этот инвентарь опубликован[3]. Однако в нём нет ни единого упоминания об альбомах, они не числятся там даже в качестве манускриптов. Поэтому невозможно сказать, сколько всего имелось у герцога таких альбомов. И не исключена вероятность появления на аукционах ещё каких-нибудь подобных образцов его увлечения.

Но ответ на мой вопрос, была ли во Франции традиция таких альбомов — которые, с одной стороны, представляют собой предмет роскоши и показатель престижа владельца, а с другой — являются чем-то вроде

---

[1] См.: Bibliothèque nationale de France. RA 2014 — Rapport sur les acquisitions patrimoniales remarquables. Version du 26 mai 2015. № 3.5. — en ligne.

[2] Livre des vues et plans des villes de Bordeaux, Lanon, Toulouse, Montauban, du cour et des environs de la Garonne depuis Lormont au dessous de Bordeaux jusque au dessus du Castel Leon dans la vallée Daran... S. d. [vers 1730].

[3] *Jugie S.* «Le duc d'Antin ou le parfait courtisan»: réexamen d'une réputation // Bibliothèque de l'école des chartes, 1991, tome 149, livraison 2, pp. 349–404. Inventaire: p. 376–404.

документа о собственности, — видимо, следует считать отрицательным. Не было такой традиции. Все известные альбомы, включая подарки королю, являются продукцией бюро рисовальщиков королевских резиденций. Герцог д'Антен в силу своего служебного положения просто пользовался кадровыми ресурсами подведомственного ему учреждения. У прочих жителей французского королевства таких возможностей не было. Так что явление вполне уникальное.

Елена Субботина

«СЛОВО О СВОЙСТВАХ И ПОЛЬЗЕ РАСТЕНИЙ» П.Д. ВЕНЕВИТИНОВА

К истории одного конволюта из библиотеки М.Н. Лонгинова

В фонде русской редкой книги Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится редкий конволют[1] XVIII века. Как следует из записи в инвентарной книге, он поступил в музей в 1957 году из отдела Библиотеки Академии наук (БАН) при Институте русской литературы (ИРЛИ).

Это экземпляр в обиходном полукожаном переплёте. Общее название конволюта, данное, очевидно, самим владельцем, «Слова и речи», вытиснено золотом на корешке. Все аллигаты, входящие в его состав, перечислены на переднем форзаце ***(см. Приложение в конце статьи)***. Надпись сделана аккуратным почерком орешковыми чернилами. Начало каждого аллигата отмечено закладкой, а в некоторых местах дополнительно вложены рукописные карточки с библиографическим описанием изданий, включённых в конволют. На обороте карточек — фиолетовый штамп: «Из библиотеки М.Н. Лонгинова».

Штамп указывает, что книга происходит из библиотеки Михаила Николаевича Лонгинова (1823–1875), известного русского литератора, мемуариста, библиографа, историка литературы и к тому же видного государственного деятеля. Такие же проштампованные карточки с библиографическим описанием вложены и в некоторые другие книги, попавшие в наш музей из этого собрания.

М.Н. Лонгинов родился в Санкт-Петербурге в 1823 году в семье крупного чиновника, статс-секретаря Николая Михайловича Лонгинова. Михаил получил прекрасное воспитание: учился в Александровском Царскосельском лицее, а по его окончании поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1847 году. Затем его карьера складывалась достаточно успешно. В 1867 году он был назначен губернатором в Орёл, а в 1871-м получил назначение на должность начальника Главного управления по делам печати, то есть главного цензора России. Этот пост Лонгинов занимал

[1] Конволют — сборник, составленный из ранее самостоятельно изданных произведений печати (или рукописей), переплетённых в один том.

четыре года до своей смерти и проявил себя как резкий консерватор, заслужив неодобрение и порицание как среди чиновников, так и среди литераторов и бывших друзей.

Нас же в первую очередь интересует деятельность Лонгинова как библиографа. «Вы — отец и командир всей пишущей… братии нашей. Трудолюбивый, неутомимый изыскатель по русской части биографической и библиографической, вы всё прочуяли, переведали, пересмотрели, до всего добрались и продолжаете добираться… Всеведение и память ваша изумительны», — писал Лонгинову Пётр Андреевич Вяземский[1]. В 1850-х годах Лонгинов был близок к кружку «Современника», на страницах которого он опубликовал много статей о своих книжных находках и рукописях.

Труды Лонгинова в основном посвящены забытым и второстепенным русским писателям XVIII — начала XIX века. Особая заслуга его состоит в том, что он первый упомянул о произведениях, о которых до тех пор почти не было известно и не говорилось в печати. Он писал о М.М. Хераскове, Д.И. Фонвизине, Я.Б. Княжнине, А.А. Дельвиге, Д.В. Давыдове, Ф.А. Туманском, С.Г. Домашневе, И.П. Елагине, Ф.И. Дмитриеве-Мамонове, А.В. Олешеве, Ф.А. Эмине, Е.С. Урусове, И.И. Лажечникове, П.Я. Чаадаеве и многих других. Он разыскал и опубликовал материалы для полного собрания сочинений многих русских писателей: графа Фёдора Ростопчина, баснописца Ивана Крылова, князя Ивана Долгорукова, поэтов Михаила Милонова и Евгения Баратынского. Его заметки о забытых авторах касались зачастую изданий их произведений и имели книговедческий характер. Он стал первым в русской печати автором статей о А.Н. Радищеве и Н.И. Новикове.

Свои статьи, заметки и рецензии М.Н. Лонгинов публиковал в «Современнике», «Русском вестнике», «Русском архиве», «Русской старине». Две подробные статьи Лонгинов написал о графе М.М. Сперанском[2]. Его интересовало и российское масонство. Этому вопросу он посвятил несколько исследований, а также самый значительный труд «Новиков и московские мартинисты», вышедший отдельным изданием

---

[1] Русский биографический словарь. Т. 10: Лабзина — Ляшенко. СПб., 1914. С. 631.

[2] *Лонгинов М.Н.* Граф Сперанский // Русский вестник. 1859. Т. 23. Октябрь. Кн. 1–2. С. 337–378, 527–571; *Лонгинов М.Н.* Несколько дополнительных слов о графе Сперанском // Русский вестник. 1860. Т. 27. Июнь. Кн. 1. С. 473–478.

в Москве в 1867 году. Библиографические работы Лонгинова актуальны и сегодня и представляют особую ценность как собрание редкого фактического материала.

Несомненно, очень ценны и мемуары Лонгинова. Он был хорошо знаком с целым рядом русских литераторов первой величины и оставил о них интересные воспоминания, написанные к тому же живым и острым языком.

Библиотека М.Н. Лонгинова, откуда происходит наш конволют, состояла почти сплошь из русских книг. В октябре 1854 года Г.Н. Геннади записал в своём дневнике: «Познакомился с М.Н. Лонгиновым. У него славная русская библиотека»[1]. В лекциях С.П. Шевырёва по истории русской словесности было дано общее описание этой библиотеки: «Самый богатый отдел составляют полные собрания сочинений в стихах и прозе разных авторов. Здесь не забыты и самые плохие писатели, а образцовые, начиная от Ломоносова до Гоголя и Аксакова, собраны во всех, по возможности, изданиях или, по крайней мере, большей части их. Сюда относятся превосходные экземпляры изданий как полного собрания сочинений, так и отдельных произведений почти всех русских писателей. Альманахи и разные сборники разных авторов представляют также полноту желанную. Русские журналы и главные литературные газеты — довольно полное и редкое собрание… Остальные книги содержания преимущественно исторического, биографического (особенно о XVIII и XIX веках) и библиографического. Классические книги по разным предметам дополняют библиотеку. Небольшое собрание различных масонских книг составляет замечательную редкость»[2]. Это было написано в 1859 году, а библиотека продолжала пополняться и в следующие годы.

В собрании М.Н. Лонгинова были и редкие издания: книги, истреблённые по тем или иным причинам самими авторами, запрещённые или уничтоженные цензурой. Лонгинов получал от авторов книги с дарственными надписями, и в библиотеке было много автографов выдающихся русских литераторов: Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, П.Я. Чаадаева, К.С. и С.Т. Аксаковых и других.

Библиотека М.Н. Лонгинова — ценнейшая коллекция книг по истории русской литературы и журналистики XVIII–XIX веков — является

[1] Цит. по: *Равич Л.М.* Г.Н. Геннади (1826–1880). М., 1981. С. 21.
[2] Цит. по: *Степанов А.Н.* У книг своя судьба. Л., 1974. С. 65–66.

исключительно цельным и стройным подбором книг по интересовавшим собирателя вопросам[1].

Издания из библиотеки М.Н. Лонгинова, как правило, снабжены примечаниями, дополнениями, справочными материалами, заметками уточняющего характера (раскрытие имён авторов анонимных произведений и псевдонимов, история издания, биографические сведения об авторе и прочее), имеют пометы, комментарии. Отличительной особенностью библиотеки было и наличие каталога, составленного самим владельцем.

Библиотека сохранилась благодаря дочери Лонгинова Александре Михайловне Козловской. В 1890-е годы она перевезла библиотеку отца в село Ивановское Клиновского уезда недалеко от Москвы, где сама проживала. Для размещения книг к дому было пристроено особое помещение и заказаны специальные шкафы. Для составления научного описания отцовского собрания Александра Михайловна пригласила известного библиографа П.К. Симони. В основной части библиотеки оказалось примерно шесть тысяч названий.

В 1916 году А.М. Козловская решила передать и книги отца, и свою библиотеку в Пушкинский Дом. В 1920–1921 годах собрание Лонгинова было перевезено в Петроград и размещено в библиотеке Пушкинского Дома, где оно находится и в настоящее время. Библиотека хранится в отдельных шкафах[2] и сопровождена рукописной описью, занимающей шесть альбомов большого формата.

Конволют, поступивший из ИРЛИ во Всероссийский музей А.С. Пушкина, состоит из 14 аллигатов, самый ранний из которых датирован 1750-м, а самый последний — 1814 годом. Большая часть изданий относится к 1760-м годам. Это слова, речи, рассуждения хвалебного, нравоучительного, религиозного и научно-популярного характера. Переплетены они по хронологии, от самых ранних к более поздним.

Открывает конволют «Слово о том, что житие наше на небесех, инако и ждатися и показоватися не может, аще не добродетельным на земли житием», сказанное духовным писателем, архиепископом Санкт-Петербургским и Шлиссельбургским Сильвестром (в миру Симеон Петрович Кулябка (1701/1704–1761) 30 августа 1750 года в Троицком

---

[1] О библиотеке М.Н. Лонгинова см.: *Степанов А.Н.* У книг своя судьба. С. 61–76; Собиратели книг в России. М., 1988. С. 220–263.

[2] Исключение составляют журналы и альманахи, влитые в соответствующие фонды библиотеки Института русской литературы (ИРЛИ).

Александро-Невском монастыре. «Слово» напечатано кириллицей. Архиепископ Сильвестр был знаменитым богословом, ученики называли его не иначе как «aureus benedicendus magister», то есть «златоблагословенный учитель». Поучения его отличались строгой рассудительностью и нравоучительностью, тринадцать из них были напечатаны[1]. Архиепископ от природы отличался ораторским красноречием, умея при этом говорить просто и душевно.

Два произведения принадлежат перу Степана Яковлевича Румовского (1734–1812), астронома и математика, одного из первых русских академиков, научные труды которого касались астрономии, геодезии, географии, математики и физики. Много усилий С.Я. Румовский тратил на преподавание: написал учебник «Сокращения математики» (1760), участвовал в составлении первого издания «Словаря Академии Российской». В конволюте представлены его «Изъяснение наблюдений по случаю явлений Венеры в Солнце в Селегинске учинённых» (1762) и «Речь о начале и приращении оптики до нынешних времён» (1763).

Тему физики продолжают «Рассуждение о стёклах различно свет преломляющих» (1763) Иоганна Эрнеста Цейгера (1725–1802), немецкого механика и физика, доктора медицины, почётного члена Петербургской академии и профессора чистой математики в Виттенбергском университете, и «Рассуждение о воздушных явлениях» (1763) Франца Ульриха Теодора Эпинуса (1724–1802).

Эпинус, физик, астроном и математик, действительный член Петербургской академии наук, немец по национальности, происходил из семьи учёных. Учился в Ростокском и Йенском университетах. В 1755 году по приглашению Леонарда Эйлера стал профессором астрономии в Берлинском университете, директором Берлинской обсерватории и членом Прусской академии наук. В 1756 году, также по рекомендации Л. Эйлера, был приглашён в Петербургскую академию наук на должность профессора физики, которую и занимал до 1764 года. Преподавал в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе и в Морском кадетском корпусе. В 1764 году был назначен преподавателем физики и математики наследника престола Павла Петровича, для которого написал «Краткое понятие о физике для употребления… князя Павла Петровича», считающееся первым русским учебником начального естествознания.

[1] Русский биографический словарь. Т. [18]: Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904. С. 445.

В сборнике Ф. Головкина «Двор и царствование Павла I» можно найти такие воспоминания: «У нас в России жил один старик… Эпинус, прикомандированный сначала к делу воспитания… Павла, а затем к департаменту иностранных дел, где ему поручалась работа с шифрами. Под очень простою внешностью это был умный человек, отличный математик и физик, настоящий философ и величайший любитель ходить пешком. Екатерина II его очень ценила и воспользовалась случаем при учреждении учительских семинарий, чему он много содействовал, чтобы наградить его орденом Св. Анны»[1].

Благодаря стараниям Лонгинова-собирателя в одном конволюте соединились два следующих произведения: «Слово о действии воздуха в человеке и путях, которыми в него входит» (1766) Семёна Герасимовича Зыбелина (1735–1802) и «Слово о свойствах и пользе растений» (1767) Петра Дмитриевича Вениаминова (1737–1775).

Зыбелин и Вениаминов вместе учились в Славяно-греко-латинской академии, из которой в 1755 году поступили в Московский университет, вместе слушали лекции у одних и тех же профессоров: по русской и латинской словесности — у профессора Поповского, по арифметике и геометрии — у профессора Барсова, по логике, метафизике и нравоучительной философии — у профессора Фромана и по естественному, общенародному, римскому праву и всеобщей истории — у профессора Дильтея.

Будучи студентами, оба преподавали в университетской гимназии: Зыбелин преподавал латинский язык, а Вениаминов — греческий. В июле 1758 года по приказу И.И. Шувалова вместе были отправлены за границу для «дальнейшего усовершенствования в науках, преимущественно врачебных»[2]. Сначала они обучались в Кёнигсбергском университете, где слушали философию, математику, экспериментальную физику, а затем анатомию, практическую медицину, физиологию, патологию, ботанику, химию и хирургию. В 1763 году Вениаминов и Зыбелин приехали в Лейденский университет, где продолжили медицинское образование. В Лейдене они посещали Лейденский ботанический сад. В 1764 году защитили диссертации на степень доктора ме-

---

[1] *Головкин Ф.* Двор и царствование Павла I. М., 2003. С. 114–115.

[2] Русский биографический словарь: Дополнительные материалы в 8 томах к Русскому биографическому словарю. Т. [5]: Вавила — Витгенштейн. М., 2000. С. 461.

дицины: Зыбелин на тему «De saponibus medicis nativis ex triplici regno naturae petitis» («О естественных целебных мылах, добываемых из трёх царств природы»), а Вениаминов — «Dissertatio medicum homiciduam adum brans» (о медике-убийце — разбор случаев, когда лечение может стать причиной смерти больного). После этого Зыбелин отправился в Берлин, а Вениаминов остался в Лейдене и занялся повторением прослушанных курсов. В 1765 году оба вернулись в Россию и выдержали экзамен, состоявший из пробной лекции и устных испытаний по предметам медицины и естественной истории. Вениаминов был назначен экстраординарным профессором и в 1766 году начал преподавать на медицинском факультете ботанику с гербаризацией в летнее время, чем положил начало созданию гербария Московского университета. Кроме этого, он читал химию и практическую медицину. Зыбелин преподавал различные медицинские предметы на русском языке и был известен как один из лучших лекторов. За преподавание на русском языке и за разработку анатомических терминов получил звание академика. В 1768 году Зыбелин и Вениаминов были произведены в ординарные профессора. В дальнейшем оба имели врачебную практику: Зыбелин 15 лет состоял бесплатным врачом при университетской больнице, а Вениаминов был известен как прекрасный московский врач. Вениаминов неоднократно выступал с речами на публичных собраниях Императорского московского университета, из них опубликованы: «Слово о свойствах и пользе растений» (1767), «Слово о постах как о средстве предохранительном от болезней» (1769) и «Слово похвальное Всепресветлейшей Державнейшей Великой государыне Екатерине Алексевне» (1773).

«Слово о свойствах и пользе растений», входящее в конволют, П.Д. Вениаминов начинает с традиционного предисловия и хвалебно-благодарственного обращения к Екатерине II. Далее он рассматривает понятие о растении. Растение «есть тело живущее, которое питательный сок, как, во-первых, от земли, так и отовсюду почерпает, соединяющееся с поверхностью земли или опирающееся на другие подобные либо неподобные тела». Вениаминов развивает идею о сходстве растений и животных, поскольку растения «зачинаются, оживляются, рождаются, помалу растут, в совершенный возраст приходят, через всю жизнь свою потребною пищею подкрепляются и через то прибавляются или обновляются, ослабевают, увядают, умирают, тленью подвергаются». И всё это сходно с жизнью человеческой и прочих животных. При этом растения

имеют свои собственные органы, а именно «сосудцы» для вхождения воздуха, жидкости, а также для перемещения жидкостей по всем частям растений и для превращения их в питательный сок. При размножении растения превосходят животных, поскольку «не только через семена, но иногда через листья, ветки и корни умножаются, что в животных по сие время ещё не примечено». Но растения всё же несовершенны, поскольку «все движущиеся твари снабжены чувством и самопроизвольным движением». Правда, растения, по мнению Вениаминова, всё же имеют некоторые чувства: они реагируют на восход и заход солнца, на плохую погоду, дождь. Что же касается пользы растений, то она столь «многоразлична и многочисленна», что даже «красноречием преисполненный Цицерон описывать оную подробно не в состоянии». В первую очередь, польза для человека состоит в том, что во время цветения «лучший и полезнейший для сохранения нашего здравия примечается воздух». А также «какое увеселение и какое облегчение в чувствах ваших производится тогда, когда при дышущем зефире на зеленеющих лугах гуляете, когда входите в покрытые листвием рощи, где при тихом и приятном шуме многообразные поющих птиц повсюду слышны гласы». Цветами мы украшаем себя и ещё наслаждаемся «плодами вкусу нашему приятными». Врачи получают из растений «лучшие, действительнейшие, сроднейшие и безопасные лекарства человеку». За счёт растений мы питаемся, подкрепляемся всякий день, согреваемся во время холода, они всячески поддерживают нашу жизнь. Заканчивает своё слово Вениаминов обращением к музам, которые должны достигать совершенства в науках и преуспевать в знаниях, чего желает от них Государыня. Слово было произнесено в публичном собрании Московского университета 23 апреля 1767 года на день рождения Екатерины II.

В конволют входят ещё несколько «Слов», обращённых к императрице. Шестнадцать лет спустя, так же на день рождения Екатерины II, 22 апреля 1783 года, Михаил Иванович Скиадан (?–1802), профессор медицинского факультета Московского университета, произнёс на латыни речь об истинном назначении врача. А Дмитрий Сергеевич Аничков (1733–1788), философ-просветитель, логик, публицист и профессор Московского университета, прочитал «Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих». Отметим, что Аничков учился в Московском университете в те же годы, что и Зыбелин с Вениаминовым, слушал лекции у тех же профессоров и даже начал препо-

давать в университете в то же время, что и они. Аничков читал лекции по математике, философии, логике и этике. С 1762 года в течение почти двадцати лет он работал над созданием русских математических учебников и издал более десяти книг по арифметике, алгебре, геометрии, фортификации. Д.С. Аничков был плодовитым писателем: им было создано множество философских статей, трудов по теории познания и логике. К сожалению, его неопубликованные работы и вся библиотека погибли при пожаре в середине 1780-х годов.

На латыни написана речь ещё одного профессора Московского университета — Ивана Акимовича (Иоганна Иоахима Юлиуса) Роста (1726–1791). Он преподавал в университете математические дисциплины, геодезию и геометрию подземную, механику с гидравликой и гидростатикой, основания гражданской архитектуры и горного дела, экспериментальную физику; обладал прекрасными лингвистическими способностями — знал латинский, греческий, французский, немецкий, английский, голландский, итальянский и испанский языки. В 1788 году Рост начал издавать первый московский журнал по естественным наукам — «Магазин натуральной истории, физики и химии».

Екатерине посвятили свои сонеты Иосиф Черретезий де Пацци и неаполитанская писательница Елеонора Фонсека де Пиментель (1751–1799), известная своими поэтическими произведениями, а также научными трудами в области юриспруденции и экономики.

К следующему императору, Павлу I, обращено «Слово на всевожделеннейшее и всерадостнейшее коронование всепресветлейшаго, державнейшаго государя императора и самодержца всероссийскаго Павла Перваго» (1797), сказанное в Московском университете во время торжеств Фёдором Григорьевичем Баузе (1752–1812). Ф.Г. Баузе, немец по происхождению, приехал в Россию в 1773 году. По словам С.П. Шевырёва, он принадлежал «к числу тех учёных иностранцев, которых истинная любовь к науке добросовестно породнила с нашим отечеством и которые принесли нам много пользы в отношении к познанию нашей народности»[1]. Он преподавал в университете на философском, юридическом факультетах, был деканом юридического факультета, нравственно-политического отделения Московского университета, а в 1807 году был утверждён в должности ректора. Баузе

[1] *Шевырёв С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 227.

был одним из первых собирателей памятников древнерусской письменности. С момента своего приезда в Россию он стал коллекционировать древние рукописи, старопечатные книги, старинные монеты. К сожалению, большая часть того, что Баузе собирал в течение трёх десятилетий, погибла во время пожара в 1812 году. Частично сохранившийся личный архив Баузе впоследствии оказался в «Древлехранилище» М.П. Погодина.

Несколько отличается от остальных речей по своей тематике и направленности слово, сочинённое учителем риторики и греческого языка Ярославской семинарии Сергеем Предтеченским и опубликованное в Ярославле в 1786 году. Он посвятил своё слово памяти епископа Ростовского и Ярославского Афанасия, умершего в 1776 году. Епископ Афанасий прославился строительством храмов. Ещё будучи архимандритом, в 1756 году он начал строительство храма во имя Святой Троицы в Троице-Сергиевской Приморской пустыни. А в 1771 году им был построен на собственные средства холодный храм в Варницком монастыре.

Завершает конволют произведение, относящееся уже к первой четверти XIX века, — «Храм бессмертия: Пролог мелодрамою», написанное Алексеем Михайловичем Пушкиным (1771–1826), двоюродным дядей А.С. Пушкина.

А.М. Пушкин был известен как переводчик драматических произведений, талантливый актёр-любитель и один из широко образованных, культурных людей своего времени. Он принимал деятельное участие в жизни петербургского и московского высшего общества, был дружен с П.А. Вяземским, В.Л. Пушкиным, А.И. Тургеневым, К.Н. Батюшковым, И.И. Дмитриевым и многими другими. Пушкин был также учредителем и первым секретарём Московского общества сельского хозяйства, однако не сыграл значительной роли в его работе: светская жизнь интересовала его куда больше. Алексей Михайлович пробовал писать стихи. Его пролог в стихах «Храм бессмертия» был поставлен на большом торжестве, устроенном в Москве в доме Полторацкого по случаю взятия Парижа. По поводу этого пролога Н.М. Карамзин писал в одном из писем к И.И. Дмитриеву: «Он скромный стихотворец и позволил нашему князю Вяземскому марать без милосердия его пролог: вышло, что ты читал, не хорошее, но сносное»[1].

[1] Цит. по: Русский биографический словарь. Т. [15]: Притвиц — Рейс. СПб., 1910. С. 295.

Таким образом, благодаря библиографическим разысканиям М.Н. Лонгинова в одном конволюте соединились редкие издания XVIII века; тираж многих из них не превышал 400 экземпляров. Большинство произведений были написаны профессорами Московского университета и Императорской академии наук. Эти слова и речи произносились на публичных собраниях, иногда по случаю каких-либо торжеств: на дни рождения императрицы, по случаю коронования, зачастую при высочайшем присутствии правящего монарха. Несомненно, владелец переплёл их вместе не случайно. Об этом говорит подбор произведений по темам и авторам, а также то, что они расположены в конволюте в соответствии с хронологией выхода в свет. Лонгинов внимательно изучал эти работы: на полях и в тексте мы находим пометы, подчёркивания.

Всего в отделе книжных фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина на сегодняшний день выявлено 12 книг из библиотеки М.Н. Лонгинова. Большая часть из них поступила из ИРЛИ в 1954 и 1957 годах, одна книга — из Российской национальной библиотеки (РНБ) в 1967 году, одна происходит из библиотеки известного библиофила В.А. Крылова[1]. Книга из крыловского собрания также представляет собой конволют, составленный из произведений самого Лонгинова с его пометами и вплетёнными листами. На некоторых книгах есть дарственные надписи, во многие вложены карточки с библиографическим описанием и штампом, на одной есть экслибрис Лонгинова, на котором в декоративной рамке с виньетками отпечатано «Библиотека М.Н. Лонгинова»[2]. Книги требуют дополнительного изучения. Со временем их количество может увеличиться за счёт выявления новых, ранее неучтённых экземпляров.

---

[1] Собрание В.А. Крылова. 2013. № 831, 868–870.

[2] *Богомолов С.И.* Российский книжный знак. 1700–1918. М., 2010. С. 458. № 8729.

Приложение

Аллигаты, входящие в состав конволюта из библиотеки М.Н. Лонгинова

1. **Сильвестр (архиепископ (Симеон Петрович Кулябка); 1701/1704–1761).**

Слово о том, что житие наше на небесах, инако и ждатися и показоватися не может, аще не добродетельным на земли житием. В высочайшее присутствие Ея Императорскаго величества благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея Императрицы Елисаветы Петровны всея России, и наследника Ея, внука Петра Перваго, благовернаго государя великаго князя Петра Федоровича, сказанное светейшаго правительствующаго синода членом преосвещенным Сильвестром архиепископом Санктпетербургским и Шлютелбургским, и архимандритом Троицкаго Александроневскаго монастыря. В том же Троицком Александроневском монастыре 1750 года, августа 30 дня. — М.: Печатано в Московской типографии, 1750. — [2] с., 10 л.; 4°.

2. **Румовский, Степан Яковлевич (1734–1812).**

Изъяснение наблюдений по случаю явлений Венеры в Солнце в Селегинске учиненных, читанное в публичном собрании Императорской Академии наук сентября 23 дня 1762 Академии наук адъюнктом Степаном Румовским. — [СПб., 1762]. — 24 с.; 4°.

Из кн.: Торжество благополучно совершившагося в Москве коронования и миропомазания благочестивейшия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския, отправленное Императорскою Академиею наук в публичном собрании сентября 23 дня 1762 года. — Печатано в Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, [1762]. — [2], 18, 37, 24 с.: ил.; 4°.

СК XVIII 7286.

3. **Цейгер, Иоганн Эрнест (1720–1784).**

Рассуждение о стеклах различно свет преломляющих, При высочайшем присутствии ея императорскаго величества Екатерины Вторыя, императрицы и самодержицы всероссийския и прочая, и прочая,

и прочая. Говоренное в публичном собрании Императорской Академии наук июля 2 дня 1763 года Иоганом Эрнестом Цейгером, медицины доктором и Академии наук механики профессором. Переведено с немецкаго языка. — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, [1763]. — 13 с.; 4°.

СК XVIII 8091. СК XVIII. Доп. С. 125.

4. **Эпинус, Франц Ульрих Теодор (1724–1802).**

Разсуждение о воздушных явлениях, При высочайшем присутствии ея императорскаго величества Екатерины Вторыя императрицы и самодержицы всероссийския и прочая, и прочая, и прочая читанное в публичном собрании Императорской Академии наук июля 2 дня 1763 года Фр. Ульр. Теод. Эпинусом, коллежским советником, ординарным оной Академии членом, директором наук в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, и членом Берлинской, Стокгольмской и Эрфуртской академий. Переведено с немецкаго языка. — Печатано в Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, [1763]. — 16 с.; 4°.

СК XVIII 8654. СК XVIII. Доп. С. 126.

5. **Румовский, Степан Яковлевич (1734–1812).**

Речь о начале и приращении оптики, до нынешних времен, При высочайшем присутствии ея императорскаго величества Екатерины Вторыя императрицы и самодержицы и прочая, и прочая, и прочая говоренная в публичном собрании Императорской Академии наук июля 2 дня 1763 года астрономом и профессором экстраординарным Степаном Румовским. — Печатана в Санкпетербурге: При Императорской Академии наук, [1763]. — [2], 26 с.; 4°.

СК XVIII 6203.

6. **Зыбелин, Семён Герасимович (1735–1802).**

Слово о действии воздуха в человеке и путях, которыми в него входит, В публичном собрании Императорскаго Московскаго университета на высокоторжественный день возшествия на всероссийский престол ея императорскаго величества, всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, говоренное онаго ж Университета медицины доктор-

ом Семеном Зибелиным июня 30 дня, 1766 года. — [М.]: Печатано при Императорском Московском университете, 1766. — 24 с.; 4°.

СК XVIII 2390.

7. **Вениаминов, Пётр Дмитриевич (1737–1775).**

Слово о свойствах и пользе растений, В публичном собрании Императорскаго Московскаго университета на высочайший день рождения ея императорскаго величества, всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, говоренное онаго ж Университета медицины доктором Петром Вениаминовым апреля 23 дня, 1767 года. — [М.]: Печатано при Императорском Московском университете, [1767]. — 18 с.; 4°.

СК XVIII 911.

8. **Три сонета, на италианском языке, и при них епиграмма на латинском,** полученныя из Италии сего февраля 1 дня, и переведенныя на российский язык. — [Москва]: Печатаны при Императорском Московском университете, 1775. — [12] с.; 4°.

Текст сонетов парал. на итал. и рус. яз. Текст эпиграммы на лат. яз.

Авт. указаны в тексте: сонетов 1–2 — Иосиф Черретезий де Пацци, сонета 3 — Елеонора де Фонсека Пиментель.

9. **Rost, Johann Joachim Julius (1726–1791).**

Sermo de commodis in Russia contra incendiorum furorem adminiculis, quo augustissimae et potentissimae dominae Catharinae II. imperatricis et autocratoris omnium Rossiarum etc. regiminis auspicia d. 28 Junii feliciter inchoata in solemni Universitatis Caesareae Moscvensis annua celebritate mente devotissima recolit Johannes Joachimus Julius Rost collegior. consiliar. mathes. adplicat. ac physic. P.P.O. — Moscvae [Moskva]: Typis Universitatis Caesareae Moscvensis, 1774. — 30 с.; 4°.

СК XVIII (ин.) 2401.

10. **Skiadan, Mihail Ivanovič (?–1802).**

Dissertatio de verinominis medico, incipiente, ubi physicus, ac praesertim naturae humanae consultus, desinit. in festo natali augustissimae monarchae magnae dominae Catharinae II totius Russiae

imperatricis et autocratoris cet. Ab Universitate Caesareo-Mosquensi, die 22. Aprilis 1773. summa devotione celebrando recitata a Michaele de Skiadan collegiorum assessore et Ph. ac M.D.&Pr.P.O. — Mosquensis: Impressaest in Typographia Universitatis Caesareo-Mosquensis apud N. Nowikow, 1783. — 17 с.; 4°.

СК XVIII (ин.) 2646.

11. **Аничков, Дмитрий Сергеевич (1733–1788).**

Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих. На высокоторжественный и всерадостный день рождения ея императорскаго величества, всепресветлейшия державнейшия великия государыни Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийския, премудрыя законодательницы и истинныя матери отечества, Говоренное в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета апреля 22 дня, 1783 года коллежским ассессором, логики, метафизики и математики чистой публичным ординарным профессором, и Вольнаго Российскаго собрания, при том же Университете членом, Дмитрием Аничковым. — В Москве: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1783. — 26 с.; 4°.

СК XVIII 176.

12. **Предтеченский, Сергей.**

Слово похвальное блаженныя памяти преосвященнейшему Афанасию епископу Ростовскому и Ярославскому, / Сочиненное Ярославской семинарии риторики и греческаго класса учителем Сергеем Предтеченским. — Ярославль, 1786. — 34 с.; 4°.

СК XVIII 5632.

13. **Баузе, Фёдор Григорьевич (1752–1812).**

Слово на всевожделеннейшее и всерадостнейшее коронование всепресветлейшаго, державнейшаго государя императора и самодержца всероссийскаго Павла Перваго, При торжестве в Императорском Московском университете говоренное на латинском языке Феодором Баузе, ученой истории и педагогии профессором п[убличным] о[рдинарным] Экономическаго Петербургскаго и Латинскаго Енскаго общества членом. На российской язык переведенное профессором философии п[убличным] экстр[аординарным] Учительскаго института

инспектором, греческих и латинских классов ректором Павлом Сохацким. — Москва: В Университетской типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. — 19 с.; 4°.

СК XVIII 422.

14. **Пушкин, Алексей Михайлович (1771–1826).**

Храм бессмертия. Пролог мелодрамою. — Москва: в Университетской типографии, 1814. — 16 с.; 27 см.

Урве Ая

ФИТОТЕРАПИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОСЛОВИЦ: СОВЕТЫ И ЗАПРЕТЫ

Лечение травами, или фитотерапия, используется людьми с давних времён. Сборники, составленные практикующими целителями, так называемые травники или траве(я)ники[1], описывают лечебные травы и зелья, их применение и действие. Советы народной медицины находят отражение и в пословицах, выражающих мысль о ценности здоровья, передающих рецепты по профилактике и лечению болезней, отрицательное или пессимистическое отношение к лечению, лекарям и аптеке вообще.

Одной из книг, в которой передаются сведения о лекарственных растениях и их применении при лечении болезней, является сборник немецкого врача Себастьяна Кнейппа (Sebastian Kneipp) «Meine Wasser-Kur». Книга вышла в свет на эстонском языке в 1895 году в Вейсенштейне (ныне город Пайде, Эстония) под названием «Uus tohter» (буквально: «Новый доктор»)[2]. В предисловии издатель указывает на то, что эта «книга… подготовлена именно для убогих или бедных по имуществу людей, у кого для оплаты за труды врача и для покупки лекарства из аптеки нет сил. Во-вторых, и тем членам крестьянского народа, которые живут далеко от учёных докторов, тем более, если живут в лесу или около болот, откуда и не выбраться каждый раз. Всем богатым, однако, надо дать тот совет, чтобы они… не забыли бы учёного и живого врача, потому что он настоящий доктор, поскольку книга только помощником может служить»[3].

Домашней аптеке и содержащимся в ней лекарственным травам автор отводит целую главу. По каждому растению приводится информация о том, где его можно найти: так, например, алоэ, анис, сандаловое дерево покупаются в аптеке, агаву «можно увидеть у любителей цве-

---

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: Р–Я. М.: РИПОЛ-Классик, 2006.

[2] *Kneipp S.* Uus tohter: Õpetused, kudas inimesed igasugu haiguseid aurutamistega, vee-vannitustega, peale valamistega, märja-mähitustega j.n.e. kui ka oma korjatud rohtudega arstida võivad. Печатано в типографии Зейдельберга, в Вейсенштейне, 1895.

[3] *Kneipp S.* Uus tohter. С. 3. (Перевод с эстонского У. Ая.)

тов на окне», мяту и шалфей «каждая прилежная хозяйка выращивает в саду», а цветы зверобоя или ягоды можжевельника можно без труда собрать самим. Автор рассматривает в общей сложности 55 наименований лечебных растений, масел или порошков, которые можно использовать для изготовления лекарства в домашних условиях. Из приведённых трав 23 вида нужно собирать в лесу, на поляне или в болоте, а четыре — выращивать в саду.

Из перечисленных автором лекарственных растений восемь находят отражение в эстонских пословицах; их упоминание связано как с прямым значением, то есть с передачей знаний о влиянии трав на здоровье человека, так и с производным лексическим значением слов.

Согласно эстонским пословицам, особенно эффективными средствами лечения являются валериана и можжевельник, которые лечат от девяти недугов: «Kadakamari olevat üheksa haiguse vastu» (буквально: «Можжевеловая ягода от девяти недугов»), «Palderjan olevat üheksa tõve vastu»[1] (буквально: «Валериана от девяти недугов»). Кнейпп также высоко оценивает их значение, указывая, что корень валерианы снимает головную боль, судороги и способствует выделению газов, а можжевеловому дыму приписывается способность предохранять от любых инфекционных заболеваний; ягоды же лечат от болезней почек, печени и желудка.

Название «можжевельник» в русских пословицах не встречается. Однако среди земледельческих примет в словаре В.И. Даля говорится, что если можжевельник зацветает — пора сеять ячмень[2]. Можжевел, или можжевельник, описывается здесь как кустарник, которым «посыпают путь при похоронах, а ягодами его курят», но также отмечается другое имя можжевельника — верес. В характеристике растения В.И. Даль указывает на частое, по отношению к можжевельнику, или вересу[3], ошибочное употребление названия «вереск». Действительно, например, в своём знаменитом «Словаре поморских и специальных слов и выражений» Борис Викторович Шергин приводит слова «вереск» и

[1] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad I. 1–5000. Tallinn: Kirjastus «Eesti Raamat», 1980. Lk. 532.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. С. 346.

[3] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. С. 240.

«верес» как синонимы можжевельника[1]. Упоминание вереска встречаем в пословице «Вереск да осина — чёртова лесина»[2], указывающей на народные представления об этих деревьев как дьявольских, проклятых. Считали, что в местах, где растёт осина, вьются черти и ходить там небезопасно. В народной медицине (в славянской культуре) осину применяли в качестве нечистого дерева, на которое могла быть перенесена любая болезнь[3].

На эстонском языке в названиях этих растений присутствует лишь частичное звуковое сходство (kadakas — можжевельник/верес, kanarbik — вереск). Что же касается культурологического контекста, то можжевельник считается священным растением, имеющим магическую силу. Он был эффективным средством не только от различных болезней, но также и от сглаза, злых духов, домовых и дьявольских сил. При этом важную роль играла магия чисел. В эстонской традиции можжевельник необходимо было собирать на границе трёх волостей, с земли трёх помещиков, отломать надо было три ветки с трёх кустов. На волшебную силу и своеобразие растения указывает и «крестный знак» на можжевеловой ягоде[4]. Отметим, что в эстонской лингвокультуре цифра девять чаще всего связана с колдовскими действиями. Так, например, на острове Муху известен обряд, когда девушки, для того чтобы во сне увидеть своего суженого, должны были на Яанову ночь (Яанов день — jaanipäev — отмечается 24 июня) поставить под постель посуду с холодной водой, а перед сном съесть девять салак, тогда ночью будущий муж придёт поить водой[5].

Использование числительных для указания силы действия лекарственных растений характерно для многих эстонских пословиц. Так, наряду с валерианой и можжевельником упоминается также папоротник:

---

[1] *Шергин Б.В.* Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий // Шергин Б.В. Древние памяти: Поморские были и сказания / вступ. статья А. Налепина; сост. и науч. подгот. текстов Л. Шульман. М.: Художественная литература, 1989. С. 464–476.

[2] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 114.

[3] Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2002. С. 348–349.

[4] *Hiietäe M.* Kadakal on ristimärk otsas // Eesti Loodus. 1996. № 10.

[5] Rahvausundi ja muistendite andmebaas [база данных по народным преданиям и легендам]. [Электронный ресурс: http://www.folklore.ee/rehepapp/tekst.php?show=all].

«Sõnajalg aitab kaheksat seltsi taba vastu»[1] (буквально: «Папоротник поможет от семи видов болезней»). Использование числового символизма встречаем также в русских пословицах, например: «Лук от семи недугов лечит»[2], «Чеснок семь недугов изводит»[3].

Зачастую пословицы не указывают на применение растения в лечебных целях. Растения упоминаются, исходя из их вкусовых качеств или внешнего вида, для характеристики человека или ситуации. В этом отношении одним из ярких примеров является полынь — растение, известное своей горечью. Кнейпп предупреждает о едком вкусе полыни, отмечая, что «одного листочка полыни достаточно, чтобы придать горький вкус целой бутылке спирту, точно так же, как одно зёрнышко ладана наполняет благоуханием всю комнату. Это доказывает, что тинктура полыни очень крепка и должна иметь сильное действие»[4]. Со знаменитой полынной горечью сравниваются в эстонской лингвокультуре прямолинейность в общении: «Parem koirohi suus kui sapp südames»[5] (буквально: «Лучше полынь во рту, чем желчь в сердце»). В русской культуре пословицы с этим фитообразом характеризуют двуличие: «Речи как (что) мёд, а дела как (что) полынь»[6], а также семейные отношения: «Чужая жена — лебёдушка, а своя — полынь горькая»[7].

Вкусовые качества лекарств оказываются важными при оценке их действия. Согласно русской пословице, настоящее лекарство характери-

---

[1] *Kriktmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad III. 10001–15140. Tallinn: Kirjastus «Eesti Raamat», 1985. Lk. 195.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. С. 279.

[3] *Разумов А.А.* Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М.: Детгиз, 1957. С. 108, 178, 224.

[4] *Кнейпп С.* Мое водолѣченіе. Средства для излѣченія болѣзней и сохраненія здоровья. Кіевъ: Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ № 40, 1898. Репринтное издание. Киев: Малое производственное издательское предприятие «Лан», 1990. С. 159–160.

[5] *Kriktmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad I. Lk. 789.

[6] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Изд. 3-е. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. С. 137; *Соболев А.И.* Народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1956. С. 72; *Разумов А.А.* Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М., 1957. С. 96.

[7] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 287; *Танчук В.* Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986. С. 166; Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина; предисл. В.П. Аникина; сост. Ф.М. Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин. М.: Художественная литература, 1988. С. 330.

зуется именно горьким вкусом: «Противным (горьким) лечат, а сладким портят»[1]. Эстонская пословица схожего содержания конкретизирует область применения именно горьких лекарств, утверждая, что «Kibe on kõhu rohi»[2] (буквально: «Горькое — лекарство от живота»). Антитеза «горький — сладкий» встречается и в других логико-семантических группах обеих лингвокультур, и пословицы построены чаще всего на параллельных синтаксических конструкциях. Например: «Не отведав горького, не узнаешь и сладкого» (ср.: эст. «Kes kibedat kannatab, see magusat maitseb», буквально: «Кто горькое терпит, тот отведает сладкого»); «Горька работа, да хлеб сладок» (ср.: эст: «Mida kibedam töö, seda magusam leib», буквально: «Чем горче работа, тем слаще хлеб»).

Возвышенные эмоции вызывает у Кнейппа земляника, которую врач считает не столько целебным средством, сколько питательным продуктом. В начале статьи он восклицает: «Сколько радости, когда дети приносят первый пучок земляники родителям, учителю, священнику! Какое удовольствие, когда в первый раз подают на десерт освежающую землянику (с вином или без него)!» — и заканчивает описание словами: «Удивительно, право, в каком изобилии доставляет земля человекам именно этот плод. О, если бы наша благодарность и наше благоразумие были такими же, как щедрость нашего и их Создателя!»[3]

Воздействие ягод земляники, равно как и её листьев, на печень и кровь человека, столь детально описанное Кнейппом, не находит упоминания в пословицах. Здесь более важными качествами являются яркий цвет и сладкий вкус. Предупреждение об обманчивости внешнего облика передаётся пословицей «Iga punane mari ei ole mitte maasikas»[4] (буквально: «Не каждая красная ягода земляника»), однако отмечается, что именно внешние качества являются порой более значимыми: «Keige ilusamad maasikad nopitse keige varem»[5] (буквально: «Самую красивую землянику срывают раньше всего»).

В пословицах с бинарной структурой земляника противопоставляется чернике. Ягоды черники, которые, по словам Кнейппа, «любимое

---

[1] *Даль В.И.* Пословицы русского народа в двух томах. Т. 1. СПб.; М., 1879. С. 508.

[2] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad I. Lk. 667.

[3] *Кнейпп С.* Мое водолѣченіе. Средства для излѣченія… С. 133–134.

[4] *Krikmann A., Sarv I. (ред.).* Eesti vanasõnad II. 5001–10000. Tallinn: Kirjastus «Eesti Raamat», 1983. Lk. 721.

[5] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad I. Lk. 407.

лакомство резвой молодёжи» и тинктура из которой «между всеми тинктурами… главная и самая необходимая», символизируют в эстонских пословицах полностью противоположное. Здесь они указывают на чужое, далёкое, неродное: «Oma maa maasikas, muu maa mustikas»[1] (буквально: «Родная сторона — земляника, чужая сторона — черника»). В то же время с помощью компаративной формулы «Лучше…, чем…» передаётся суждение о двух ситуациях, где предпочтение отдаётся менее аттрактивному, но более близкому: «Parem oma maa mustikas kui võõra maa maasikas»[2] (буквально: «Лучше черника со своей земли, чем земляника с чужой»).

Противопоставление своего и чужого наблюдается также в пословицах с компонентом «крапива», при одном упоминании которой, как писал Кнейпп, «человека с нежными нервами жжёт». Такое отношение к растению Кнейпп считает несправедливым, указывая на его свойства для лечения лёгких, желудка, ревматизма, улучшения крови. Однако именно «неприятное ощущение розги» является тем качеством, на которое ссылаются в пословицах. Как для характеристики чужого дома или «чужой стороны» использовали образ черники, так и крапива олицетворяет именно что-то неродное: «Oma maja on kuldne pesa, võeras maja on nõgese põesas»[3] (буквально: «Свой дом — золотое гнездо, чужой дом — крапива»). В эту группу входят также пословичные тексты с явной импликативностью, имеющие симметричную структуру и обозначенные формулой «кто…, тот…». Так, например, связь между действием и его результатом видим в пословице: «Kes nõest kasvatab, see käed kõrvetab»[4] (буквально: «Кто вырастит крапиву, тот обожжёт руки»). Однако такие тексты могут быть представлены и в форме императива: «Kes palja jala käib, see ärgu külvaku nõgeseid»[5] (буквально: «Кто босиком ходит, тот пусть крапиву не сеет»). Предостережение от необдуманных, неправильных решений передаётся пословицей «Tark kana ka nõgesin palotas perse ära»[6] (буквально: «И умная курица в крапиве задницу обожжёт»).

---

[1] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad II. Lk. 526. Предполагается, что пословица является переводом финской пословицы «Oma maa mansikka, muu maa mustikka».

[2] Там же. Lk. 537.

[3] Там же. Lk. 536.

[4] Там же. Lk. 480.

[5] Там же. Lk. 599.

[6] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad III. Lk. 274.

Своеобразной травой, что встречается в пословицах, является цикорий — растение, родиной которого считается Средиземноморье. В России, как и в Эстонии, корни цикория сушили, молотили и использовали в качестве кофе. Об этом свидетельствует и словарная статья у В.И. Даля, согласно которой «цикорником» именуют человека, который копает и продаёт цикорный корень на кофе[1]. Именно об этой традиции говорится в эстонской пословице «Talomehel akan leevä jakk, saksal tsiku kohvi jakk»[2] (буквально: «У крестьянина мякина — прибавка к хлебу, у барина цикорий — прибавка к кофе»). Про «целительные соки» «против засорения желудка, для удаления излишней желчи, для очищения печени, почки и селезёнки от нездоровых веществ» в пословицах не упоминается.

В народной медицине широко известны лечебные качества дягиля лесного, или дудника. Особенно много имеется записей, свидетельствующих о его применении при зубной боли и болях в животе[3], однако Кнейпп не советует собирать дягиль людям, незнакомым с травами, «потому что они могли бы смешать его с другими, иногда ядовитыми растениями». Такое опасение не относится к животному миру, о представителях которого говорится в пословице, что «heinputk on karu kompvek»[4] (буквально: «Дудник — медвежья конфетка»).

Знахарский опыт предыдущих поколений не ограничивается приведёнными растениями. Русские национально специфические пословицы рекомендуют использовать в качестве эффективного лекарственного средства также хрен, редьку, капусту: «Хрен да редька, лук да капуста — лихого не попустят»[5] . Отмечая в пословице целебные свойства лука, эстонцы шутливо противопоставляют им другое средство физического оздоровления и воспитания: «Sibulas teeb sihest terveks, kaseoks teeb otsa kergeks»[6] (буквально: «Лук вылечивает изнутри, от берёзовой розги зад становится легче»). О капусте в эстонских пословицах говорится только с точки зрения хозяйственной культуры: здесь передаются

---

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р–Я. С. 560.

[2] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad III. Lk. 260.

[3] *Sõukand R., Kalle R.* HERBA: Historistlik Eesti Rahvameditsiini Botaaniline Andmebaas. Võrguteavik. Tartu: EKM Teaduskirjastus. [Электронный ресурс: http://herba.folklore.ee].

[4] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad I. Lk. 247.

[5] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 249.

[6] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad III. Lk. 62.

знания о посадке овоща: «Istuta kapsast, et lammas kahe tallega vahele magama sünnib» (буквально: «Сажай капусту так, чтобы овца с двумя ягнятами уместились в промежутке спать»), о процессе выращивания: «Kui kapsataimed jaanipäevaks varese suurused on, siis saab sügisel häid suuri kapsaid» (буквально: «Если к Яанову дню капуста с ворону, то осенью будут хорошие большие кочаны»), о процессе приготовления: «Kapsad-kaalid keeva vette, oad-herned külma vette» (буквально: «Капусту и брюкву в кипяток, бобы и горох в холодную воду») и о привычках употребления в пищу: «Kapsas on leiva katk»[1] (буквально: «Капуста — чума для хлеба»). Последняя из названных пословиц отражает обычай есть много хлеба с пустыми щами.

Наряду со свежей огородной капустой в русском переводе советов Кнейппа приводится также полезное действие кислой капусты, имеющей особое значение именно для крестьян (её легко получить), но о ней не упоминается в эстонском сборнике. Примочки из свежезаквашенной капусты Кнейпп советует прикладывать при ожогах, ушибах, при сильном жаре, для смягчения ран[2]. Русский и эстонский переводы книги отличаются и некоторыми другими компонентами домашней аптеки. Так, например, на русском языке, в отличие от эстонского, представлены ещё такие растения, как царская свеча и терновый цвет, а в эстонском дополнительно говорится про тмин и горец.

В пословицах отдаётся предпочтение природным средствам и выражается пессимистическое отношение к лечению и лекарям. О последнем свидетельствуют такие русские пословицы, как: «Не дал Бог здоровья, не даст и лекарь»; «Усопшему мир, а лекарю пир»; «Та душа не жива, что по лекарям пошла»[3]. Отношение эстонцев к врачам отражается в пословицах «Vaese tohter on Jumal, aga rikka jumal on tohter»[4] (буквально: «У бедного лекарем Бог, а у богатого богом лекарь»), «Saun on vaese mehe tohter»[5] (буквально: «Баня — лекарь бедняка»), «Arsti käsi, Jumala abi»[6] (буквально: «Лекарская рука, (но) божья помощь»).

---

[1] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad I. Lk. 594–596.

[2] *Кнейпп С.* Мое водолѣченіе. Средства для излѣченія… С. 154.

[3] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. С. 250.

[4] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad III. Lk. 557.

[5] Там же. Lk. 38.

[6] *Krikmann A., Sarv I. (ред.)* Eesti vanasõnad I. Lk. 139.

Сегодняшнее отношение к лечению лекарственными травами как к виду нетрадиционной медицины неоднозначно. Так, мы видим, что в современных антипословицах остроумно высмеивается народная медицина, например: «Каждая трава — лекарственная, надо только подобрать под неё болезнь»[1], но также высмеивается и традиционная медицина: «От иных лекарств до сих пор нет болезней»[2].

Рассмотренный в данной статье языковой материал позволил раскрыть знания народа о лекарственных растениях и их применении, отношение людей к лечению и лекарям. На примере эстонской и русской лингвокультур были показаны сходства и различия в этой области.

---

[1] *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. С. 45.

[2] Там же.

III. Материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» «ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЩУ» (26—29 апреля 2018 года)

Любовь Козмина

КНИГА «ИСТОРИЯ АБИССИНИИ, ИЛИ ЭФИОПИИ» ИЗ БИБЛИОТЕКИ А.П. ГАННИБАЛА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Самое ценное, что пребывало в ганнибаловских поместьях, будь то в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, Суйде или Петровском, и определяло статус и положение их обладателей, — это библиотека прадеда А.С. Пушкина Абрама Петровича Ганнибала (1696–1781), которая «среди частных книжных собраний первой половины XVIII века занимала видное место»[1].

К сожалению, «хорошая», по оценке пастора Гилариуса Гартмана Геннинга[2], библиотека наперсника Петра I прекратила своё двухсотлетнее существование при пожаре в «лихие дни» 1918 года. Это произошло в усадьбе Коротовых Заречье Новоржевского уезда, куда Мария Вениаминовна Коротова-Ганнибал, дочь последнего владельца Петровского из рода Ганнибалов Вениамина Петровича Ганнибала, вывезла, согласно завещанию отца, в 1840 году всё движимое имущество.

Однако благодаря составленным А.П. Ганнибалом реестрам наименований книг, находящимся в Санкт-Петербургском филиале архива Россий-

[1] *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 271.

[2] *Прянишников Е.А.* Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье // Из коллекции редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 78

ской академии наук[1], мы можем получить представление о владельце этой весьма неординарной библиотеки. Состав книг не ограничивается только его профессиональными запросами и утилитарными соображениями, а свидетельствует о широком круге познаний и высокой образованности. Эта публикация посвящена книге «История Абиссинии, или Эфиопии», упомянутой под номером 84 в реестре, датированном 10 июля 1742 года[2].

Этот труд, безусловно, представлял для А.П. Ганнибала существенный интерес как один из источников информации об истории, религии, языке и быте народов, населяющих эту африканскую местность, — и, в каком-то смысле, о нём самом. Понять свои родовые истоки, чтобы успешнее жить и действовать, ассимилируясь на «новой родине», было немаловажно для «арапа Петра Великого», бывшего, как определено в «Биографии А.П. Ганнибала»[3], «действительно заслуженным Генералом в Императорской Русской службе».

Собственно, именно на рубеже XVII–XVIII веков состоялись первые попытки установления русско-эфиопских дипломатических и межконфессиональных отношений. И инициатором налаживания связей между двумя странами стал как раз автор упомянутой Ганнибалом книги, известный саксонский учёный, один из основоположников востоковедения и африканистики Хиоб (Иов) Лудольф (1624–1704). После получения докторской степени в области юриспруденции в 1658 году, он стал доверенным лицом в дипломатической деятельности герцога Саксен-Гота-Альтенбургского Эрнеста I Благочестивого, выступившего с обращением к русскому царю Алексею Михайловичу о привлечении Эфиопии к военным действиям против Османской империи[4]. Главным аргументом в пользу установления дипломатических отношений, по мнению Лудольфа, должны были служить схожесть религии, нравов и обычаев двух стран. Инициатива саксонцев не была лишена смысла,

---

[1] См.: *Ступина Е.А.* Библиотека А.П. Ганнибала // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы; М., 2005. С. 23–50.

[2] Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 158. Оп. 1. № 225. Л. 12–14 об.

[3] *Пушкин А.С.* Биография А.П. Ганнибала: [Перевод] // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Academia, 1935. С. 34–59.

[4] *Агуреев С.А.* К истории установления русско-эфиопских общественных связей и культурных контактов с конца XVII по конец XIX века // Вестник Российского Государственного гуманитарного университета (РГГУ). 2011. № 2 (63). С. 232.

так как пути к установлению отношений с Эфиопией и созданию антитурецкой коалиции искало и российское правительство.

Эфиопские монархи также были заинтересованы в том, чтобы обрести в лице России сильного союзника в борьбе против Османской империи. Кроме того, эфиопская церковь надеялась на поддержку русского православия в том, чтобы дать отпор религиозной экспансии как со стороны Турции и её вассалов, так и со стороны Португалии, которая, закрепившись в XVI веке на Африканском Роге, стремилась с помощью иезуитов насадить в Абиссинском королевстве католичество и тем самым подчинить Абиссинию своему религиозно-политическому влиянию.

Однако русско-эфиопскому сближению препятствовал ряд объективных обстоятельств, в первую очередь — географическая и политическая изоляция королевства, прибрежные провинции которого были захвачены Турцией. Кроме того, реализации планов по созданию антитурецкой коалиции с участием Абиссинии и религиозно-политическому сближению двух стран помешала внезапная смерть русского царя Алексея Михайловича (29 января / 8 февраля 1676 года), сторонника установления дружественных отношений с Эфиопией.

Таким образом, замыслам саксонцев об установлении русско-эфиопских отношений не суждено было сбыться, но книга Лудольфа значительно стимулировала и без того нарастающий интерес к далёкой африканской стране, что неоднократно подчёркивал в своих донесениях Петру I Артемий Петрович Волынский, посол в Персии в 1715–1719 годах. При Елизавете Петровне отношения с Эфиопией поддерживались через Александрийского Патриарха Матфея[1], который пересылал в Пе-

[1] Александрийский патриархат (Александрийская православная церковь) — один из древних восточных (греческих) патриархатов, автокефальная поместная православная церковь, занимающая второе место в диптихе автокефальных поместных церквей после Константинопольского патриархата. Каноническая территория Александрийского патриархата — Африка с прилегающими островами. Патриарх Александрийский Матфей (Псалт) (1746–1765) был монахом в монастыре Кутлумуш на горе Афон, а затем митрополитом Ливийским и игуменом монастыря Златари в Валахии. По просьбе негуса (короля) Эфиопии Иясу II он совершил неудачную попытку объединения с Эфиопской церковью. Под давлением властей Египта 9 июня 1766 года ушёл на покой и вернулся в монастырь Кутлумуш. Скончался там же в 1774 году. См.: Христианство в Египте. Александрийский патриархат. Сайт представительства Патриарха Московского и всея Руси при Патриархе Александрийском и всей Африки [Электронный ресурс: http://www.rusmissionafrica.com/basic-page/hristianstvo-v-egipte.html-0].

тербург копии писем эфиопского негуса (короля) Иясу II (1739–1755), желавшего заключить в 1750 году дружественные отношения с Россией. К политическим переменам эта переписка не привела, однако вызвала интерес к Эфиопии со стороны научных кругов России.

Именно немецкого учёного принято считать основоположником научной эфиопистики. Его познания об Эфиопии были энциклопедическими и охватывали разные области знаний — от истории и географии до этнографии и языкознания. Однако сам Лудольф в Эфиопии не бывал. В 1649 году, будучи членом шведской миссии, он предпринял поездку в Рим, где встретил четырёх эфиопских монахов церкви Св. Стефана в Ватикане. Один из них, абба Григорий, проживавший долгое время при папском дворе, стал его учителем геэзского (классического, или древнеэфиопского) языка. Рассказы монаха о культуре, литературе, истории Эфиопии Лудольф использовал для написания своих будущих работ. Тесное общение с аббой Григорием позволило Лудольфу продолжить работу по написанию грамматик геэзского (1661, 1702) и амхарского языков (1698) со словарями.

Лудольф хорошо знал и труды своих предшественников — начиная с Геродота, трёхтомный труд которого также внесён А.П. Ганнибалом в реестр его книг, и заканчивая португальцами. В 1647–1648 годах он посетил Францию и Англию, где в Бодлианской библиотеке Оксфорда изучал эфиопские рукописи. Его труд (на латыни) был опубликован во Франкфурте-на-Майне в 1681 году под заглавием «Эфиопская история, или Краткое описание Абиссинского королевства, которое в просторечии зовётся царством священника Иоанна» и содержал подробные описания четырёх его книг об Эфиопии. В первой из них описываются природные условия страны, во второй — политический режим и правила престолонаследия, в третьей — история и догматы церкви, в четвёртой автор повествует «о частных делах, литературе, экономике и т. п.». В обращении к «благожелательным читателям» и непосредственно в предисловии к книге Лудольф высказывает свою благодарность «аббе Грегориусу Абиссинцу» за рассказы о его родной стране, давшие возможность написать эту книгу.

«История», как мы уже говорили выше, вызвала широкий интерес, и вскоре труд Лудольфа был переведён на французский, английский, нидерландский языки и издан во Франции, Англии, Голландии. Парижское издание вышло в 1684 году под заглавием «Новая история Абиссинии,

или Эфиопии». Означив королевство двумя названиями, учёный как бы подчёркивает, что из всех названий жителей этой страны — индийцы, аксумиты, нубийцы, абиссинцы — наиболее точным является «эфиопы». Однако модификация терминов официально завершилась после 1945 года, так как и укоренившееся наименование «Абиссиния», и существовавшее одновременно с ним название «Эфиопия» имели глубокие исторические корни. Эфиопией эту страну назвали древние греки. С I по XI век на этой территории существовало сильное государство Аксум, отсюда «аксумиты». Абиссиния же — название семитского происхождения, производное от аравийского эпиграфического ḤBŚT (хабашат) и означавшее не-аксумских подданных аксумского царя; в дальнейшем так называли семитское население (амхарцев, тигре, тигринья), исторически занимавшее ведущие позиции в элите страны. Потому в европейской культуре, и в России в том числе, Эфиопия долгое время была известна преимущественно как Абиссиния.

В Россию «История» на латинском языке была привезена единомышленником Лудольфа — саксонским послом, писателем Лораном Ринхубером в 1684 году. Своё путешествие, оказанный ему благосклонный приём и беседы с князем В.В. Голицыным[1] Ринхубер описал в своих мемуарах «Wahrhafte Relation», изданных в 1883 году в Берлине по рукописям, хранящимся в герцогской библиотеке в Готе, под заглавием «Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber» («Отношение к путешествию в Россию в 1684 году. Лоран Ринхубер»).

Книга имела авторское посвящение царевичам Ивану и Петру Алексеевичам, написанное Лудольфом в 1683 году. С латинского на церковнославянский язык книга была переведена по личному распоряжению В.В. Голицына, который с 1682 года заведовал Посольским приказом. Этот единственный список перевода хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге[2].

---

[1] Василий Васильевич Голицын (1633/1639/1643–1714) — князь, библиофил и автор грамоток. Голицын получил блестящее образование, выделявшее его среди московской знати; владел польским и латинским языками.

[2] См.: *Кудрявцев И.М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 13. М., 1963. С. 179–244; *Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII — начале XVII века (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983. С. 107–124.

Авторитет Лудольфа как знатока Эфиопии был чрезвычайно велик. Его книги долгое время служили справочными и учебными пособиями по истории и языкам Абиссинского королевства. Его труд был превзойдён лишь в XIX–XX веках, когда итальянцы Игнацио Гвиди, Карло Конти Россини, Энрико Черулли заложили основы современного изучения эфиопской литературы и истории. В настоящее время ведущим мировым центром по изучению эфиопской культуры является Центр эфиопистики имени Хиоба Лудольфа в университете Гамбурга.

Отметим, что в пушкинское время внимание к Африканскому континенту как объекту историко-этнографического изучения возрастало. В 1821 году Иосиф (Осип) Иванович Сенковский (1800–1858) предпринял путешествие в Египет, а затем в Нубию, достигнув северных склонов Абиссинского нагорья. «Отрывки из путешествия по Египту, Нубии и верхней Эфиопии» Сенковский изложил в «Географическом эфемериде» на французском и русском, причём русский вариант отредактировал и издал в своём журнале «Полярная звезда» А.А. Бестужев-Марлинский в 1822 году. Судя по опубликованным материалам, крайним южным пунктом его путешествия была область Дар-Махас в Северном Судане. Первой российской экспедицией, которой довелось побывать на территории Эфиопии, была экспедиция Егора Петровича Ковалевского, но это было уже существенно позже — в 1847–1848 годах (т. е. спустя 10 лет после гибели А.С. Пушкина).

Впервые Пушкин упомянул Сенковского в письме к А.А. Бестужеву от 8 февраля 1824 года, где с похвалой отозвался о его «арабской сказке» «Витязь буланого коня». Именно в это время у Пушкина зарождается замысел историко-художественного романа в прозе, где на историческую арену петровских реформ будет выведен его африканский предок. А.Н. Вульф, посетивший поэта в Михайловском, 16 сентября 1827 года записал в своём дневнике: «Показал он мне только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил».

По всей видимости, Пушкин, называя прадеда «сыном абиссинского эмира», ссылался на полученную им в 1827 году «Немецкую биографию» А.П. Ганнибала, сочинённую Адамом Карловичем Роткирхом[1].

[1] *Козмина Л.В.* Петровское. Поэт и прадед. СПб., 2012. С. 54–56.

Заметим, в словаре Пушкина отсутствуют слова «абиссинский», «эфиоп», «эмир»; имеются принятые в то время определения, касающиеся «чёрных народов»: «негр», «арап», «арапка», «арапчонок», «арапский». Пушкин, надо сказать, к собранным фамильным документам относился с характерной для исследователя внимательностью. В полученном от П.А. Ганнибала в годы михайловской ссылки прошении его чёрного прадеда императрице Елизавете Петровне на дворянство отсутствуют уточняющие сведения, где, в каком африканском государстве находится названный А.П. Ганнибалом город Логон, входивший вместе с двумя другими городами во владения его отца и в котором он, российский генерал, родился. Вследствие того что крестник Петра Великого — «родом из Африки», Пушкин в примечании к первой главе «Евгения Онегина» сообщает читателям: «Автор со стороны матери происхождения африканского…» (VI, 530).

Все четыре книги Лудольфа «История Абиссинии, или Эфиопии», изданные в 1681 году, имеются в рукописном отделе Древлехранилища Псковского музея-заповедника. Книги впервые были представлены старшим научным сотрудником Древлехранилища Псковского музея-заповедника Ольгой Анатольевной Кудрявцевой на IV книговедческих чтениях «Кирилло-мефодиевские традиции в Пскове», которые прошли в центре редких книг областной универсальной научной библиотеки 12 мая 2015 года.

В докладе «Иллюстрированные издания Иова Лудольфа в собрании Псковского музея-заповедника» Ольга Анатольевна подробно описала структуру содержания книг, текст которых сопровождён гравюрами Иоганна Филиппа Аубри, входившего в большую когорту гравёров и художников, проживавших во Франкфурте-на-Майне во второй половине XVII века. «В один из экземпляров «Истории», — сообщает исследователь, — вплетена карта Эфиопии, гравированная в 1683 году. Она составлена И. Лудольфом на основании описания этой страны португальским иезуитом Бальтазаром Теллезом (1596–1675), который в 1660 году в Португалии издал рукопись «История Эфиопии» другого португальского иезуита, Мануэля де Альмейды (1580–1646). Описания этих двух монахов были дополнены сведениями, полученными от аббы Григория. На карте вся территория Эфиопии разделена пунктирными линиями на отдельные районы, провинции, царства с указанием их названий, а также наименованием народов, их населяющих. Также обозначена берего-

вая линия Красного моря, реки, озёра, острова, горы, леса. Определёнными значками выделены монастыри, столицы провинций»[1].

На основании штампов библиотеки Псковской духовной семинарии, которыми отмечены книги Лудольфа, О.А. Кудрявцева резюмирует: «Псковская семинария — духовное учебное заведение. В третьей книге «Истории Эфиопии» и в «Комментариях» содержатся сведения об одной из древнейших православных церквей мира. Кроме того, если мы вспомним религиозные сюжеты «Рождество Христово» и «Поклонение волхвов», то один из изображённых на них восточных мудрецов, пришедших поклониться младенцу Иисусу Христу, был Бальтазар — нубиец или эфиоп. Его обычно изображали темнокожим. С середины XIX столетия в программу по литературе в учебных заведениях входило изучение произведений А.С. Пушкина. В то время все считали, что прадедом Александра Сергеевича являлся эфиоп. Этим, вероятно, можно объяснить интерес к данным изданиям в библиотеке семинарии»[2].

Однако в нашем понимании «История Абиссинии, или Эфиопии» представляет историко-культурную ценность прежде всего потому, что труд немецкого учёного значится в реестре книг А.П. Ганнибала, чей образ живо предстаёт на страницах пушкинского романа, вошедшего в мировую литературу под названием «Арап Петра Великого».

---

[1] *Кудрявцева О.А.* Иллюстрированные издания Иова Лудольфа в собрании Псковского музея-заповедника // Сайт Псковской областной универсальной научной библиотеки [Электронный ресурс: http://kn-pam.pskovlib.ru/files/kudrjavtzeva_2015.pdf].

[2] *Кудрявцева О.А.* Иллюстрированные издания Иова Лудольфа…

Вера Симонова

«И ПАМЯТЬ, И ПРЕДАНЬЕ О БЫЛОМ...». КНИГИ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ СОБРАНИЯ З.И. ЮСУПОВОЙ

Всему на свете есть предел —
Любви, и счастью, и страданью.
Но вечным быть сам Бог велел
Лишь одному воспоминанью.

А.В. Мещерский

Княгиня Зинаида Ивановна Юсупова (1810–1893), урождённая Нарышкина, во втором браке графиня де Шово, маркиза де Серр, в числе 223 пушкинских современников запечатлена Г.Г. Чернецовым на монументальном полотне «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном Лугу в Петербурге» (1832–1837). Картина была написана художником по заказу Николая I[1]. Юная княгиня изображена в полный рост недалеко от А.С. Пушкина.

Зинаида Юсупова была одной из немногочисленных «защитниц славы» безвременно ушедшего русского гения в высшем свете[2].

Адресованные Зинаиде Ивановне стихи литератора Бориса Михайловича Фёдорова (1798–1875), опубликованные В.Э. Вацуро, представляют, по мнению учёного, своеобразный отклик на смерть Пушкина[3]. Вацуро подчеркнул, что, несмотря на поэтическое несовершенство, фёдоровский мадригал явился своеобразным историческим документом эпохи, дающим полное право причислить княгиню Зинаиду Юсупову к числу истинных почитательниц поэта и его творчества. «О связях Пушкина с этим семейством, — отмечал учёный, — мы знаем очень мало;

---

[1] *Лебедев Г.Е.* Пушкин и его современники на картине Г. Чернецова «Парад на Царицыном Лугу» // Искусство. 1937. № 2. С. 129–158. Впервые краткий очерк и список изображённых опубликованы Н.В. Кукольником в «Художественной газете» в 1836 году. См. также: *Голдовский Г.Н.* Художники братья Чернецовы и Александр Сергеевич Пушкин: каталог выставки в Государственном Русском музее. СПб., 1999. С. 109–134.

[2] *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1989. С. 518.

[3] *Вацуро В.Э.* Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии за 1976 год. Л.: Наука, 1979. С. 46–64.

тем ценнее для нас свидетельство Фёдорова, что Юсупова с жаром вступилась за «славу» Пушкина в петербургских салонах, заявив себя, таким образом, приверженцем «пушкинской партии»[1].

Борису Михайловичу Фёдорову покровительствовала свекровь Зинаиды Ивановны, княгиня Татьяна Васильевна Юсупова (1767–1841), кончину которой литератор тяжело переживал, выразив чувства признательности своей благотворительнице и в стихах, и в прозе. Ей он посвятил и своё историческое сочинение «Князь Курбский»[2]. Литератор не оставлял без внимания и других членов семьи Юсуповых. На кончину князя Бориса Николаевича Юсупова (1794–1849), супруга княгини Зинаиды Ивановны, Фёдоров издал брошюру[3]. В альбом Зинаиды Ивановны им были вписаны несколько стихотворений, самое позднее из которых датировано 1873 годом[4].

Автор адресовал свои сочинения и хозяйке альбома, и её второму мужу, графу Карлу де Шово, маркизу де Серр (Chauveau de Serre), сочинив балладу о доблести рода де Шово[5]. В этот же альбом вписаны стихи, удостоверяющие преданность княгини памяти Пушкина. Не оставлял своим вниманием Фёдоров и семью единственного сына князя Бориса Николаевича и княгини Зинаиды Ивановны Юсуповых Николая Борисовича Юсупова-младшего (1827–1891)[6].

О литературных интересах княгини Зинаиды Юсуповой свидетельствуют сохранившиеся письма, ученические тетради, альбомы, описи книжного собрания и, конечно же, коллекция рукописей и автографов известных писателей.

Собственноручно вписала владелица в один из своих альбомов, который хранится в отделе письменных источников исторического музея, стихи Байрона и строки из шестой главы романа «Евгений Онегин»:

---

[1] *Вацуро В.Э.* Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии за 1976 год. С. 46–64.

[2] *Симонова В.М.* Представители семьи Юсуповых в литературных посвящениях Б.М. Фёдорова // Вестник архивиста. 2004. № 6. С. 381–399.

[3] *Фёдоров Б.* Князь Б.Н. Юсупов. СПб., 1849.

[4] Отдел рукописей Института русской литературы (ОР ИРЛИ). Ф. 524. Оп. 1. Д. 50.

[5] *Фёдоров Б.* Легенда. Из преданий, записанных Шатобрианом (Etudes historiques. Tome 4. Bataille de Poitier). Графине З.И. Шово, маркизе де Серр. 1873. Ген[варя] 29 // ОР ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 50. Л. 35–36 об.

[6] В частности, Б.М. Фёдоров помогал князю Н.Б. Юсупову-младшему и в работе над книгой «О роде князей Юсуповых».

О юность лёгкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За всё, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я насладился… и вполне.

(VI, 136)

В коллекции рукописей княгини З.И. Юсуповой в Пушкинском Доме есть копии и выписки из сочинений А.С. Пушкина: стихотворение «Моя родословная», «На генерала Киселёва», «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу», «Дар напрасный, дар случайный», отрывки из послания А.Ф. Орлову и из седьмой главы «Евгения Онегина», а также переписка по поводу дуэли Пушкина (Correspondance du Seyet du Duel d'Alex. Pouchkine avec le baron Hekeren)[1]. В архиве древних актов сохранился «Билет» Юсуповых на посмертную подписку сочинений А.С. Пушкина[2].

Бесценным сокровищем была для княгини черновая рукопись записок А.С. Пушкина о его безвременно ушедшем друге Дельвиге, подаренная ей В.А. Жуковским[3]. «Имею честь послать вам, княгиня, — пишет в сопроводительной записке к З.И. Юсуповой Жуковский, — отрывок, писанный рукою Пушкина: это своего рода биография его друга Дельвига, которую он не имел времени закончить. Я хотел сначала послать вам сказку в стихах, но оказалось, что эта рукопись внесена в общий регистр и пронумерована. Я не могу ею распоряжаться. Прилагаемый отрывок — моя собственность; я нашёл его в своих бумагах и с удовольствием уступаю его вам. Теперь я уверен, что останусь в вашей памяти, ибо буду закреплён в ней именем Пушкина»[4].

Рукопись послания «К вельможе», датированного 1829 годом и адресованного князю Николаю Борисовичу Юсупову (1751–1831), была преподнесена адресату стихов самим Пушкиным. Александр

[1] ОР ИРЛИ Ф. 244. Оп. 18. Д. 217.

[2] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1290. Оп. 9. Д. 25. Л. 1–1 об.

[3] ОР ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 50. Л. 72.

[4] Цит. по: *Вацуро В.Э.* Из неизданных откликов… С. 49.

Сергеевич не единожды навещал князя и его супругу, княгиню Татьяну Васильевну, урождённую Энгельгардт, племянницу светлейшего князя Г.А. Потёмкина, хозяйку известного в Петербурге литературно-музыкального салона[1].

Александр Сергеевич Пушкин был знаком и с дедом Зинаиды Ивановны по материнской линии, Иваном Николаевичем Римским-Корсаковым (1754–1831) — генерал-адъютантом, фаворитом Екатерины II. По утверждению Н.М. Колмакова, незадолго до смерти Римского-Корсакова Пушкин часто посещал его в Москве, «допытываясь от него о временах Екатерины»[2]. По свидетельству современников, дом Римского-Корсакова на Тверской с «большим великолепным садом, с беседками, статуями и прудами, посещался всей Москвой». Надо полагать, что Пушкин посещал знаменитый Корсаков сад, находившийся к северу от Садово-Самотёчной улицы.

С этими местами связана история рода Пушкиных. В XVIII веке здесь находилась загородная усадьба Александра Петровича и затем Льва Александровича Пушкиных — прадеда и деда Александра Сергеевича. В 1798 году Сергей Львович и Василий Львович Пушкины продали наследственное владение. И.Н. Римский-Корсаков приобрёл эту обширную усадьбу с большим садом, прудами и оранжереями в 1824 году. В саду устраивались концерты, иллюминации, полёты воздушных шаров, в аллеях пели «песельники»[3].

27 мая 1823 года А.Я. Булгаков сообщает своему брату К.Я. Булгакову: «Иван Николаевич Корсаков бывает у нас почти всякий день. Он любит говорить о прошедшем своём фаворе, и я когда-нибудь наедине заставлю его болтать и выпрошу, ежели есть у него какие-нибудь любопытные документы»[4]. И следует заметить, что Александру Яковлевичу Булгакову это удалось, и он спешит поделиться с братом новостью: «Я теперь читаю собственноручные записки покойной государыни к Ивану Николаевичу Корсакову. Там полно нежностей, но множество и намё-

---

[1] *Симонова В.М.* А.С. Пушкин — Юсуповы. Архивные находки // Вестник архивиста: специальный выпуск, посвящённый 200-летнему юбилею А.С. Пушкина. М., 1999. С. 105–141.

[2] *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 371.

[3] *Волович Н.М.* Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М.: Московский рабочий, 1979. С. 138.

[4] Братья Булгаковы: Письма 1821–1826 годов // Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.: Захаров, 2010. С. 282–283.

ков, кои я не понимаю и кои надобно будет ему объяснить мне. У него были все оригинальные письма Вольтера к императрице, которые были напечатаны. Сия драгоценная коллекция с другими, ещё более драгоценными бумагами была похищена французами в 12-м году. Также пропало много писем Потёмкина к государыне, тоже Ивану Николаевичу отданных тогда. Шкатулку эту забыл камердинер взять; послали за нею, но французы были уже в городе. Жаль!»[1]

Екатерина II, давшая Римскому-Корсакову прозвище «Пирр, царь Эпирский», так характеризовала его в письме Гримму: «Прихоть? Знаете ли вы, что это выражение совершенно не подходит в данном случае, когда говорят о Пирре, царе Эпирском, об этом предмете соблазна всех художников и отчаяния всех скульпторов. Восхищение, энтузиазм, а не прихоть возбуждают подобные образцовые творения природы! Произведения рук человеческих падают и разбиваются, как идолы, перед этим перлом создания Творца… Никогда Пирр не делал ни одного неблагородного или неграциозного жеста или движения. Он ослепителен, как Солнце, и, как оно, разливает свой блеск вокруг себя. Но всё это, в общем, не изнеженность, а, напротив, мужество, и он таков, каким бы вы хотели, чтобы он был. Одним словом, это — Пирр, царь Эпирский. Всё в нем гармонично, нет ничего выделяющегося. Это — совокупность всего что ни на есть драгоценного и прекрасного в природе; искусство — ничто в сравнении с ним; манерность от него за тысячу вёрст»[2].

По словам императрицы, не раз высказанным ею в переписке её с Гриммом, он отличался замечательной красотой и такой удивительной пропорциональностью всего тела, что его «следовало бы брать, как модель, всем скульпторам, живописцам; все поэты должны воспевать красоту Римского-Корсакова». Он обладал приятным голосом и так играл на скрипке, что, по утверждению Екатерины, «все — не только люди, но и животные — заслушиваются его игрой»[3]. При разговоре с Орловым императрица сравнила пение своего любимца Римского-Корсакова с соловьиным. «Это правда, — заметил Орлов, — но ведь соловьи поют только до Петрова дня»[4].

---

[1] Там же. Письмо от 24 июня 1824 года. С. 443.

[2] Цит. по: *Валишевский К.* Роман императрицы. СПб., 1908. С. 550.

[3] *Валишевский К.* Роман императрицы. С. 550.

[4] Цит. по: Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. СПб.: Лениздат, 1996. С. 85.

Орлов не ошибся. Корсаков был «неблагодарен и неверен», сообщает в своих записках о придворных нравах Ш. Массон: «Екатерина застала его на своей кровати державшим в объятиях красавицу графиню Брюс, её фрейлину и доверенное лицо. Она удалилась в оцепенении и не пожелала более видеть ни любовника, ни подругу. Другому наказанию она их не подвергла»[1]. В октябре 1779 года «любимец императрицы» удалился в Москву, «куда за ним последовала увлечённая им графиня Екатерина Петровна Строганова (1744–1815), супруга графа Александра Сергеевича Строганова[2], который был на 20 лет старше её. Строганов отнёсся к произошедшему философски, «сохранил присущие ему доброту, достоинство и сдержанность… подарил графине не только свой дом в Москве и подмосковное поместье в Братцеве, но и значительное состояние. Страсть, охватившая графиню Екатерину и Корсакова, не угасла до конца их дней»[3].

По свидетельству князя И.М. Долгорукова, Екатерина Петровна была «женщина характера высокого и отменно любезная. Беседа её имела что-то особо заманчивое, одарена прелестями природы, умна, мила, приятна. Любила театр, искусство, поэзию, художество… Была очень живого характера»[4].

Во время путешествия по Европе с А.С. Строгановым «умница и светская красавица» графиня Екатерина Петровна при знакомстве с Вольтером услышала в свой адрес знаменитую фразу: «Ах, сударыня, какой прекрасный день сегодня: я видел солнце и вас!»[5] При отъезде гостей «Вольтер показал им с гордостью роскошную шубу, которую подарила ему Екатерина II… Всё закончилось слезливым прощанием и заверениями во взаимном уважении. Вольтер передал графу Строганову послание для императрицы»[6].

Иван Николаевич Римский-Корсаков и графиня Екатерина Петровна Строганова прожили вместе душа в душу, хотя им и не было разрешено вступать в брак. У них было двое детей: Василий Николаевич (Ивано-

---

[1] *Массон Ш.* Секретные записки о России. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 71.

[2] Знаменитые россияне… С. 85.

[3] *Меттерних Т.И.* Строгановы: история рода. СПб.: Алетейя, 2016. С. 58.

[4] См.: *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с какими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997.

[5] Русские портреты XVIII–XIX столетий. Т. 1. Вып. 3. № 86.

[6] *Меттерних Т.И.* Строгановы… С. 57–58.

вич) Ладомирский (1786–1847) и Варвара Николаевна (Ивановна) Ладомирская (1785–1840)[1]. У детей было двойное отчество и чужая фамилия, так как они считались только воспитанниками своих родителей. По одной из легенд, фамилию им дала Екатерина II в значении, что их дети «от бога любви Ладо». По другой версии, фамилию даровал Павел I: она принадлежала угасшему польскому роду. Ко всему Иван Николаевич «был прозван в Москве «польским королём»: он постоянно носил орден Белого орла, пожалованный ему польским королём[2]. Князь Пётр Андреевич Вяземский отмечал, что его (т. е. самого Вяземского) отец, называя Корсакова польским королём, а неаполитанским королём — генерала М.М. Бороздина, в шутку «говаривал, что ему очень приятно и лестно играть у себя дома в бостон с двумя величествами»[3].

Екатерина Петровна в последние годы своей жизни тяжело болела, паралич ног приковал её к креслу. Художница Виже-Лебрен, посетившая Москву в октябре 1800 года, вспоминала: «Один из первых моих визитов был к графине Строгановой, жене моего старинного и доброго приятеля. Я увидела её высоко поднятой на какой-то качавшейся машине и не могла вообразить, как она переносит непрестанное сие движение; но оное было необходимо для её здоровья, поелику лишена она была способности ходить и двигаться, что, впрочем, ничуть не мешало любезному её обращению. Я рассказала ей о затруднительности своего положения, и графиня сразу же отвечала, что у неё есть прелестный и никем не занятый дом, в котором она и просит меня остановиться. Она не желала слышать о какой-либо плате, я решительно от сего отказалась. Видя, что все её настояния напрасны, призвала она свою изрядно красивую дочь и предложила заплатить портретом сей юной особы, на что я с удовольствием согласилась»[4].

До глубокой старости графиня сохраняла полную память и с юношеским пылом предавалась воспоминаниям о своей молодости; живая и занимательная беседа её была «архивом анекдотов любопытных» о блестящих временах Екатерины II и Людовика XVI. Скончалась бабушка Зинаиды Ивановны Юсуповой на 71-м году жизни. Дед Зинаиды Ивановны покинул сей мир 16 февраля 1831 года.

---

[1] В.Н. Ладомирская, в замужестве Нарышкина, — мать княгини З.И. Юсуповой.

[2] Знаменитые россияне… С. 85.

[3] *Вяземский П.А.* Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. С. 297–298.

[4] См.: Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о пребывании её в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. Перевод с французского. СПб., 2004.

Александр Булгаков с прискорбием сообщал брату: «Иван Николаевич Корсаков скончался вчера в восемь часов вечера, почти при мне. Мы полагали его в забытьи и сидели в другой комнате; но камердинер его, войдя в спальню, нашёл его умершим. Я потерял в нём друга, который часто мне в нуждах моих помогал. Он сроду зла никому не сделал, я думаю, а много делал добра… Слава Богу, что умер христианином. После исповеди и причастия он потерял уже память и не говорил уже. Пожил, поцарствовал даже… Очень жаль мне доброго старика. Любил я слушать его рассказы о временах его случая. Он давал мне письма к нему императрицы… он забыл, и они остались у меня»[1]. 24 февраля 1831 года А.Я. Булгаков писал Константину Яковлевичу о прощании с И.Н. Корсаковым: «Проповедь и надгробное слово духовника покойного растрогали всех до слёз: было просто, хорошо и справедливо. Добрый был человек Корсаков, нельзя было не дать ему слёз при последнем прощании. Очень много было народу… Люди захотели своего благодетеля нести на себе до заставы, похоронят его в подмосковном селе Братцеве, где схоронена и покойная графиня Строганова»[2].

Их сын Василий унаследовал московский дом отца и имение Братцево, а соседний дом графини Строгановой унаследовала дочь Варвара, которая оставила его своей дочери, княгине Зинаиде Ивановне Юсуповой. В 1870-х годах в доме Зинаиды Ивановны, во втором браке графини де Шово, находилось водолечебное заведение доктора Крейзера. Сейчас в сохранившейся от усадьбы частичке — модный ресторан под названием «Пушкин».

Варвара Николаевна Ладомирская, внебрачная дочь Римского-Корсакова и графини Строгановой, вышла замуж за камергера Ивана Дмитриевича Нарышкина (1777–1848). Их дочь Зинаида родилась в Москве 2 ноября 1810 года, 13 ноября состоялись крестины. Родители приложили все усилия, чтобы Зинаида получила хорошее домашнее образование и воспитание. Старания были не напрасны. Пятнадцатилетняя Зинаида была одной из блистательных великосветских красавиц. Граф В.А. Соллогуб писал: «В те времена имена светских красавиц не были ещё достоянием газетчиков, и упоминать о них в газетах считалось бы верхом

[1] Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.: Захаров, 2010. С. 326–327. Упомянутые письма императрицы были опубликованы в «Русском архиве» в 1879 году.

[2] Там же. С. 329.

неприличия, но в устах всех были слышны имена графини Завадовской, Фикельмон… фрейлины княжны Урусовой и девицы Нарышкиной, впоследствии княгини Юсуповой. Все четыре были красавицы писаные, все четыре — звёзды первой величины тогдашнего петербургского большого света»[1]. По отзыву А.В. Мещерского, княгиня З.И. Юсупова, урождённая Нарышкина, одна из «львиц» петербургского света, «по своей красоте, богатству и положению в обществе считалась звездой первой величины»[2]. Современники отмечали её природную красоту и ум. Граф Соллогуб вспоминал, что она «была хороша собой, добра и приветлива», а по свидетельству Мещерского, «отличалась большою благосклонностью ко всем и вообще замечательною кротостью»[3]. Со своим будущим мужем, князем Борисом Юсуповым, фрейлина Зинаида познакомилась в Москве во время коронационных торжеств 1826 года. К этому времени ему уже исполнилось тридцать лет, и в течение шести лет он был вдовцом (в 1820 году скончалась при родах его первая жена Прасковья Павловна Щербатова).

Секретарь посольства США в Санкт-Петербурге Джон Рэндольф Клей записал в своём дневнике, который вёл в 1830–1831 годах: «В тот день я обедал с мистером Гибсоном (консул США в Санкт-Петербурге) и в Английском клубе. Жена английского посла леди Хейтсбери прислала мне записку с приглашением прийти вечером после 10 часов, она хотела бы представить меня княгине Юсуповой… Она (З.И. Юсупова) молода и красива, князь — полная противоположность, хотя и не стар… Толстый князь ведёт себя как шумливый и весёлый мальчишка»[4]. А.И. Тургенев после бала у княжны М.И. Барятинской 22 декабря 1836 года записал в своём дневнике: «Государь даже не мигнул мне, хотя стоял долго подле меня и разговаривал с Зинаидой Юсуповой… Она показалась мне трогательно покорной провидению. Всё пляшет вокруг неё. Она имеет вид прикованного зефира. Всё в ней ещё — поэзия. Только её муж напоминает презренную прозу»[5]. Дарья Фёдоровна Фикельмон в свём дневнике

---

[1] *Соллогуб В.А.* Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. СПб.: Афина, 1993. С. 117–118.

[2] Там же.

[3] См.: *Мещерский А.В.* Воспоминания. М. 2012.

[4] Цит. по: *Фридкин В.М.* Пропавший дневник Пушкина. М.: Знание, 1991. С. 108.

[5] А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. С. 211–212.

5 октября 1829 года записала: «Княгиня Юсупова — высокая, тонкая, с очаровательным станом, совершенно изваянной головой, у неё красивые чёрные глаза, очень живое лицо с весёлым выражением, которое её так красит». А 17 января 1831 года «флорентийская сивилла», как называли жену австрийского посла Фикельмона, с грустью отметила: «Для женщины, вышедшей замуж за существо, подобное Юсупову, счастье безвозвратно улетучивается, когда покровы сорваны, и она может прочесть то, что в его сердце!»[1] Последнее высказывание Дарьи Фёдоровны оказалось пророческим; она отметила, что в свете обсуждают «чересчур затянувшийся и всепоглощающий флирт очаровательной княгини Юсуповой с Жерве, офицером Кавалергардского полка. Она (Юсупова) вызывает всеобщий интерес, ибо молода духом, как, впрочем и годами, весёлая, наивная. С удивительным простодушием отдалась она во власть своего чувства. Она словно не видит расставленной перед ней западни и на балах ведёт себя так, будто на всём белом свете только они вдвоём с Жерве. Он очень молод, с малопривлекательным лицом, во всяком случае незначительным, но очень сильно влюблён, постоянен в своём чувстве и, может, более ловкий, чем его считают»[2]. 17 января 1831 года Фикельмон засвидетельствовала: «Жерве со своим полком принимает участие в кампании (польской) и уже отправился в поход»[3].

В 1839–1840 годах Николай Андреевич Жерве принимал участие в собраниях «Кружка шестнадцати», на которых обсуждалось современное положение России. Члены кружка «каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всём и всё обсуждали с полнейшей непринуждённостью и свободою, как будто бы III отделение собственной его императорского величества канцелярии вовсе не существовало». В «Кружок шестнадцати» входили: А.А. Столыпин-Монго, К.В. Браницкий, Д.П. Фредерикс, А. и С. Долгорукие, П.А. Валуев, И.С. Гагарин, А.П. Шувалов, А.И. Васильчиков, Михаил Юрьевич Лермонтов и другие»[4].

Вернувшись в 1840 году в полк, во время последовавшей затем экспедиции в Большую и Малую Чечню в мае 1841 года Жерве был смер-

---

[1] *Фикельмон Д.* Дневник. 1829–1837 годы. М.: Минувшее, 2009. С. 67, 147.
[2] Там же. С. 128–129.
[3] Там же. С. 147–148.
[4] *Герштейн Э.Г.* Судьба Лермонтова. М., 1986. С. 212.

тельно ранен. П.Д. Дурново записал в дневнике: «Капитан Жерве умер на Кавказе от ран. Он был любовником княгини Юсуповой»[1]. Через два месяца на дуэли был убит Лермонтов. «Вздох о Лермонтове, об его разбитой лире, которая обещала русской литературе стать её выдающейся звездой», — писала императрица Александра Фёдоровна С.А. Бобринской 7 августа 1841 года[2].

В отделе рукописей Института русской литературы (ИРЛИ) хранится копия стихотворения М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта», а также автограф стихотворения «Сосна», вклеенный З.И. Юсуповой в её альбом[3]. В одной из описей книг княжеской библиотеки указаны издания произведений М.Ю. Лермонтова, выпущенные в Санкт-Петербурге в 1847 году, берлинское издание стихотворений 1863 года, его роман «Герой нашего времени», увидевший свет в 1841 году, и поэма «Демон», выпущенная в Берлине в 1857 году[4]. Про лермонтовского «Демона» княгиня Татьяна Александровна Юсупова, супруга сына З.И. Юсуповой князя Николая Борисова Юсупова-младшего, пишет мужу из Парижа 23 мая 1864 года: «Твоя мать обворожительна, а муж её просто разбился в лепёшку, чтобы меня очаровать. Его замок (Кериоле) сейчас накануне серьёзных реставрационных работ… Он проделал совершенно потрясающую работу (я говорю без всяких шуток), в которой и твоя мать принимала самое деятельное участие. Я говорю о «Демоне» Лермонтова, который он перевёл на французский язык. Перевод очень хорош и мастерски был автором прочитан. Он собирается его печатать, а гравюры и виньетки заказать Густаву Доре. Это, в самом деле, замечательно, но как же слаб французский язык для того, чтобы передать всю силу русского подлинника! Всё равно, что Рай земной по сравнению с Раем небесным!»[5]

Сбылись ли замыслы графа и графини де Шово относительно издания поэмы Лермонтова в их переводе, сказать сложно, но рукописный вариант этого совместного литературного труда хранится в юсуповском фонде архива древних актов[6].

---

[1] Цит. по: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1988. Т. VIII. С. 263.

[2] *Герштейн Э.Г.* Судьба Лермонтова. С. 72.

[3] ОР ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.

[4] Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 411. Д. 100. Л. 40–56.

[5] «Твои письма единственная для меня радость…». Из личной переписки Татьяны Александровны Юсуповой. СПб., 2012. С. 111.

[6] РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 1466.

И ещё одна рукопись графа Шарля де Шово маркиза де Серр (1829–1889) привлекает наше внимание. Граф пишет в Париже в 1857 году, ещё до женитьбы на вдове З.И. Юсуповой, «Обзор литературы с древних времён до наших дней» на французском языке с посвящением будущей супруге[1]. Очевидно, что общие литературные интересы также объединяли супругов, несмотря на значительную разницу в возрасте. Зинаиде Ивановне суждено было овдоветь во второй раз и даже пережить своего сына князя Николая Борисовича Юсупова-младшего. На листках из альбома графини де Шово маркизы де Серр записаны следующие стихотворные строки:

О если бы могли моленья
Достигнуть до небес скупых,
Не новой чаши наслажденья,
Я б прежних дней просил у них[2].

Зинаида Ивановна мечтала о возвращении на Родину и обратилась к императору Александру III с просьбой разрешить ей вернуться в Петербург и восстановить её в звании фрейлины. Просьба была удовлетворена, но княгиня З.И. Юсупова, графиня де Шово маркиза де Серр, не дожила до дня возвращения[3]. Из Парижа тело умершей было перевезено в Петербург и захоронено, как она и завещала, в родовой усыпальнице в Троице-Сергиевой Приморской пустыни.

[1] РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 769.
[2] Там же. Оп. 9. Д. 542.
[3] Там же. Оп. 2. Д. 740. Л. 1–1 об.; Д. 739.

Елена Панченко

БИБЛИОТЕКА В ПОЛЯНКАХ И КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ РОДА ЛИХАЧЁВЫХ

Дореволюционная часть фондов библиотеки Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук в значительной степени состоит из книг выдающегося историка, коллекционера и библиофила академика Николая Петровича Лихачёва (1862–1936). Институт считает себя продолжателем научной традиции Н.П. Лихачёва и размещается в его бывшем доме на Петрозаводской улице. Сам же Николай Петрович был наследником культурных традиций своей семьи, и именно он унаследовал складывавшуюся на протяжении более чем двухсот лет родовую библиотеку.

Усадебной библиотеке Лихачёвых в приволжском селе Полянки (в настоящее время Спасского района Республики Татарстан) повезло: часть её сохранена, а её историю написал сам Н.П. Лихачёв. Его «Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки»[1], не переиздававшаяся с 1913 года и давно ставшая библиографической редкостью, может служить образцом для исследований дворянских усадебных библиотек.

Библиотека была создана прапрадедом академика Александром Логиновичем. А.Л. Лихачёв (1752/1754[2]–1814) был записан ещё ребенком в лейб-гвардии Семёновский полк, но служил недолго: рано женился и вышел в отставку. Супруги поселились в имении отца А.Л. Лихачёва — Полянках. «Полянская помещичья усадьба… с весьма живописным видом на… реку [Волгу], в разливе подходящую по заливным лугам к самому саду, основана была не Лихачёвыми… но

[1] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил. 1913. № 5. С. 5–101. Книга была также издана в виде отдельного оттиска: *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб.: Типография «Сириус», 1913. 101, [1] с. В дополнение к отдельному изданию книги был выпущен альбом фотографий и факсимиле: *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. Приложения (издание для родных и друзей). СПб.: Товарищество Голике и Вильборг, 1913. 22 с., 66, [2] табл.

[2] См.: *Лепёхин М.П.* Лихачёв Александр Логгинович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 209.

обстроилась она постепенно при Лихачёвых»[1]. Помещичий дом ещё был деревянным; из камня в XVIII веке построили только Покровскую церковь, которая и сейчас остаётся главной достопримечательностью села Полянки[2]. В 1774 году усадьбу сожгли восставшие пугачёвцы. Хозяин был в отъезде, и, по семейной легенде, беременную Елизавету Лихачёву с годовалой дочкой спасли дворовые люди: переодели в крестьянское платье и перевезли на другой берег Волги. Вместо сожжённого Александр Логинович отстроил новый каменный дом, который служил потом поколениям Лихачёвых почти 100 лет[3]. Главным занятием хозяина в деревне стало собирание и чтение книг. Такой образ жизни был необычен, но не исключителен: «Поволжье этого времени представляется нам глубокою глушью, но оно выставило немало деятелей и книголюбцев»[4]. Вспомним Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и С.Т. Аксакова. Объяснением увлечения Александра Логиновича книгами могло быть масонство[5], но самым серьёзным основанием для библиофильства прапрадеда Н.П. Лихачёв считал воздействие, как мы бы теперь сказали, гена коллекционерства: «…что такое страсть к книгам? Признак ли это известной культуры отдельного лица, или это нечто большее, склонность, с которой человек родится? Соблазнительно было бы думать, что в некоторых семьях страсть коллекционерства является наследственной»[6].

Александр Логинович, страстный коллекционер, кроме книг собирал ещё и монеты[7]. Потомственный военный[8], он не был первым в роду человеком гуманитарных интересов. Н.П. Лихачёв, который знал свою родословную начиная с XV века, считал, что его предкам, неродословным дворянам, служившим в приказах, требовалась грамотность

---

[1] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 31.

[2] Там же. С. 30–31; Полянки — родовое поместье Лихачёвых // Официальный Татарстан: Историческая справка о Полянском сельском поселении Спасского муниципального района [Электронный ресурс: http://spasskiy.tatarstan.ru/istoricheskaya-spravka-442089.htm].

[3] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 32.

[4] Там же. С. 32.

[5] Там же. С. 33–34.

[6] Там же. С. 8.

[7] Там же. С. 33.

[8] Его отец, Л.И. Лихачёв, был «Казанского гарнизона Свияжского пехотного полку подполковник». См.: *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 28.

и умение излагать мысли[1]. Академику было известно несколько книг, подписанных ещё его жившим в XVII веке предком — Константином Лихачёвым[2], в том числе рукопись с библиофильской записью о её приобретении, датированной сентябрём 1612 года. «Вся Русь волновалась… близко было освобождение Москвы и изгнание поляков, но момент был наиболее критический… один Константин Иванович, найдя интересную рукопись у сельского попа, смакует её содержание и заботится о тщательной записи нового приобретения в число книг, ему принадлежащих»[3].

Что касается изданий XVIII — начала XIX века из библиотеки прапрадеда, то при написании «Генеалогической истории» Н.П. Лихачёву были ещё доступны сотни книг: романы, трагедии, комедии, речи и слова, путешествия, книги по географии и истории, богословию, юриспруденции, сельскому хозяйству и медицине; немало было и масонских изданий[4]. Полянский помещик был единственным подписчиком в 1791 году «Московского журнала» Н.М. Карамзина[5]. Одной из самых интересных книг дедовской библиотеки Н.П. Лихачёв считал французское издание басен Лафонтена с автографом И.А. Крылова[6], но, к сожалению, современное местонахождение этого уникального экземпляра неизвестно.

Настоящий библиофил, предок Н.П. Лихачёва пытался каталогизировать библиотеку (сохранились номера на книгах) и собственноручно подписывал книги. Больше того, он разработал несколько типов книжных знаков[7]. Образованность А.Л. Лихачёва, вероятно, была принята во внимание при назначении его директором Главного народного училища (Казанской гимназии), где среди его учеников были С.Т. Аксаков и будущий профессор Казанского универси-

---

[1] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 8–9.

[2] Там же. С. 18–21.

[3] Там же. С. 20–21.

[4] Там же. С. 33.

[5] Там же. С. 34.

[6] Там же. С. 46–47.

[7] Там же. С. 34–36, табл.; *Панченко Е.З.* Владельческие знаки библиотеки Лихачёвых // Наследие Николая Петровича Лихачёва: интерпретация текста и образа: материалы научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачёва (1862–1936). Труды Государственного Эрмитажа. Т. 71. СПб., 2014. С. II цв. вкл., 80–81.

тета П.С. Кондырев[1]. В Казани Александр Логинович подружился с И.И. Панаевым и И.П. Осокиным — библиофилами, связанными с литературным миром: оба были знакомы с Г.Р. Державиным и сами сочиняли. Со временем Лихачёвы породнились с Осокиными и Панаевыми, и в усадебную библиотеку влились книги как с дружескими надписями друзей хозяина, так и принадлежавшие в разные годы этим культурным семьям[2].

У наследника имения Семёна Александровича Лихачёва (1774–1821) склонность к коллекционированию не проявилась, хотя он был страстный лошадник. Осталось всего несколько надписанных им книг[3]. Совсем другим был внук Александра Логиновича Фёдор Семёнович Лихачёв (1796–1835). Он блестяще начинал военную карьеру, но был вынужден, вследствие полного разорения имения, выйти в отставку и поселиться в деревне. Читал в дедовской библиотеке, выписывал много книг и журналов, особенно интересовался материалами по эпохе Петра I. Собирал также старинное оружие, чубуки и трубки[4]. Женатый на Г.И. Панаевой (1794–1880), он оказался в кругу семьи, не чуждой литературной деятельности. Другом семьи стал поэт В.И. Панаев[5], и в помещичьей библиотеке остались надписанные им сочинения[6]. Сама Глафира Ивановна дружила с казанской поэтессой Анной Наумовой,

---

[1] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 34, 38, 44; *Лепёхин М.П.* Лихачёв Александр Логгинович. С. 210–211. С.Т. Аксаков в своих воспоминаниях весьма критично отзывается об А.Л. Лихачёве как о директоре училища.

[2] Иван Иванович Панаев (1752/1753–1796) — пермский губернский прокурор, писатель, отец поэта Владимира Ивановича Панаева, дед своего полного тёзки известного литератора Панаева. Иван Петрович Осокин (1745–1808) — казанский дворянин, фабрикант и поэт. См.: *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 38–43; *Агафонов Н.Я.* Из казанской истории. Казань, 1906. С. 202–204; *Завьялова И.В.* Казанский знакомый Г.Р. Державина — Иван Осокин // Г.Р. Державин в новом тысячелетии: материалы международной научной конференции, посвящённой 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания Казанского университета. 10–12 ноября 2003 года. Казань, 2003. С. 89–91.

[3] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 52–55.

[4] Там же. С. 57.

[5] Глафира Ивановна и Владимир Иванович (1792–1859) Панаевы — дети И.И. Панаева, друга А.Л. Лихачёва.

[6] *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности…». Автографы на книгах XVIII — первой половины XIX века из библиотеки Санкт-Петербургского института истории // Новое литературное обозрение. 2010. Т. 101. С. 462–463.

издавшей сборник «Уединённая муза закамских берегов», в молодости анонимно печаталась в петербургском журнале «Благонамеренный»[1]; её мать поддерживала отношения с Г.Р. Державиным, с которым была в родстве[2]; муж её сестры врач Ф.М. Рындовский, хозяин литературного салона, печатался в казанском журнале «Заволжский муравей»[3].

Идиллическая жизнь Лихачёвых в Полянках длилась недолго: глава семьи умер, не дожив до сорока лет. Глафира Ивановна одна воспитывала шестерых детей[4] и восстанавливала благосостояние семьи. Помещение библиотеки сократили: часть книг увезли, остальные сложили в бильярдной комнате внутри старых турецких диванов — и всё же выписывали «Московские ведомости» и «Современник»[5]. Было ли то наследственной предрасположенностью, влиянием домашних коллекций старинного оружия, монет и чубуков или книг, даже убранных в диваны, но трое сыновей Г.И. Лихачёвой в той или иной степени стали коллекционерами.

Андрей Фёдорович Лихачёв (1832–1890) знаменит в Казани и Татарстане, но за пределами республики его имя мало знают. Однако размах его деятельности сопоставим с деятельностью самых выдающихся русских коллекционеров и меценатов. В его собрании было почти пятнадцать тысяч экспонатов по археологии, этнографии и истории быта, изделия из стекла и фарфора, оружие и ткани, около двадцати пяти тысяч монет и медалей, а также более двух с половиной тысяч гравюр и фотографий, более четырёхсот живописных полотен, в том числе Л. Кранаха, С. Розы, А. ван Остаде, Д.Г. Левицкого, В.А. Тропинина, И.И. Шишкина и других художников[6]. Среди сведений о богатстве его коллекций теряются сообщения о том, что и его библиотека была лучшей в Казани,

---

[1] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 58; *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности…». С. 462.

[2] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 58.

[3] Там же. С. 59–62.

[4] *Ключевская Е.П.* Лихачёвы. История рода, история коллекций // Завещано Казани… Произведения изобразительного искусства из собрания А.Ф. Лихачёва. СПб., 2009. С. 13; Вице-адмирал И.Ф. Лихачёв // Николаев литературный [Электронный ресурс: http://litnik.org/index.php/spetsialnye-vypuski-zhurnala/nikolaevskie-admiraly-l].

[5] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 66.

[6] Краткий указатель казанского городского публичного музея имени А.Ф. Лихачёва. Казань, 1895. С. XV, 2–61; Завещано Казани… С. 54–277; *Ключевская Е.П.* Лихачёвы. История рода, история коллекций. С. 36.

с редкими старинными книгами и рукописями[1]. Он внёс значительный вклад в изучение истории, этнографии и археологии Казанской губернии, сам организовывал раскопки (в том числе в окрестностях родного имения), публиковал научные труды, был избран в действительные члены Императорского Археологического общества. А.Ф. Лихачёв считается первооткрывателем памятников неолита и бронзового века на территории Поволжья[2]. Болезненный и артистичный, он, за исключением нескольких поездок в Европу, уединённо жил в собственном доме в Казани: общался по преимуществу с антикварами, кладоискателями и татарами-старьёвщиками, по ночам разбирал коллекции, изучал восточные языки и даже, как свидетельствуют современники, вышивал бисером[3]. Женитьба в зрелом возрасте и рождение детей не изменили его образа жизни. А.Ф. Лихачёв не успел при жизни распорядиться судьбой своих коллекций. После его смерти его старший брат И.Ф. Лихачёв предложил выкупить у вдовы коллекции и подарить их Казани. Коллекция была приобретена за 30 тысяч рублей серебром, причём вдова, оставшаяся с четырьмя малолетними детьми, благородно отказалась от предложенной сначала огромной суммы в 200 тысяч[4]. Собрание А.Ф. Лихачёва составило основу открытого в Казани в 1895 году городского общедоступного музея, названного Лихачёвским[5]. После революции целостность коллекции была нарушена, и сейчас на её основе организовано два главных музея республики — Национальный музей Татарстана и Музей изобразительного искусства[6].

Старшего из братьев Лихачёвых, Ивана Фёдоровича (1826–1907), с детства готовили к военной карьере, и она оказалась вполне удачной: морской кадетский корпус в Петербурге, служба на Балтике, в Нико-

---

[1] *Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю.* Казанский антиквариум. Казань, 2006. С. 107; Краткий указатель казанского городского публичного музея… С. XV.

[2] Лихачёвский след на казанской почве // Каз@нские истории [Электронный ресурс: http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/khraniteli-istorii/14577-likhachevskij-sled-na-kazanskoj-pochve]; Лихачёв Андрей Фёдорович [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лихачёв,_Андрей_Фёдорович].

[3] *Ключевская Е.П.* Лихачёвы. История рода, история коллекций. С. 31–42; Лихачёв Андрей Фёдорович.

[4] *Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю.* Казанский антиквариум. С. 114, 124; Лихачёв Андрей Фёдорович.

[5] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 66; Завещано Казани… С. 7.

[6] *Ключевская Е.П.* Лихачёвы. История рода, история коллекций. С. 42.

Усадебный дом в Полянках. Начало XX века

лаеве, на Черноморском флоте, героическое участие в обороне Севастополя, морские походы на Дальнем Востоке, где его именем названы мыс и пролив, служба морским агентом России в Англии и Франции. Вице-адмирал, он попросил об отставке в 57 лет и поселился в Париже. Писал научные статьи (опубликованы в «Морском сборнике», «Кронштадтском вестнике»), изучал языки и коллекционировал искусство. Эту коллекцию и свою библиотеку он завещал Казани. К сожалению, не обнаружены данные об их составе и дальнейшей судьбе. Главным вкладом в культурную жизнь города Казани И.Ф. Лихачёва считается передача коллекций брата. Казанская городская Дума избрала его почётным гражданином города, а его имя увековечили на одной из мраморных досок у входа в Казанский городской музей[1].

После тридцатилетнего управления имением Г.И. Лихачёва удалилась в монастырь, и наследником Полянок стал Пётр Фёдорович Лихачёв (1833–1904). Г.И. Лихачёва оказалась выдающейся хозяйкой: незадолго до отмены крепостного права в Полянках было более 1200 крепостных, конный завод, крупная ферма с овцами, своя пристань на Волге, сдавались в аренду заливные луга, сенокосы, амбары. Село

[1] Вице-адмирал И.Ф. Лихачёв; *Ключевская Е.П.* Лихачёвы. История рода, история коллекций. С. 17.

стало местным торговым центром с базарным днём[1]. Пётр Фёдорович, начинавший, как многие Лихачёвы, с военного поприща, в результате посвятил свою жизнь поддержанию благосостояния родового имения, стал отцом многочисленного семейства. П.Ф. Лихачёв вовсе не был, что называется, книжником, и тем не менее именно ему принадлежит выдающаяся роль в истории Полянской библиотеки. В заново отстроенном им доме было выделено помещение для книг: как и в старом доме, это была бильярдная. «В Казани заказаны были три огромных шкапа… Книги из шкапов, диванов и сундуков постепенно раскладывались на биллиарде и распределялись по отделам»[2]. Старая библиотека была не просто сохранена и заново расставлена. Она была систематизирована, все книги отмечены книжными знаками[3]. В этом занятии помощником и единомышленником П.Ф. Лихачёва был брат его жены Я.П. Андреев, причём эти «два отставных офицера сами выработали систему, очень совершенную в смысле сохранения места и удобства отыскания книг»: книги были разделены на тематические разделы, внутри разделов подобраны по формату, по формату же ставились на полки и пронумеровывались. Был заведён книжный каталог, разделённый на тематические разделы: богословие, законоведение, философия, сельское хозяйство, архитектурные рисунки, история и биографии, путешествия, художественная литература, книги на иностранных языках, периодические издания…[4] Внутри разделов книги были упорядочены по алфавиту. Полный состав библиотеки этого времени неизвестен, однако около тысячи томов с экслибрисом П.Ф. Лихачёва находится сейчас в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН, значительное количество книг (русская художественная литература XVIII века) сосредоточено в фондах отдела редкой книги Библиотеки Академии наук, беллетристика XIX века перешла в библиотеку Пушкинского Дома. Кроме распространённого экслибриса-ярлыка П.Ф. Лихачёва, на одном из изданий был обнаружен сухой штемпель с его именем. Такие знаки используют коллекционеры гравюр и графики. Это означает, что Пётр Фёдорович собирал предметы искусства. На фотографиях интерьеров

[1] *Мельников С.* Замечательные селения на Волге в пределах Казанской губернии. Село Никольское-Полянки // Казанские губернские ведомости. 1858. №. 14. С. 103–106.

[2] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 87.

[3] *Панченко Е.З.* Владельческие знаки библиотеки Лихачёвых. С. 82.

[4] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 87–88.

усадьбы 1890-х годов мы видим картины, скульптуру, фарфор, но следы этого собрания затерялись[1].

Разбор библиотеки в Полянках пришёлся на детские годы старшего сына П.Ф. Лихачёва Николая Петровича — будущего академика: «Восьмилетним мальчиком получил он из дублетов в подарок «Книгу язык», и эта книжка положила начало его собственному собранию и зажгла наследственную библиофильскую страсть… С пятнадцатилетнего возраста пользование прадедовскими сокровищами стало лучшей утехой гимназического вакационного времени»[2]. Через много лет после смерти хозяина Полянок именно Николаю Петровичу досталась фамильная библиотека; в 1908 году книги были перевезены в Петербург в его дом на Петрозаводской улице, этим же годом датируется собственный книжный знак Н.П. Лихачёва[3]. В эти годы он[4] преподаёт в Археологическом институте, пишет научные труды, занимает почётную должность вице-директора Императорской публичной библиотеки. Он — глава многодетной семьи, счастлив, богат. Дом на Петрозаводской наполняют коллекции, в том числе знаменитая коллекция икон. Собираются книги, изданные в родной Казани, новаторская коллекция летучих изданий — афиш, листовок, указов, коллекция суперэкслибрисов[5]. Как бы в продолжение прадедовской усадебной библиотеки Н.П. Лихачёв в Петербурге при-

---

[1] *Панченко Е.З.* Владельческие знаки библиотеки Лихачёвых. С. 81–82; *Ключевская Е.П.* Лихачёвы. История рода, история коллекций. С. 28–30, 42. Есть сведения, что последний владелец имения И.П. Лихачёв в 1920 году сдал на хранение в Казанский городской музей 25 картин и китайские вазы. См.: *Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю.* Казанский антиквариум. С. 37.

[2] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 88.

[3] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 98; *Панченко Е.З.* Владельческие знаки библиотеки Лихачёвых. С. 81–82.

[4] О жизни и деятельности Н.П. Лихачёва см.: *Климанов Л.Г.* Учёный и коллекционер, «известный всей России, ещё более Европе» // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 424–453; Из коллекций академика Н.П. Лихачёва: каталог выставки. СПб.: Седа-С, 1993. 279 с.; «Звучат лишь письмена…»: к 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачёва. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 598 с.

[5] *Лихачёв Н.П.* Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографии… СПб.: Типография Балашева и К, 1895. VIII, 100 с.; *Лихачёв Н.П.* Каталог летучих изданий и их перепечаток… СПб.: Типография Балашева и К, 1895. [4], XIV, 467 с.; *Панченко Е.З.* Забытая коллекция: суперэкслибрисы в библиотеке Н.П. Лихачёва // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2005. Т. 29. С. 118–130.

обретает русские издания XVIII и начала XIX века, и эта его коллекция впоследствии будет учтена при составлении «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» (М., 1962–1967). Смысл его жизни — ночное, как и у его дяди А.Ф. Лихачёва, бдение за письменным столом, изучение и описание коллекций, материалы которых отбираются и в России, и за границей. В последний мирный 1913 год он пишет и посвящает памяти отца «Генеалогическую историю», но в этой книге уже можно увидеть признаки наступающей тревоги: «Непрочны библиотеки городских собирателей! Нет в городах тех деревенских сундуков, кладовых и чердаков, в которых помещичьи библиотеки отлёживались, но зато и сохранялись, иногда десятилетиями. По нынешним временам хорошо ещё, если собирателю не приходится при жизни расставаться со своими сокровищами…»[1] Николай Петрович не избежал этой участи.

Полянки за полтора века жизни Лихачёвых из глуши стали богатым селом: кирпичные заводы, мельницы, кожевенные мастерские, пристань на Волге, больница. Помещики построили школу, организовали хорошую библиотеку[2]. После революции были стёрты с лица земли дом и роскошный сад. Устояла, но была опустошена церковь, осквернены могилы, сельчане растащили по домам могильные плиты. Неизвестна судьба жившей в усадьбе семьи брата Н.П. Лихачёва Ивана Петровича[3]. За прошедшие с тех пор ещё сто лет село опустело почти до уровня XVIII века[4]. О печальной участи родного дома Н.П. Лихачёв, конечно, знал. Новую власть ему любить было не за что, но уезжать такие люди не могли: собрания были смыслом жизни. В 1925 году, чтобы сохранить коллекции, Н.П. Лихачёв дарит их вместе с домом Академии наук СССР. Он теперь не хозяин дома, а директор Музея палеографии. По свидетельству современника, музей «представлял собою одну из достопримечательностей Ленинграда… С неослабной энергией и увлекательным

---

[1] *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история… С. 98.

[2] История села Полянки [Электронный ресурс: http://nailtimler.com/rayony_pages/spassky_rayon/spassky_rayon_polyanki.html]; Вадимовы Иоанн и Пётр Иоасафовы — священники. Казанская губерния // Фотопрогулки: генеалогия, краеведение, фото [Электронный ресурс: http://foto-progulki.ru/vadimovi_i_p].

[3] Здесь жив пример Лихачёвых // Республика Татарстан [Электронный ресурс: http://rt-online.ru/zdes-zhiv-primer-lihachevyh/].

[4] История села Полянки.

воодушевлением объяснения посетителям давал сам Николай Петрович»[1]. Но даже в те годы, когда его собрание обрело статус академического учреждения, Н.П. Лихачёв не мог быть спокоен за его судьбу. Летом 1925 года его друг академик С.Ф. Платонов публикует в «Красной газете» заметку «Охраните ценнейший памятник!»: рядом с домом на Петрозаводской появилась спортплощадка, и мячами могут быть разбиты окна дома, внутри которого ценности, каких нет во всей Европе…[2] Ощущение хрупкости традиционной культуры при новой власти не покидало старых академиков, хотя, проявляя лояльность, они искали защиту в большевистской газете. Не спасло. В процессе по так называемому «академическому делу» и Н.П. Лихачёву, и С.Ф. Платонову приписали монархический заговор. Финал: в 1930 году тюрьма, затем ссылка в Астрахань, возвращение больного старика в опустошённый дом, запрет на профессию, смерть. На одной из последних фотографий — Николай Петрович с сестрой Марией у себя на Петрозаводской, над ними фотография дома в Полянках. Библиотека пережила несколько переездов и реорганизаций, разрознена — и всё-таки жива.

Н.П. Лихачёв с сестрой М.П. Казиной в последние годы жизни

[1] *Климанов Л.Г.* Учёный и коллекционер… С. 442.

[2] *Платонов С.Ф.* Охраните ценнейший памятник! // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. М., 2017. С. 304.

Так была ли наследственной в роду Лихачёвых «страсть коллекционерства»? Мы могли бы проверить эту гипотезу академика не только на его предках, но и на детях, внуках. Однако известных потомков (а в семье Н.П. Лихачёва было девять детей) осталось совсем немного: война, блокада, репрессии. Ни социальный, ни имущественный статус детей «врага народа» не предполагал приобретение предметов искусства. Мы мало знаем о коллекционерах — потомках казанской линии, потомках А.Ф. Лихачёва. Всё же один из сыновей Н.П. Лихачёва, Геннадий Николаевич, собирал бумажные денежные знаки и ассигнации, дочери коллекционировали открытки[3], но это скорее было подражанием занятиям отца, а не смыслом жизни. Вероятно, намного большей силой обладали не гены, а семейные традиции, прочные стены родного дома, старые книги, монеты в ящичках и сабли на ковре. В Полянках домашние коллекции, как собрания однотипных, но с индивидуальными особенностями предметов, с детства тренировали остроту глаза, чувство эпохи, стиля, подлинности — то «чутьё», которое не заменишь никаким теоретическим образованием. Систематизированные собрания, будущие музеи Андрея Фёдоровича или Николая Петровича Лихачёвых, к которым дети уже не подпускались, вызывали восхищение, но не воспитали будущих коллекционеров. Как знать, что было бы, если бы дом в Полянках уцелел.

[3] Об этом пишет Г.Н. Лихачёв в своих пока ещё не опубликованных целиком «Воспоминаниях», рукопись которых автору любезно предоставила его племянница Н.А. Кондратова.

Елена Субботина

СВИДЕТЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ

1917 год оказался переломным в истории России. Мир разделился на «до» и «после». Культурной жизни страны был нанесён страшный удар: как записал в ноябре 1919 года в своём дневнике К.И. Чуковский, «прежней культурной среды уже нет — она погибла, и нужно столетие, чтобы создать её». Всё это коснулось и библиотек, и архивов, и коллекций: то, что десятилетиями и даже веками собиралось, передавалось по наследству и бережно хранилось, могло быть распылено вмиг и без следа. Восстановить не то что сами собрания, хотя бы информацию о них — задача для кропотливого исследователя.

Хорошо известны такие работы, как труд С.Р. Минцлова «Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время Великой войны и революции», вышедший в Берлине в 1925 году, и статья Ф.Г. Шилова «Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора)», опубликованная в легендарном «Альманахе библиофила» в 1929 году. В издании «Научные библиотеки Ленинграда» (1928) также приведён список библиотек (далеко не исчерпывающий), прекративших своё самостоятельное существование во время революции. Библиотеки в лучшем случае меняли своих владельцев или распродавались, распылялись, растворялись в общей массе, теряя свою индивидуальность, а в худшем — просто гибли: книги горели в пожарах, терялись или оказывались испорченными при перевозке, а бесчисленное множество книг было просто перемолото на бумагу.

В русском книжном фонде Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится книга Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» (1832). На свободном листе перед титулом имеется надпись: «Как грустно становится на душе, когда видишь, что книги валяются на площади базара и мокнут под дождём… неужели мы так богаты ими? Неужели нас прошлое больше не интересует? Неужели мы живём только настоящим? Неужели мы уже потеряли свой собственный облик и забыли всё, что было так дорого нашим отцам и прадедам… О нет! Настанет день и час зари, и мы проснёмся от этого кошмарного сна…» На титульном листе неразборчивая подпись «Н. Мюллер» и дата: «21/IX 1918 г.».

Книжные фонды Всероссийского музея А.С. Пушкина начали комплектоваться в 1950-е годы, значительно позже революционных потря-

сений. Многие старые книжные собрания к этому времени уже распались или сменили своих прежних владельцев и осели в других библиотеках, из которых книги и попали в наш музей. Большое количество книг поступило из дублетных фондов Публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук, Института русской литературы (Пушкинского Дома), библиотеки имени В.В. Маяковского, из Государственного книжного фонда, из обменно-резервного фонда библиотеки имени В.И. Ленина, книгохранилище которого располагалось с 1934 года в храме Священномученика Климента, Папы Римского, в Москве, на пересечении Климентовского переулка и улицы Пятницкой…

Покупались книги в букинистических, антикварных магазинах.

На полках отдела книжных фондов можно встретить как книги, принадлежавшие неизвестным владельцам, так и книги из собраний первых лиц государства.

В книжном собрании музея хранится более 120 книг из императорских и великокняжеских библиотек. Каждый из членов императорской фамилии имел личную книжную коллекцию, после смерти владельца собрание передавалось по наследству. К 1917 году Собственные Императорские библиотеки представляли собой целую сеть книгохранилищ и составляли колоссальный семейный книжный фонд. На протяжении XVIII и большей части XIX века Собственные библиотеки, находясь во владении членов императорской семьи, часто перемещались, сливались, разъединялись, пребывая в постоянном процессе изменения. Например, Александр I в 1816 году передал Императорскому Царскосельскому лицею свою библиотеку, находящуюся в Александровском дворце, а также книги из Яшмовых комнат, принадлежавшие Екатерине II. Большая часть библиотеки Александры Фёдоровны была в 1864 году передана в Московский Публичный и Румянцевский музеи, книги Александра II по завещанию в 1881–1882 годах перешли во владение третьего сына императора великого князя Владимира Александровича. На книгах Л.А. Ярцовой «Полезное чтение для детей» (1834–1836), хранящихся в наших фондах, есть и владельческая наклейка великой княгини Елены Павловны, и штамп её внучки Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской.

Наиболее упорядоченный вид императорские книжные собрания приобрели при последнем императоре Николае II. Они были систематизированы, разделены по тематическому принципу и хранились в нескольких дворцах. К 1917 году в их структуру входили библиотеки:

императора Николая II в Зимнем, Царскосельском, Гатчинском дворце, библиотека наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича, Александра III в Аничковом дворце, Николая I и Александра II в Зимнем дворце, императрицы Александры Фёдоровны, супруги Николая I, в Петергофе, Павла I и Марии Фёдоровны в Гатчинском дворце, Царскосельского Александровского дворца, Демидовская, Ливадийского дворца, Гатчинского дворца, библиотека дипломата и министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского в Зимнем дворце, императорской яхты «Штандарт». При Николае II большая часть собраний приобрела мемориальный характер, только библиотеки самого царя и наследника великого князя Алексея Николаевича активно пополнялись. Библиотеки входили в состав ведомства Императорского двора, представляя его самостоятельное подразделение со своим штатом. Личные книги императрицы и царских детей курировались канцелярией её величества. Личная библиотека Николая II насчитывала более 15 тысяч томов, она располагалась в Собственных покоях и Новых залах Зимнего дворца. В ней были представлены книги по самым разным отраслям знаний, было выделено 14 разделов: духовно-нравственная литература, философская, историческая, хроника императорской фамилии, военная, беллетристика, юриспруденция, естественнонаучная, литература по сельскому хозяйству, промышленности, железнодорожному транспорту, искусству, справочный отдел.

После революции всё императорское имущество было национализировано, а в 1925 году было принято решение о расформировании Собственных библиотек и распределении книг по различным государственным организациям. Примерно 18 тысяч книг поступило в Эрмитажную библиотеку, 15 тысяч было отобрано для Публичной библиотеки имени В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) и перевезено в Москву. Среди музеев, пополнивших свои фонды, можно отметить Государственный Русский музей, Петергофский музей-заповедник, Государственный музей революции. Значительная партия книг поступила в Государственную академию истории материальной культуры, а после её закрытия в начале 1940-х годов книги были перевезены в Российскую государственную библиотеку. К лету 1930 года основные работы по расформированию и распределению книжных собраний семьи Романовых были завершены. Невостребованные книги Собственных и великокняжеских библиотек были переданы в Ленинградское отделе-

ние Государственного книжного фонда, откуда они распределились по многочисленным библиотекам нашей страны. Какая-то их часть была продана за рубеж[1].

В фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина есть книги из библиотеки Александра II, Александра III, Николая II, Александры Фёдоровны (1798–1860), Александра Михайловича (1866–1933), Алексея Александровича (1850–1908), Елены Павловны (1806–1873), Константина Николаевича (1827–1892), Марии Фёдоровны (1759–1828), Михаила Николаевича (1832–1909), Михаила Павловича (1798–1849), Николая Михайловича (1859–1919), Николая Николаевича (1856–1929), Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого (1859–1909) и Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого (1863–1934), Терезии Ольденбургской (1815–1871) и Петра Георгиевича Ольденбургского (1812–1881), а также Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской (1857–1936), урождённой принцессы Мекленбург-Стрелицкой.

Примерно 100 книг из нашего собрания имеют штампы Царскосельской дворцовой библиотеки: Bibliotèque de Tsarskoé Selo. Такой штамп, учреждённый ещё Александром I, ставился на все книги из библиотеки Царского Села до 1876 года, с 1855-го появляется ещё новая печать — «Царскосельская дворцовая библиотека», которая с 1877 года остаётся единственной официально утверждённой печатью.

Есть книги из Александровского, Екатерининского, Гатчинского, Павловского, Ливадийского, Ново-Михайловского, Аничкова дворцов.

Благодаря наличию экслибрисов, библиотечных штампов и наклеек мы можем установить владельцев, проследить историю бытования отдельных экземпляров. Так, на книгах из библиотеки Петра Георгиевича Ольденбургского помимо его экслибриса мы находим экслибрис библиотеки Центрального педагогического музея, штампы Музея революции и Государственного книжного фонда.

Принц Пётр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) — внук Павла I, российский военный и государственный деятель — прославился в первую очередь своей просветительской и благотворительной деятельностью. Благодаря его стараниям возникли: женский институт принцессы Терезии Ольденбургской, приют его высочества принца П.Г. Ольден-

[1] Подробнее см.: *Емельянова Е.А.* Царские книжные коллекции в истории Российской национальной библиотеки. М., 2013; *Дуров В.* Книга в семье Романовых. М., 2000.

бургского, детская больница принца Петра Ольденбургского, приют в память Екатерины, Марии и Георгия, Свято-Троицкая община сестёр милосердия, больницы Обуховская, Мариинская, Петропавловская и другие, воспитательный дом.

В 1835 году принц Ольденбургский открыл училище правоведения. В 1840 году он был назначен обер-директором Санкт-Петербургского коммерческого училища. В 1843 году ему было вверено руководство Александровским лицеем, который в том году был причислен к ведомству учреждений императрицы Марии. В 1880 году он создал «Русское общество международного права». Он был почётным опекуном и председателем Санкт-Петербургского опекунского совета, главным начальником женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии, почётным членом различных учёных и благотворительных обществ. В день 125-й годовщины Воспитательного общества благородных девиц и 25-летия вступления принца Ольденбургского в управление ведомством императрицы Марии, 5 мая 1889 года, на Литейном проспекте перед зданием Мариинской больницы был воздвигнут в честь принца памятник работы И.Н. Шредера с надписью: «Просвещённому благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. 1812–1881».

Пётр Георгиевич Ольденбургский был женат на дочери герцога Вильгельма Нассауского – принцессе Терезии-Вильгельмине-Шарлотте (в наших фондах хранится книга со штампом Терезии Ольденбургской). Супруги Ольденбургские, высокообразованные и художественно одарённые люди, имели разнообразные интересы. Принц Пётр увлекался и занимался литературой всю жизнь. Он сочинял стихи, баллады, элегии, как на русском, так и на немецком языках, перевёл в 1834 году на французский язык «Пиковую даму» Пушкина. Пётр Георгиевич собрал прекрасную библиотеку, которую продолжал пополнять его сын А.П. Ольденбургский.

После 1918 года библиотека была национализирована и поступила в Центральный педагогический музей, который был открыт в 1921 году во дворце принца Ольденбургского (Дворцовая набережная, 2, Миллионная улица, 1). В 1924 году музей стал частью Государственного института научной педагогики, в 1933-м реорганизованного в Ленинградское отделение Центрального научно-исследовательского института педагогики и закрытого в 1939-м.

На части книг стоят также штампы Государственного книжного фонда, Библиотеки Академии наук (БАН), Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (Российская национальная библиотека). Именно из дублетных фондов этих библиотек в наш музей и попали книги.

Из императорских библиотек в книжные фонды Всероссийского музея А.С. Пушкина поступили в основном книги конца XVIII — первой половины XIX века. В первую очередь это русская литература: А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, В.И. Майков, В.Ф. Одоевский, А.П. Сумароков, М. Загоскин, Н. Карамзин; западноевропейская литература на иностранных языках: Вольтер, Байрон, Вальтер Скотт. Есть также книги по философии (*Cousin V.* Cours de philosophie. 1828–1829), истории (*Hallam H.* L'Europe au moyen age. 1820–1822), географии (*Malte-Brun C.* Précis de la géographie universelle, ou description de toutes les parties du monde, sur un plan nouveau. 1810–1829), по истории религии, например Библия, изданная в Париже в 1899 году, из библиотеки Николая II (Les Saints Évangiles / traduction par l'abbé Glaire… Illustrations d'après les maîtres des XIVe, XVe et XVIe siècles. Paris,1899).

В составе Собственных библиотек, начиная со времени Николая I, находилась так называемая военная библиотека. Военная тема в жизни императорской семьи всегда имела большое значение: практически всех мальчиков в перспективе ожидала эта стезя. Представители императорской фамилии подвизались на военном поприще: имели воинские чины, были августейшими шефами одной или нескольких воинских частей российской армии, и даже жёны и дочери императоров имели подшефные полки.

У нас хранятся несколько книг по военной теме. Например, книга Петра Фомича Лузанова «Августейшие кадеты и их участие в лагерных сборах военно-учебных заведений» (1902) с экслибрисом Николая II.

Необходимо особо отметить «Военно-медицинский журнал». Это конволют из № 1 и 2–3 за 1827 и 1828 годы. Экземпляр в полукожаном переплёте с золототиснёным суперэкслибрисом Николая II на корешке, на титульном листе штамп Bibliotèque de Tsarskoé Selo, на форзаце наклейка Александровского дворца. Перед титулом вклеен лист с записью орешковыми чернилами: «Господину начальнику Главного Штаба Его Императорского Величества Графу Дибичу для поднесения Государю Императору. Тетрадь сия содержит всё то о чуме, что об оной должно

быть известно всем врачам 2-й Армии, и по которому они руководствовались в последнем подозрительном случае в Бухаресте. Баронет Яков Виллие. Июнь 13-го дня. С. Казац под Браиловом».

Автор этой записи, баронет Яков Васильевич Виллие (1768–1854), — военный врач, лейб-хирург российского императорского двора, организатор военно-медицинского дела в российской армии. Виллие, шотландец по происхождению, в 1790 году приехал в Россию и, начав службу военным врачом, сделал блестящую карьеру. С 1799 года он был лейб-хирургом Павла I, подписавшим свидетельство о его смерти от «апоплексического удара», затем лейб-хирургом Александра I и Николая I, по сути семейным врачом императоров. С 1806 года Я.В. Виллие являлся главным медицинским инспектором армии. В течение 30 лет (с 1808 до 1838 года) был президентом Медико-хирургической академии, с 1812 по 1836 год возглавлял медицинский департамент военного министерства. Участник войн александровского периода, он сражался под Аустерлицем, Йеной, Прейсиш-Эйлау. После битвы при Прейсиш-Эйлау лично оперировал М.Б. Барклая-де-Толли. В 1812 году Виллие — главный медик действующей армии, участник Бородинского сражения: на поле битвы он лично произвёл до 80 операций и оказал помощь князю Багратиону. Признанием заслуг Якова Виллие, участвовавшего в качестве врача во всех войнах Российской империи в первой половине XIX века, явилось награждение его всеми русскими и многими зарубежными орденами. В частности, знаменитый медик был кавалером ордена Святого Владимира I степени и Святого Александра Невского с алмазными знаками; британская корона в 1814 году пожаловала Виллие рыцарский титул. В его честь была отлита памятная золотая медаль.

Большое внимание Виллие уделял военной гигиене и эпидемиологии. За свои научные и учебно-методические труды 25 мая 1814 года он был избран членом Петербургской академии наук. В 1811 году Виллие начал издание первого в России научного медицинского журнала под названием «Всеобщий журнал врачебной науки». Он выходил до 1816 года, а в 1823 году, также Яковом Виллие, был основан первый периодический русскоязычный «Военно-медицинский журнал», существующий и поныне.

Рескриптом короля Великобритании Георга III от 25 мая 1819 года Яков Васильевич Виллие был возведён в достоинство баронета, а 2 февраля 1824 года Яков Виллие признан баронетом в Российской империи.

Адресована записка Ивану Ивановичу Дибич-Забалканскому (1785–1831), русскому полководцу, генерал-фельдмаршалу, участнику войн с Наполеоном. С 1814 по 1823 год Дибич занимал должность начальника штаба 1-й армии. С 1823 года временно исполнял должность, а с июля 1824 года был назначен начальником Главного штаба (одновременно управляющим квартирмейстерской частью и военно-топографическим депо). Был близок к государям Александру I и Николаю I.

Во время войны с Турцией в 1828 году Дибич находился при действующей армии, сначала без всякой определённой должности, а в начале 1829 года был назначен главнокомандующим действующей армией. За успешные боевые действия получил титул Забалканского, чин генерал-фельдмаршала и орден Святого Георгия I класса. Надпись на книге имеет непосредственное отношение к этой войне, в ходе которой русские войска совершили ряд походов в Болгарию, на Кавказ и на северо-восток Анатолии.

В сопроводительной записке к «Военно-медицинскому журналу» Виллие отметил место: «под Браиловом». Браилов — это крепость, которую наши войска осадили в мае 1828 года, а 7 июня крепость сдалась. Известно, что в войсках в дальнейшем свирепствовали болезни. Так, после взятия Карса в июне 1828 года военные действия были приостановлены вследствие появления чумы; в августе в войсках, стоявших под Шумлой, также свирепствовали болезни. В 1829 году граф Дибич, назначенный главнокомандующим, деятельно принялся за пополнение армии и за устройство её хозяйственной части. Тогда Яков Васильевич Виллие, обеспокоенный эпидемиологической обстановкой в армии, и посылает графу Дибичу «Военно-медицинский журнал».

Вспомним, что в мае 1829 года А.С. Пушкин после неудачного сватовства к Наталье Николаевне уезжает на Кавказ в действующую армию. Свою поездку Пушкин описывает в «Путешествии в Арзрум». Здесь он встречается с друзьями юности и ссыльными декабристами: с лицеистом Владимиром Дмитриевичем Вольховским, Николаем Николаевичем Раевским-сыном (у него в палатке он и живёт всё это время), братом Ивана Пущина Михаилом Ивановичем. Опасность не страшила Пушкина. Его видели с пикой в руках в передовой цепи атакующих казаков. Вот что пишет об этом эпизоде Н.И. Ушаков, бывший свидетелем описываемых событий и встречавшийся с Пушкиным у Н.Н. Раевского: «Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не

мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он (Пушкин) тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевлённый отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схватив пику подле одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке». Об участии Пушкина в боевых действиях говорит и рисунок в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой (1810–1872). Он сделан рукою поэта после возвращения из Арзрума 20 сентября 1829 года, где Пушкин действительно изобразил себя на коне, с копьём в руках, в круглой шляпе и бурке.

А.С. Пушкин побывал в Карсе и, увидев главную достопримечательность города — неприступную Карскую крепость спустя год после её взятия русскими войсками, назвал Натали именем крепости — «Карс».

Отметим, что Пушкин решает спешно покинуть Арзрум, узнав о начавшейся там чуме, и, возвращаясь в конце июля, вынужден был выдержать в Гумри трёхдневный карантин.

«Военно-медицинский журнал», по всей вероятности, осел в военной библиотеке и уже позднее, при Николае II, был переплетён, о чём свидетельствует суперэкслибрис на корешке. В фонды нашего музея журнал поступил из Института русской литературы в 1957 году.

Новые, ранее не учтённые экземпляры книг из императорских библиотек выявляются в процессе работы с фондами. В последнее время эта картотека значительно пополнилась.

Константин Боленко

ОТСТУПАЯ, НО НЕ СДАВАЯСЬ: КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА ВО ДВОРЦЕ-МУЗЕЕ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ» В 1928—1929 ГОДАХ[1]

1928 год стал в истории музея-усадьбы «Архангельское» очень непростым. С одной стороны, это был момент наивысшего взлёта в его довоенной истории. Так, в соответствии с концепцией развития был восстановлен на первую треть XIX века один из важнейших парадных залов дворца — зал Тьеполо. Он был воссоздан на месте библиотеки, существовавшей там при последних Юсуповых; книги были перемещены на второй этаж западного флигеля, использовавшегося для размещения части книжного собрания с 1810-х годов (так называемая «временная библиотека»).

Была также разработана продуманная цепочка выставок на втором этаже дворца; музей выпустил серию изданий, подготовленных собственными сотрудниками и привлечёнными специалистами[2]. Московский отдел народного образования и музей начали выпуск и продажу музейных открыток.

С другой стороны, музей потерял несколько тысяч томов юсуповской библиотеки, причём должен был отдать в Румянцевскую библиотеку (с 1925 года Государственную библиотеку имени В.И. Ленина) гораздо больше, чем рассчитывал[3]. Самая главная и неожиданная неприятность состояла в том, что ряд строений музея, в том числе придворцовые флигели, был переведён в ведение Мосздравотдела для использования под дом отдыха[4].

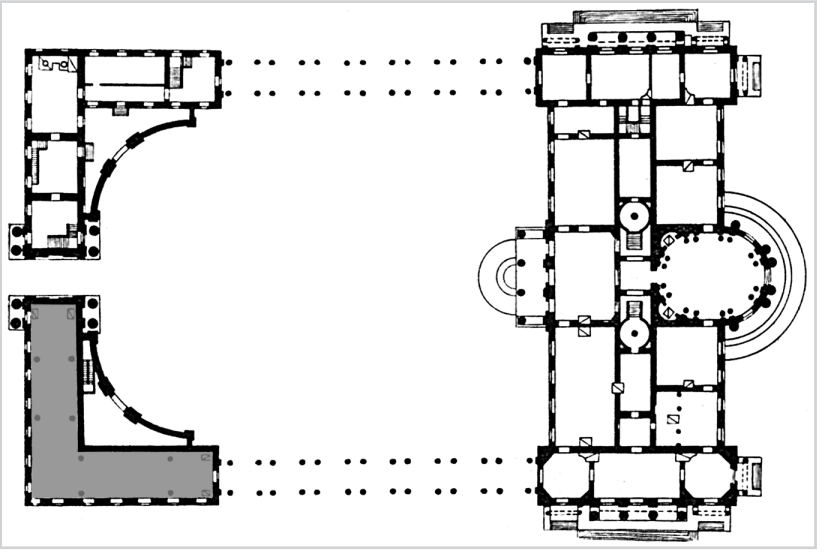
---

[1] См. также: *Боленко К.Г.* В тени художественных коллекций: обстановочный комплекс библиотеки Н.Б. Юсупова во дворце-музее (музее-усадьбе) «Архангельское» в период с 1918 по 1980-е годы (с. 127 настоящего сборника).

[2] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». 1917–1940 годы. Государственный музей-усадьба «Архангельское» (ГМУА). Инв. № НА-838. С. 42.

[3] Подробнее см.: *Боленко К.Г.* Музей-усадьба «Архангельское» и Библиотека Румянцевского музея (Всесоюзная публичная библиотека имени В.И. Ленина) в 1920-е годы: некоторые подробности книжного трансфера // Чертковские чтения: сборник материалов Третьей международной научной конференции. Москва, 4–5 декабря 2014 года. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2015. С. 5–15.

[4] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 83–84.



План дворца в Архангельском. Выделен западный флигель

Формальная передача музейных зданий дому отдыха «Архангельское» состоялась 27 марта. Вывоз карет откладывался до постройки специального сарая. Любопытно, что западный флигель (в передаточном акте — «левое крыло флигеля, примыкающего к музею») был охарактеризован в том же акте «ныне занятым каретами и экипажами», библиотека на втором этаже даже не упоминалась. В перечне работ по флигелю не упоминается также постройка лестницы на второй этаж, что делало его использование домом отдыха невозможным, поскольку в тот момент попасть на второй этаж флигеля можно было только через второй этаж дворца по верху соединяющей их галереи[1]. Не исключено, что второй этаж флигеля полуофициально оставался за музеем, во всяком случае на какое-то время; да и дирекцию дома отдыха он мог интересовать ввиду малодоступности в последнюю очередь. Также музей, согласно акту, сохранял за собой две

[1] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 4. Ед. хр. 2337. Л. 75–76. Приношу благодарность научному сотруднику Центральных научно-реставрационных проектных мастерских М.А. Плигиной, предоставившей в наше распоряжение электронные копии ряда документов.

комнаты в восточном флигеле и имел право претендовать ещё на две комнаты в переданных дому отдыха зданиях — специально для размещения научных сотрудников[1]. Таким образом, утрата помещений не была полной, оставались возможности для продолжения торга.

Кроме того, соглашение между музеем и домом отдыха, заключённое 2 апреля 1928 года и служившее дополнением к акту от 27 марта, показывает, что получение домом отдыха недвижимости сопровождалось серьёзными финансовыми и административными обременениями[2].

Во-первых, дом отдыха не имел права без согласования с музейным подотделом Московского отдела народного образования изменять внешний облик полученных зданий (к примеру, сделать внешнюю лестницу на второй этаж западного флигеля, подобную той, что существовала до начала XX века).

Во-вторых, было решено, что «всё имущество Музея, находящееся в передаваемых д/отдыха помещениях, перевозится в г. Москву по указанию Музейного п/отдела, в фонд последнего за счёт Мосздравотдела». Для Клабуновского и Найдышева открывались широкие возможности для того, чтобы как минимум на несколько месяцев затянуть передачу хотя бы самых необходимых музею помещений. Второй этаж западного флигеля был, безусловно, одним из них.

В-третьих, предполагалось, что дом отдыха «несёт охрану в районе «Каприза» и парковой части дворца, а также предоставляет одного рабочего по уборке парка», а «отдыхающие и сотрудники д/отдыха пользуются территорией музея и д/отдыха, подчиняясь правилам, выработанным Администрацией музея совместно с администрацией д/отдыха».

В-четвёртых, дом отдыха должен был представить музейному подотделу и музею правила противопожарной охраны переданных ему объектов.

В-пятых, семь комплектов декораций работы П.Г. Гонзаго, хранившихся в театре, не вывозились в Москву, а оставались «в распоряжении администрации музея» и не могли быть использованы домом отдыха «для своих культурных нужд»[3]. Таким образом, музей сохранял за собой доступ в театр и контроль за действиями администрации дома отдыха на этом объекте.

---

[1] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Ед. хр. 2337. Л. 75 об.

[2] Там же. Л. 77–77 об.

[3] Там же.

О том, что музей не собирался сидеть сложа руки, свидетельствует письмо А.А. Найдышева в музейный подотдел от 19 ноября 1928 года (оно служило дополнением к письму от 29 сентября, то есть не было первым и единственным). В письме Найдышев жаловался на несоблюдение дирекцией дома отдыха условий соглашения, касающихся обеспечения охраны объектов и характера производимых работ[1]. Насколько результативными были эти протесты, неизвестно (но отметим, что и о полном несоблюдении домом отдыха принятых на себя условий речи тоже не было).

7 мая с первого этажа западного флигеля в специально построенный сарай были перевезены кареты[2]. Что касается библиотеки (и библиотечных интерьеров), то информации о её перемещении нет.

Одна из возможных причин того, почему этот план не состоялся, становится ясна из письма А.А. Найдышева в Московский отдел народного образования от 28 июля 1929 года: «Заведующий домами отдыха (объединёнными) тов. Хоужемиров на предложение музея о предоставлении здания Каприза под музей высказал пожелание о передаче музею 2 передних корпусов (кухонного и каретного), мотивируя это неудобством разобщения зданий дома отдыха… Прошу Вас поставить заявление заведующего домом отдыха на обсуждение, о возврате 2 корпусов под музей, так как старинным образцам, как кареты, может быть нанесён ущерб и порча ввиду неприспособленных помещений, где таковые хранятся»[3]. За словами о «неудобстве размещения», очевидно, скрывается признание того факта, что освоить отнятую у музея придворцовую недвижимость дом отдыха не смог и спустя год уже сам был рад избавиться от проблемных «активов».

Поскольку никаких сведений о масштабном перемещении музейных ценностей в Москву и обратно не выявлено, можно предположить, что, столкнувшись с трудностями в освоении флигелей, медицинское начальство на этом не настаивало и ситуация оказалась подвешенной. В этих условиях перемещать куда-либо библиотеку, располагавшуюся на втором этаже западного флигеля, тем более не было никакой необходимости. Договориться с дирекцией дома отдыха об открытии на втором этаже флигеля книжной выставки, вероятно, не составило большо-

[1] ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Ед. хр. 2337. Л. 8.
[2] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 84.
[3] ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 39–39 об.

Книжная выставка в западном флигеле. Северное крыло. Общий вид. 1929 год. Материалы фотофиксации книжной выставки. Подсобный фотофонд

го труда, и планы по устройству библиотечной экспозиции во дворце должны были отпасть за ненадобностью.

Выставка была открыта в середине 1929 года и просуществовала, возможно, до 1930 года. Она была зафотофиксирована[1], в том числе были сделаны фронтальные фото десяти шкафов, использованных в качестве витрин[2].

К ним примыкают также две композиции из раскрытых лежащих книг, поверх которых положена книга с роскошным переплётом, и не-

[1] Инв. № ПФФ-128–129, 131–145 и, предположительно, 146.

[2] Инв. № ПФФ-132–141. Устроители выставки (видимо, учитывая временный статус экспозиции) сохранили в верхней части шкафов таблички с надписями XIX века (с указанием номера шкафа, тематического раздела и порядковых номеров книг в тематическом разделе согласно каталогу конца 1820-х – начала 1830-х годов), не соответствующими тематике экспозиции.

сколько фотографий раскрытых книжных переплётов, сделанных на галерее, ведущей из дворца во флигель[1]. На обороте почти всех фотографий одной рукой фиолетовыми чернилами указаны даты, а часто и место съёмки, и название выставки[2].

В действующей описи фотографий подсобного фотофонда (ПФФ) карандашом указаны автор (Н.Н. Лебедев) и более точная дата: 26 июня 1929 года[3]. Ни одна из музейных выставок этого периода не удостоилась столь подробной фиксации, поэтому нельзя исключать, что планировалось издание каталога.

Однако всё ограничилось выпущенной музеем тематической листовкой. Она не датирована, можно только констатировать, что разрешение Мосгублита на её печать, судя по номеру, было дано значительно позже, чем разрешение на печать других листовок музея, которые вышли в 1928 году[4]. Местонахождение экспозиции в тексте не названо, но в качестве заставки опубликована фотография интерьера именно экспо-

---

[1] Инв. № ПФФ-142–145.

[2] Инв. № ПФФ-128: «Руссо (папье-маше) / Книгохранилище (времен. биб-ка 1929 г. июнь); инв. № ПФФ-129: «вид выставки иностранной книги / организована в июне 1829 г. <…> Книгохранилище (временная биб-ка июнь 1929 г.)» [цифра 9 написана поверх 8]; инв. № ПФФ-131: «Книжная выставка / 1929–1930. / Меблировка Медичи – 17 век»; инв. № ПФФ-132: «Витрина: / Книжные знаки и форзац-/ные бумаги <...> Книго-ще (вр. б-ка июнь 1929 г.)»; инв. № ПФФ-133: «Витрина: / Переплёты 17 в. и / нач. 18 в. <...> / Книг. (вр. б-ка июнь 1929 г.)»; инв. № ПФФ-134: «Витрина: / Англ. издания 18 в. / Баскервиль, Белл, лондонск. / типограф. <...> Книгох-ще (вр. б-ка июнь 1929 г.)»; инв. № ПФФ-135: «Витрина: / переплёты / к. 18 и нач. 19 в.»; инв. № ПФФ-136: «Витрина с книгами, изданными / франц. типогр. Дидо кон. 18 нач. 19 в. / <...> Книгохранилище (врем. б-ка июнь 1929 г.)»; инв. № ПФФ-137: «Витрина: / франц. книги с гравю-/ рами 18 в. / <...> Книгохр. (врем. б-ка 1929 г.)»; инв. № ПФФ-138: «Витрина: / книги с гравюрами 17 в. / <...> Книгохран. (вр. б-ка июнь 1929 г.)»; инв. № ПФФ-139: «Витрина: / италианские книги: Пармская / придворн. типогр. Нач. 18 в. / и шрифты Бодони конц. 18 в. / <...> Книгохранилище (вр. б-ка июнь 1929 г.)»; инв. № ПФФ-140: «Вид витрины с книгами, печа-/танными в 16-17 вв. / <...> Книгохранилище (врем. б-ка июнь 1929)»; инв. № ПФФ-142: «Переплёт Людов. XIV / <…> выставка иностр. книги) / Книгохранилище (врем. б-ка июнь 1929 г.».

[3] В старой описи подсобного фотофонда (ПФФ) они также составляли почти единый комплекс (№ 26–39 и, предположительно, 82).

[4] № 52791 (листовка В.М. Невежиной) и № 15625 (листовка о выставке работ Н. де Куртейля), № 15628 (обзорная брошюра по истории усадьбы), № 24720 (листовка о зале Тьеполо), № 24740 (листовка о картинах Ю. Робера).

Книжная выставка в западном флигеле. Северное крыло.
Шкафы-витрины. 1929 год.
Материалы фотофиксации книжной выставки.
Подсобный фотофонд

зиции во флигеле[1], а в качестве концовки — фото с композицией из трёх лежащих книг, верхняя из которых положена переплётом вверх[2].

То, что мы имеем дело с флигелем, подтверждают некоторые особенности строения перекрытий и окон, заметные на фотографиях. Недавно обнаруженный в музее оттиск фотографии того же помещения, сделан-

[1] Инв. № ПФФ-128.

[2] Оттиск этой фотографии в фондах музея (инв. № ПФФ-144) не имеет подписи, фиксирующей её отношение к выставке. Композицией и ракурсом эта фотография очень близка подписанной фотографии с переплётом Людовика XIV (инв. № ПФФ-142).

Библиотека в западном флигеле. Северное крыло. Общий вид. 1920-е годы

ной, по-видимому, несколько раньше открытия выставки и с несколько иной точки, демонстрирует уходящий от зрителя коридор, фланкированный разделённой окнами стеной справа и рядом тесно поставленных боковыми стенками друг к другу книжных шкафов слева.

Уходящий вправо от зрителя фрагмент коридора позволяет точно установить место выставки (во всяком случае, сфотографированной её части) как северное крыло западного флигеля, а место расположения фотографа — как пространство соединения западного и северного крыльев флигеля. Коридор, идущий направо, — это западное крыло флигеля, выходящее на верх галереи, ведущей во дворец.

На этой галерее недалеко от флигеля (на одних и тех же простых деревянных козлах, в летний период, с одного ракурса и в одно и то же время дня) были сделаны фотографии двух книжных переплётов, не имеющих аналога среди книг в отснятых выставочных шкафах. Однако не исключено, что книги находились в экспозиции на столах или же в последний момент они, раскрытые на титульном листе или на иллюстрации, были помещены в шкафы.

Книжная выставка в западном флигеле. Кабинетный уголок. 1929 год

Кроме шкафов, использовавшихся как витрины для открытых книг и переплётов, в экспозиции был также кабинетный уголок, состоявший из позднейшей имитации мебели XVII века (дивана, стола, двух пар кресел)[1], ковра[2], картины предположительно кисти К. Маратто «Мадонна с младенцем»[3] и двух раскрытых альбомов, идентифицировать которые пока не удалось.

Эта часть экспозиции располагалась в северо-западном углу флигеля, на «изломе» западного и северного крыльев. Поскольку большая

---

[1] Стол (инв. № П-53); два курульных кресла (инв. № П-459–460); два стула (тип скабелла; инв. № П-457–458); кассапанка (инв. № П-455). Предметы мебели поступили из усадьбы Никольское-Урюпино в начале 1929 года после расформирования там музея дворянского быта. Датируются второй половиной XIX века.

[2] Инв. № П-1296.

[3] Б.д. Инв. № 125-Ж; до недавнего времени была атрибутирована как копия с картины Корреджо «Мадонна с младенцем Христом». Рама (инв. № Р-521) поступила из Государственного Эрмитажа в 1928 году. Выражаем глубокую благодарность хранителю фондов мебели, рам и тканей О.М. Фроловой за предоставленные справки об экспонатах.

часть выставленных здесь предметов была включена в фонды музея только в 1928–1929 годах, то кабинетный уголок невольно приобрёл характер выставки новых поступлений.

О том значении, которое придавало выставке руководство музея, свидетельствует тот факт, что к её организации была привлечена Вера Михайловна Невежина (1878–1959) — крупный специалист по истории гравюры, книжной иллюстрации и книги, учёный сотрудник Гравюрного кабинета Государственного музея изящных искусств (ныне Государственный музей изящных искусств имени А.С. Пушкина)[1]. Она стала автором текста упомянутой листовки и, вероятно, разрабатывала концепцию выставки и участвовала в отборе материала. До перевода Гравюрного кабинета в Музей изящных искусств в 1924 году В.М. Невежина более трёх лет была сотрудником библиотеки Румянцевского музея. С 1923 года она возглавляла библиотеку Отделения изящных искусств этого музея и, возможно, уже с этого времени могла быть хорошо осведомлена о составе книжного собрания в Архангельском; в частности, она могла принимать участие в принятии и распределении по отделам той его части, которая была вывезена в главную библиотеку страны в 1920 году. К 1929 году В.М. Невежина была сложившимся специалистом по истории гравюры, в том числе книжной иллюстрации XVIII — начала XX века. Работа над выставкой, а значит — работа с собранием Н.Б. Юсупова, могла представлять для неё немалый профессиональный интерес[2].

Будучи в должности старшего помощника хранителя Гравюрного кабинета, в 1928 году В.М. Невежина непосредственно участвовала в отборе иллюстрированных изданий для Гравюрного кабинета Музея

---

[1] Так, в 1926 году В.М. Невежина участвовала в подготовке в Государственном музее изящных искусств (ГМИИ) выставки «Современная гравюра и литография» и каталога к ней; в апреле 1927 года в издаваемом ГМИИ журнале «Жизнь музея» вышла её статья «Иностранные книги с гравюрами в ГМИИ»; в марте 1928 года в Государственной академии художественного наследия она делала доклад «Французские книги с гравюрами 80-х годов XIX века» (см.: отдел рукописей Государственного музея изящных искусств (ОР ГМИИ). Ф. 26 (В.М. Невежина). Оп. 1. Д. 6: Список научных трудов В.М. Невежиной. 1927–1941. Л. 1).

[2] Отрывочные сведения о работе В.М. Невежиной в Румянцевской библиотеке, Музее современного западного искусства и ГМИИ см.: Эра Румянцевского музея: Гравюрный кабинет: Из истории формирования ГМИИ имени А.С. Пушкина. М.: Красная площадь, 2010. С. 32–33, 95, 294.

изящных искусств[1], что предполагало знакомство со значительной частью музейного книжного собрания de visu. Устройство выставки в Архангельском могло быть для В.М. Невежиной и своего рода компенсацией Архангельскому за вывезенные ценности (в самом музее сотрудников, способных провести такую работу, не было), и актом профессиональной самореализации.

Руководство музея также постаралось выжать из выставки максимум возможного. Так, подготовка выставки стала поводом для того, чтобы задержать отправку в Ленинку около 300 томов[2].

То ли потому, что характеристика отдельных тематических коллекций требовала долгой аналитической работы, на что не было времени, то ли потому, что этот анализ во многих случаях требовал учёта идеологических установок и применения соответствующих речевых клише, а также делал необходимым рискованный в ту эпоху разговор о владельце библиотеки, его интересах и вкусах, устроители выставки выбрали максимально нейтральное с идеологической точки зрения поле: «Оставляя в стороне вопрос о содержании книги, выставка разрабатывает тему внешнего оформления книги, стремится вскрыть её архитектуру, выявляя её типографское лицо, иллюстрации, украшения и переплёт, и ставит своей задачей показать образцы книжного искусства на достижениях западно-европейской книжной продукции с XVI по начало XIX века»[3]. Иными словами, экспозиция была не столько музейной, сколько библиотечной. В структуре выставки не было ничего оригинального; создание подобной постоянно действующей выставки было задумано, к примеру, в Румянцевской библиотеке ещё в период Гражданской войны[4].

---

[1] *Дружинина Е.В.* Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском (Из истории книг, посвящённых театру) // Книга: исследования и материалы. Сб. 68. М.: Книга, 1994. С. 321; Акт от 24 сентября 1928 года о приёме В.М. Невежиной 15 «названий книг» и список этих книг см.: Списки книг, переданных в 1928–1930-х годах в Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ), в ГМИИ имени А.С Пушкина, в антикварный, в музей керамики. Списки утерянных книг. 1944–1945 годы. (ГМУА. Инв. № ФА-81. Л. 23–26). Возможно, она участвовала также в отборе ещё 52 книг, принятых в январе 1929 года её непосредственным начальником, заведующим Гравюрным кабинетом А.А. Сидоровым (Там же. Л. 1–3 об.).

[2] *Фролова О.М.* История музея-усадьбы «Архангельское». С. 51–52.

[3] *Невежина В.М.* [Листовка. С. 1–2].

[4] В черновике «Докладной записки к Отчёту о деятельности Отдела редких книг за 1919 год» его руководитель У.Г. Иваск писал, в частности, о необходимо-

Основное содержание листовки — сухой рассказ, представляющий собой что-то среднее между лекцией и методичкой.

«Выставленный материал распадается на четыре группы:

I. Типографское искусство с XVI по начало XIX века.

II. Графические украшения и иллюстрации книг за этот же период.

III. Книжные переплёты.

IV. Книжные знаки.

В первой группе показаны: 1) книгопечатники XVI века: Альд Мануций, Г. Стефанус, Ле Пре, Кубр, Луфт и другие; 2) типографии XVII века: Парижская королевская типография, Аугсбургская, Амстердамская, Змерен и Бом, Плантеновская, Эльзевировская; 3) типографии XVIII века: а) Италия, Пармская типография, книги, печатанные шрифтами Д. Бодони; б) Англия, издания Д. Баскервиля в Бирмингеме, Д. Бойделя, Л. Бульмера, Д. Бриндслея, Тонсона в Лондоне, Э. Беля в Эдинбурге; в) Франция, издания типографов Дидо. Выставлены образцы композиции титульного листа, расположения шрифта, заглавных букв, типографских марок.

Вторая группа состоит из книг с гравюрами различных техник. Даны те книги, которые сыграли определяющую роль в искусстве книжной графики, особо ярко воплотили стиль эпохи, иллюстрированы выдающимися художниками или снабжены гравюрами в редких состояниях.

Третья группа — книжные переплёты, быть может, центральная в выставке, даёт характерные образцы разнообразных переплётов, начиная с мягких альдовских XVI века из белого пергамента с завязками до подписных переплётов Тувенэна, работавшего в эпоху Реставрации. Представлены немецкие и голландские переплёты из белёной свиной кожи с глубоким тиснением, с надписанными от руки корешками; пере-

---

сти выделения для отдела редких книг изолированного помещения, подобного тому, что выделено для отдела рукописей. «При этом было бы желательно, чтобы помещение это состояло, по возможности, из нескольких смежных комнат. В первой из них надлежало бы поставить витрины и шкафы со стёклами, где могли бы быть выставлены для обозрения посетителей музея наиболее замечательные с внешней стороны издания, худ. переплёты, exlibris'ы, типографские марки, снимки с [1 сл. нрзб.] и т. п.». Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 783 (У.Г. Иваск). Карт. 7. Ед. хр. 46. Л. 1–1 об.; без ссылки на архивное дело цитату из отчёта см.: *Ласунский О.Г.* Удо Георгиевич Иваск // Фёдоровские чтения: 1974: К 50-летию преобразования Румянцевского музея в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина: М., 1976. С. 104.

плёты, изготовленные для Парижской королевской типографии начала XVII века, датированный Лондонский переплёт 1663 года, переплёт в стиле Кловис Ев для Людовика XIII с его инициалами и гербом, переплёты с позолотой пунсонами в стиле Ле Гаскон. В XVIII веке мы находим подписанные работы переплётчиков Паделю, поставщиков Людовиков XIV и XV, переплётные изделия типографий — Пармской, Баскервиля, Дидо, переплёты Дюбьюссон для дочерей Людовика XV и в последнее десятилетие — изящные экземпляры мастерства Бозериана. К переплётам примыкают образчики разнообразно трактованной форзацовой бумаги, как исполненной под мрамор (улитковый мотив, павлинье перо, турникет, мелкие камешки), так и печатанной с деревянных резных досок.

В четвёртой группе книжных знаков показаны экслибрисы и суперэкслибрисы разных выдающихся личностей, надписи издателей, штемпеля»[1].

Экспозиционное решение разработанной выставочной концепции, повторимся, состояло из разделения пространства на две основные части: почти квадратного кабинета и вытянутого в длину книжного зала с фигурой Руссо. Однако, учитывая, что попасть во флигель можно было только по верху галереи (колоннады), соединяющей дворец и флигель, неизбежной и, вероятно, необходимой частью экспозиции были находившиеся в западном крыле флигеля шкафы с книгами, хранящимися традиционно, корешками наружу. Посетитель проходил по западному крылу вдоль собственно библиотеки, затем попадал в кабинетный уголок и далее шёл в северное крыло флигеля, где осматривал экспозицию по обе стороны коридора, в конце концов возвращаясь к повороту и далее, минуя библиотечную часть, — на колоннаду и во дворец. Таким образом, планировавшееся на 1928–1929 годы открытие во дворце «библиотеки, а при ней и… выставки» состоялось, но не в трёх залах дворца, а в трёх условно выделенных пространствах флигеля.

В правой части выставочного «коридора» на столе, как минимум на одном, находилась раскрытая книга. Далее по правой стороне коридора видны библиотечная лампа-торшер и стол со стеклянной витриной.

В левой части коридора 10 шкафов были использованы как витрины для экспонирования книг, в том числе раскрытых. Количество шкафов в этом ряду до прохода налево (он отмечен висящим на шкафу халатом и

[1] *Невежина В.М.* [Листовка. С. 2–4].

фигурой Руссо) в точности соответствует количеству отснятых Н.Н. Лебедевым шкафов. Судя по тому, что в шкафах, находящихся от Руссо сзади и слева, книги, за отдельными исключениями, стоят закрытыми и корешками наружу, именно эти десять шкафов и составляли зафотофиксированное ядро экспозиции.

В восьми шкафах-витринах имелось по четыре полки, в одном три, ещё в одном — пять, и в восьми из них верхние полки (в шкафу с пятью полками — две) были заполнены книгами по библиотечному принципу, то есть корешками к посетителю[1]. По-видимому, они играли роль антуража и не имели связи с тематикой витрины[2]. Нижняя часть шкафов-витрин была закрыта тканью или бумагой, что выделяло их из общего массива шкафов, располагавшихся во флигеле[3], и могло подчёркивать их выставочный статус.

Несмотря на невысокое качество общей фотографии зала и сильно бликующие стёкла, все фронтальные фото раскрытых шкафов могут быть уверенно соотнесены с уходящими вдаль шкафами из экспозиционного ряда на общей фотографии: в каждой паре могут быть уверенно выявлены по нескольку совпадающих характерных деталей.

Порядок шкафов в экспозиции был следующий:

№ п/п	Тематика, согласно записи на обороте фото	Количество экспонатов	Инв. № ПФФ
1.	«Книги, печатанные в 16–17 вв.»	18	140
2.	«Италианские книги: Пармская придворн. типогр. нач. 18 в. и шрифты Бодони конц. 18 в.»	18	139
3.	«Англ. издания 18 в.: Баскервиль, Белл, лондонск. типограф.»	18 и футляр	134
4.	«Витрина с книгами, изданными типогр. Дидо конц. 18 и нач. 19 вв.»	18	136

[1] Единственное исключение — шкаф с итальянскими книгами, где в непрерывный ряд была поставлена одна раскрытая книга. В шкафу с книгами XVI–XVII веков полка осталась пустой.

[2] Единственное вероятное исключение — шкаф с переплётами XVII — начала XVIII века.

[3] К примеру, в шкафах, расположенных в этом ряду за фигурой Руссо, но использовавшихся как библиотечные, нижняя часть не была закрыта.

5.	«Переплёты 17 в. и нач. 18 в.»	11	133
6.	«Книжные переплёты конц. 18 и нач. 19 вв.»	37	135
7.	«Книжные знаки и форзацные бумаги»	43	132
8.	«Книги с гравюрами 17 в.»	18	138
9.	«Франц. книги с гравюрами 18 в.»	16	137
10.	«Гравюра 18 в.»	13	141

Таким образом, хронологический порядок тематических блоков в шкафах-витринах (ближе всего к кабинетному уголку расположены книги XVI–XVII веков) предполагает движение именно по часовой стрелке, слева направо. Тематические блоки в целом совпадают с теми, что указаны в листовке, но при этом они переставлены местами: иллюстрации отнесены в конец экспозиционного комплекса. Мотивы такого решения не совсем понятны. Возможно, это было сделано из внимания к постепенно устававшему посетителю (которому, таким образом, ближе к концу маршрута предлагали более аттрактивный материал). В пользу этой версии говорит и общая структура экспозиции в северном крыле флигеля, состоящей из двух основных частей: ряда книжных шкафов-витрин слева и более разреженной и разнообразной экспозиции справа.

Этот контраст становится более понятным при простом сопоставлении количества книг-экспонатов[1] в левой и правой частях экспозиции. В правой части видны только одна или две раскрытые книги (при самом смелом подсчёте отдельно лежащих книжных экспонатов могло быть не более десятка), а в десяти шкафах левого ряда насчитывается от 13 до 43 книг в каждом, общим числом 210 томов, плюс изготовленный в виде книги футляр для малоформатных изданий.

Обращает на себя внимание крайняя скудость экспозиционного оборудования. Отсутствовали какие бы то ни было подставки, и едва ли не основным способом закрепить книги в раскрытом состоянии были книги меньшего формата, использовавшиеся в качестве подпорок. Также для фиксации листов в раскрытом состоянии эпизодически использовались шпагат и зажимы.

[1] Книги, расположенные на полках традиционно — рядами, корешками к зрителю, мы в данном случае как экспонаты не рассматриваем, поскольку в лучшем случае они представляют собой в каждом шкафу единый нераздельный экспонат.

Ряд шкафов с раскрытыми книгами и продолжающий его ряд шкафов-хранилищ делили пространство северного крыла флигеля по продольной оси приблизительно пополам. Была ли включена в экскурсионный маршрут левая часть северного крыла, неизвестно, однако есть основания в этом сомневаться. Конечно, выставочному ряду книжных шкафов, вероятно, соответствовал параллельный ряд шкафов с обратной стороны. Такая расстановка не только была рациональной с точки зрения доступа к книгам, но и имела аналог в предреволюционной системе размещения книжных шкафов: так, на фотографии И.Н. Александрова, датируемой 1904 годом, видна пара шкафов, поставленных друг к другу тыльными сторонами, и скорее всего они были частью ряда, тянувшегося вдоль всей северной половины флигеля[1]. Однако перенесённые из дворцовой библиотеки 10 000 томов надо было во флигеле где-то размещать (сведений, что их из флигеля к середине 1929 года выносили, на данный момент не обнаружено), и для этого требовалось значительное пространство, особенно если для книг не было достаточного количества шкафов и их приходилось складывать на полу, как было сделано в начале 1928 года.

Каким образом было организовано пространство западного крыла флигеля, через которое посетители попадали в кабинетный уголок и на выставку, можно только предполагать. Вероятно, шкафы располагались в простенках между окнами, а посредине (аналогично тому, как это, вероятно, было сделано в северном крыле флигеля) шёл сдвоенный ряд книжных шкафов, деливший западное крыло на два «коридора», выходивших окнами соответственно во двор и в парк. Разместить как-то иначе упоминавшиеся А.А. Найдышевым 100 шкафов, обеспечив при этом и доступ к ним сотрудников музея, и свободное движение посетителей в сторону северного крыла флигеля, вряд ли было возможно. В таком случае шкафы, расположенные по сторонам прохода, с книгами, повёрнутыми к экскурсантам корешками, должны были хоть в какой-то мере создавать образ усадебной библиотеки, как это было задумано для библиотечной экспозиции во дворце по плану на 1928–1929 годы. Если учесть, что эти шкафы находились во флигеле уже давно (может быть, ещё со времён устройства библиотеки в зале Тьеполо в конце XIX — на-

[1] Фотограф Иван Александров. Виды Москвы. Усадьбы. Особняки модерна / сост. М. Рогозина, А. Петрова. М., 2014 (Коллекция Музея архитектуры имени А.В. Щусева). Т. 2. С. 103. № 73.

чале XX века), то правильнее будет сказать, что они должны были продолжать создавать этот образ. Конечно, ввиду тесноты этот образ не мог в полной мере соответствовать просветительной задаче, поставленной в плане. Не случайно «тема внешнего оформления книги» становилась в проекте безраздельно доминирующей.

Поскольку хорошо заметный на фотографии основной части экспозиции книжный шкаф, «продолжавший» внутреннюю стену северного крыла флигеля, должен был закрывать находившийся в западном крыле проход по «коридору», обращённому окнами во двор, движение посетителей могло происходить только по «коридору», выходящему окнами в парк. Это заставляло посетителей при движении на выставку обязательно проходить через кабинетный уголок. Миновать его было в принципе невозможно.

Вернёмся к листовке. Своей сухостью и научностью (изобилием терминологии и имён при почти полном отсутствии разъяснений, необходимых неспециалисту, или ярких запоминающихся деталей) листовка сильно отличается от четырёх своих предшественниц, выпущенных в 1828 году и представляющих собой или мини-путеводитель, или тематические лекции, в любом случае адресованные массовому и не слишком образованному посетителю.

С другой стороны, это единственная листовка с сильным идеологическим компонентом. Так, автор в начале приводит цитату из речи Ленина на митинге в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 года: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из неё построить социализм; нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство»[1]. Заканчивает же словами: «Драгоценные тома сто лет в большой сохранности дремали на её полках. Выставка призывает их к жизни и, развёртывая перед широкими массами своих посетителей эти памятники культуры человечества, даёт им возможность в полной мере выполнить своё социальное назначение».

Весьма вероятно, что идеологическое насыщение листовки было сделано совершенно не случайно, и листовка, посвящённая выставке книги, была адресована не столько посетителю, сколько сотрудникам музея, должным водить по ней экскурсии, и главное — высокому начальству, от воли которого зависело существование как библиотечной экспозиции во флигеле, так и сохранность книжных фондов, и без того

[1] *Ленин В.И.* Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 38. С. 55.

сильно пострадавших от руководства более могущественных научных и культурных учреждений. Предыдущие листовки были написаны на темы, неотъемлемые от Архангельского, о коллекциях и вещах, которые музей не боялся потерять. Их тексты несут на себе отпечаток этого спокойствия и уверенности в завтрашнем дне. Листовка, посвящённая книжной выставке, иная. Сухость, напряжённость, подчёркнутая научность и одновременно нарочитая идеологичность вступления и заключения (цитата из речи Ленина — единственная на все листовки; фраза о социальном назначении выставленных книжных памятников — единственная в своём роде и в своей прямолинейности) словно фиксируют тот невроз, в котором должны были пребывать руководство музея и его союзники из числа чиновников и интеллигенции, видя постепенно идущее разорение книжной коллекции и надвигающееся исчезновение ценного исторического интерьера.

Конечно, те, кто представляет себе, чем были 1928–1929 годы в истории советских музеев и отечественной культуры в целом, могут совершенно справедливо сказать, что «Архангельское» ещё легко отделалось.

Создание книжной выставки, а не просто библиотечной экспозиции, без сомнения, должно было доказать музейному и партийному начальству ценность книжного собрания «Архангельского» (в том числе для самого музея-усадьбы), способность музея самостоятельно его освоить и предъявить публике. Не имея возможности состязаться с ведущими библиотеками страны в качестве экспозиций по истории книги[1], «Архангельское», создавая книжную выставку, подчёркивало свой самостоятельный, но одновременно и более низкий статус. С другой стороны, в условиях, когда масштабная постоянная книжная выставка при библиотеке имени В.И. Ленина была в 1928 году сокращена до одного зала, предназначенного для временных экспозиций[2], значение выставки в Архангельском выходило за рамки скромной уездной инициативы и аргумента в борьбе за существование.

---

[1] К примеру, на масштабной выставке в Румянцевском музее, открытой в 1923 году, было представлено около 2 000 экспонатов, в том числе не менее полутора десятков одних только инкунабул (*Гарелин Н.* Книжная выставка Государственного Румянцевского музея // Печать и революция. 1923. Кн. 5. С. 131–145).

[2] *Емельянова Е.А.* Музей книги. Архивные документы 1920-х годов об образовании отдела // Румянцевские чтения: материалы международной научной конференции. 11–13 апреля 2006 года / сост. Л.Н. Тихонова. М., 2006. С. 89.

Насколько выставка была замечена публикой и специалистами, судить трудно. Во всяком случае, в просмотренной специальной периодике[1] о ней не сказано ни слова. Однако — вероятно, при участии В.М. Невежиной или А.А. Сидорова — появилась рецензия в иностранной прессе. Её автором был известный коллекционер и искусствовед П.Д. Эттингер. В том же 1929 году он опубликовал рецензию на выставку в приложении «Dichtung und Welt» («Поэзия и мир») к пражской немецкоязычной газете «Prager Presse» (№ 34)[2]. Подчёркнутая комплиментарность текста при минимуме конкретных деталей оставляет открытым вопрос, посетил ли рецензент экспозицию, и создаёт устойчивое впечатление, что текст был написан из профессиональной солидарности с целью привлечь внимание ещё посещавших Советский Союз иностранцев к выставке и усадьбе, дать организаторам возможность отчитаться о международном резонансе и квалифицированном подтверждении высокого качества проделанной работы и продемонстрировать неразрывность владельческой библиотеки и музея.

---

[1] Просмотрены журналы «Московский краевед» за 1929–1930 годы, «Краеведение» (1929) и «Советское краеведение» (1930), «Красный библиотекарь» (1929–1930), «Советский коллекционер» (1929–1930). Остаётся неясным, что означает запись простым карандашом на обороте фотографии кабинетного уголка («стр. 16 / № 15 Библиотек<а?>»).

[2] ОР ГМИИ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19 (В.М. Невежина. «Книжная выставка музея «Архангельское» с приложением вырезки-отзыва П.Д. Эттингера). Л. 3.

Урве Ая

«ПОДАЛЬШЕ ОТ ЦАРЕЙ — ГОЛОВА ЦЕЛЕЙ»: ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ

Одна из тематических групп пословиц — паремии[1], передающие отношение власти и подчинения. В таких пословицах отражается «народный» взгляд на действительность и передаётся оценочная характеристика представителей власти (или власти в целом) с точки зрения социальных классов, не имеющих доступа к ней.

В пословицах выражается отношение как к высокопоставленным должностям, так и к менее значимым. Использованные в пословицах лексические компоненты не всегда отражают общественную реальность: в них встречаются слова, которые к моменту записи пословицы уже вышли из обихода.

Примером этому может послужить параллельное использование в эстонских паремиях титулов «царь» и «король». Несмотря на то что самой ранней фиксацией эстонской пословицы считается запись, сделанная немецким помещиком в 1583 году[2], наиболее активная и целенаправленная деятельность по сбору народного творчества началась в 1870-х годах в рамках деятельности Учёного Эстонского общества. Это было время, когда официальная государственная власть принадлежала русскому царю Александру II. Однако в эстонской лингвокультуре в качестве лексического эквивалента слова «царь» используются как keiser (царь, кайзер), так и kuningas (король). Образы царя и короля представлены в эстонских паремиологических источниках более чем 60 текстами. По историческим данным, образ короля можно связывать с правлением на территории Эстонии королей Польши, Дании и Швеции (до XVIII века), а образ царя — с властвованием русских царей (1721–1918 годы).

Анализируя эстонские и русские пословицы, можно выделить как эквивалентные пословичные тексты, так и тексты со схожим смыслом, но отличающиеся компонентным составом. Так, эквивалентными мож-

[1] Паремия — устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой предложение дидактического содержания.

[2] См.: *Ая У.* Заметки на полях: первые фиксации эстонских пословиц // Михайловская пушкиниана. Вып. 63. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2014. С. 371–375.

но считать пословицы «Jumal kõrges, keiser kaugel»[1] (буквально: «Бог — высоко, царь — далеко») и «Царь далеко, да Бог высоко»[2], которые отражают историческую реальность времени, когда правители находились территориально далеко от народа. В результате синтаксического анализа данных паремий видим, что перестановка компонентов не сопровождается модификацией смысла: в обоих случаях образно говорится о том, что человек остаётся один со своими трудностями, а правители далеки от реальных проблем народа. В другом же случае в пословицах обоих народов царь прямо сопоставляется с Богом: русское «Царь — от Бога пристав»[3] и эстонское «Keiser on jumala järgmine»[4] (буквально: «Царь — следующий за Богом»). Сравнение царя с Богом свидетельствует, наряду с уже приведённым обоснованием, о том, что царь представлен земным Богом, в котором соединилось божественное и человеческое право[5].

В эстонских пословицах нет чёткой последовательности в употреблении титула власти. Понятия «царь» и «король» используются как взаимозаменяемые синонимы, о чём свидетельствует пословица «Kuningas kink sada ruublit, kätte saa kopek»[6] (буквально: «Король подарит сто рублей — получишь копейку»). Здесь мы видим, как языковая реальность отличается от реальности общественной, видим, как в одном тексте объединены титул власти в монархическом государстве — король — и денежные знаки другого государства, в данном случае царской России. Причиной такого переплетения образов разных исторических эпох можно называть языковую память: действуя в реальном мире, человек опирается на те реалии, которые в социальной среде были когда-то в прошлом. Такая связь времён отражается также в высказывании, которое включено в академический словарь эстонских пословиц: «Nii palju on veel rootsi õigust järele, et kui maha kukkud, siis võid oma lubaga ülesse

---

[1] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 497.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 414.

[3] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 190.

[4] *Hussar A., Krikmann A.,Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 650.

[5] *Снегирёв И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1996. С. 347.

[6] *Hussar A., Krikmann A.,Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 827.

tõusta»[1] (буквально: «Столько ещё от шведского права осталось, что, если упадёшь, имеешь право сам встать»).

Ироническое отношение к роскошной жизни царя/короля передаётся в эстонских паремиях упоминанием масла и булки, символизирующих достаток: «Keiser sööb jõulus sulavõid ja saiasisu»[2] (буквально: «Царь ест на Рождество топлёное масло и мякиш булки»). Пословица берёт своё начало из народной байки, в которой обсуждается, чем занимается государь в сочельник, и предполагается, что он окунает холодный жир в горячий, спит под двумя одеялами и т. п.[3] Согласно таким крестьянским наивно-фольклорным стереотипам, жизнь богатых людей — одно веселье. Сама история довольно продуктивная, вариантов текста имеется по крайней мере двенадцать. В основном это диалогичная речь жителей острова или других периферийных территорий, в которой обсуждается хорошая жизнь царя или короля.

Если в эстонских пословичных текстах доминирующей является нейтральная или ироническая оценка образа государя, то в русских пословицах видим противоречивое отношение народа к высшему титулу власти. Так, царь представляется, с одной стороны, милостивым: «Царь милостив, да милости его проходят сквозь боярское решето»[4], а с другой стороны — грозным: «Грозен царь, да Бог милостив»[5]; ему в одном случае нужна, а в другом случае не нужна правда: «Царю правда нужна» — «Царю правда не нужна»[6]. Тем не менее прослеживается общее понимание необходимости царя в государстве: «Грозно, страшно, а без царя нельзя», «Без царя земля — вдова»[7], «Без царя народ

---

[1] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad II. Tallinn, 1983. С. 837.

[2] *Hussar A., Krikmann A.,Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 650.

[3] *Krikmann A.* Sissevaateid folkloori lühivormidesse I. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. С. 63.

[4] *Снегирёв И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1996. С. 444; Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. С. 324.

[5] *Снегирёв И.* Русские народные пословицы и притчи. М.: Университетская типография, 1848. С. 78.

[6] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 191.

[7] Там же. С. 190.

сирота»[1]. И. Снегирёв отмечает, что по большей части русские старинные пословицы о царе основываются на слове Божием и не только «упоминают о хуле на власть, но даже свидетельствуют о всенародной молитве за государя»[2]: «Царя не всяк видит, а всяк за него Бога молит»[3].

Однако образ царя или короля не всегда использован для обозначения государственного правителя. Для эстонской лингвокультуры характерна ассоциативная связь понятий «король/царь» с понятием чего-либо существенного, важного, значимого, нужного. Например: «Oma silm on kuningas»[4] (буквально: «Свой глаз — король») в значении «Самым достоверным является то, что сам видишь или испытаешь», «Karjapoiss on kuningas»[5] (буквально: «Пастушонок — король»), «Pimedate seas on ühe silmaga mees kuningas»[6] (буквально: «Среди слепых одноглазый — король»).

Последний приведённый пример известен многим европейским культурам. Эразм Роттердамский записывает подобное высказывание в «Адагии» на латинском языке в форме «Inter caecos, regnat strabus»[7] (буквально: «Среди слепых косоглазый — король»). В сборнике английских пословиц XVI–XVII веков мы встречаем её уже в форме «He that has one Eye is a king among the blind»[8] (буквально: «У кого один глаз, тот король среди слепых»).

---

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 570.

[2] *Снегирёв И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1996. С. 348.

[3] Там же. С. 445.

[4] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad II. Tallinn, 1983. C. 529.

[5] *Hussar A., Krikmann A.,Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. C. 600.

[6] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad II. Tallinn, 1983. C. 688.

[7] *Baker, William.*. The Adages of Erasmus. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press Inc., 2001. P. 276.

[8] *Tilley, Morris Palmer.* A Dictionary of the Proverbs in England in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. A Collection of the Proverbs Found in English Literature and the Dictionaries of the Period. Ann Arbor: University of the Michigan Press, 1950. P. 194.

В русском языке к данной пословице существует множество синонимичных вариантов, например, «На безлюдье и Фома дворянин»[1]; «Впотьмах и гнилушка светит»[2]; «На безрыбье и рак рыба»[3]. Но, наряду с этим, встречаем и пословицу «В слепом царстве кривой — король»[4]. Учитывая, что использованное в записях Э. Роттердамского прилагательное «косоглазый» имеет в русском языке синонимы «косой», «кривой», «одноглазый», то можно угадать алгоритм происхождения русской пословицы. Анализируя употребление в ней лексических компонентов, видим, что здесь происходит смешение употребления лексики и название формы государства — царство — расходится с названием его правителя — король.

Представители властных структур, отображённые в пословицах, — это также люди меньшего чина, но имеющие власть над определённой группой людей. Надо отметить, что в русском языке это — барин и чиновник, в то время как в эстонском языке их перечень включает, помимо названных, всех работников поместья, которые управляли крестьянином, то есть приказчиков, надсмотрщиков и амбарщиков.

У обоих народов образ барина/помещика противопоставляется мужику/крестьянину. Барином в русской лингвокультуре называют господина,

---

[1] *Снегирёв И.* Русские народные пословицы и притчи. М.: Университетская типография, 1848. С. 411; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 65; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 683; *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 66; *Спирин А.С.* Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского-на-Дону государственного университета, 1985. С. 61; Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. С. 190.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 361; Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. С. 50.

[3] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 73; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 57; *Соболев А.И.* Народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1956. С. 35, 107; Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону, 1985. С. 61; *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 156.

[4] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. С. 197.

дворянина, иногда всякого человека, на кого другой служит, в противопоставление слуге или служителю[1]. В эстонских пословицах образ барина соответствует образу помещика или мызника. В XVI веке в Эстонии стали доминировать поместья. Поместья были основаны на земле крестьян, которых целыми посёлками отодвигали в лесное угодье или на окраины. Это углубляло противостояние между помещиками и крестьянами, что и находило отражение в пословицах[2]. В лексическом выражении мы встречаем две единицы: mõisnik — «помещик» и разговорную форму saks — «барин, господин». Само слово saks означает человека, относящегося к более высокому слою общества или более богатого. В ливском и карельском языках, родственных эстонскому, saks определяется соответственно как «немецкий владелец поместья» или «богатый человек»[3].

Характеристика барина передаётся в русских пословицах чаще всего через его поступки, поведение, действия или же через отношение подчинённых к нему, например: «Барин берёт горлом, мужик горбом»[4]; «Барин в поле полюет, а мужик в поле горюет»[5]; «На бар не угодишь: чем ни навоняй, всё неладно»[6].

Использованная в эстонских пословицах экспрессивно-оценочная характеристика помещика отражает, с одной стороны, безысходность и примирение с ситуацией, с другой стороны — злобу, некое высокомерие и упрямство: «Enne kauvad hundid, siis mõisnikud»[7] (буквально: «Сначала переведутся волки, потом помещики»), «Santi ei põlga, saksa ei pelga»[8] (буквально: «Не презираю нищего, не боюсь барина»), «Siga ja saks — nemad on üks»[9] (буквально: «Барин и свинья — одно и то же»),

---

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 49.

[2] *Talve I.* Eesti kultuurilugu. Tartu: Ilmamaa, 2004. С. 92.

[3] *Metsmägi I., Sedrik M., Soosaar S.-E.* Eesti etümoloogiasõnaraamat. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012. С. 457.

[4] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 379.

[5] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 973.

[6] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 2. С. 388.

[7] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 314.

[8] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad III. Tallinn: Eesti Raamat, 1985. С. 34.

[9] Там же. С. 17.

«Mis nüüd saksa haigusest rääkida, peer põigiti perses, kohe haigus käes»[1] (буквально: «Что о господской хвори говорить: пердёж стал поперёк задницы — сразу и болен»).

В противопоставлении с барином вырисовывается картина многотрудной жизни крестьянина — с него берётся последнее, он должен обойтись малым, в то время как барину остаётся самое лучшее: «Töö on mede, saaks sakste»[2] (буквально: «Работа наша — урожай господский»), «Tee tööd ja maksa raha, maatükk jääb herrale»[3] (буквально: «Работай и плати деньги, земля останется барину»), «Kus mägi, seal mõis, kus küngas, seal kõrts, talud soo ja raba sees»[4] (буквально: «Где гора, там мыза; где пригорок, там кабак; хутора в болотах и топях»).

Кроме помещика крестьянином управляли приказчик и надсмотрщик, определённую власть имел и амбарщик: «Kubjas mõisas kuningaks, saks jumalaks»[5] (буквально: «Приказчик на мызе король, а барин — бог»), «Laisast saab hea kubjas ja vargast hea rehepapp»[6] (буквально: «Из лентяя выйдет хороший приказчик и из вора хороший надсмотрщик на молотьбе»), «Aidamees ja rott ei sure nälga»[7] (буквально: «Амбарщик и крыса голода не знают»). В русских пословицах такого плана представлен лишь образ приказчика, которого характеризуют исключительно как вора: «Приказчик — грош в ящик, пятак за сапог»[8], «Один приказчик — один вор, два приказчика — два вора»[9].

---

[1] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 14.

[2] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad III. Tallinn: Eesti Raamat, 1985. С. 455.

[3] Там же. С. 443.

[4] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad II. Tallinn, 1983. С. 379.

[5] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 816.

[6] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad II. Tallinn, 1983. С. 81.

[7] *Hussar A., Krikmann A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R.* Eesti vanasõnad I. Tallinn, 1980. С. 113.

[8] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 121; *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 416.

[9] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 2. С. 32; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 243.

В группу пословиц, отражающих отношения власти и подчинения, входят также пословицы о чиновниках. Чиновник, согласно В.И. Далю, — это служащий государю и жалованный чином[1]. Согласно пословицам, в чин можно попасть по хитрости, человек же, имея этот пост, наслаждается своей властью во благо себе и во вред другим: «Кто в чин попал лисой, [тот] в чине будет волком»[2]. Однако большее количество пословиц о чине включены в сборники пословиц, вышедших в середине или во второй половине XX века. Здесь чин толкуется как человек, который занимает административную должность, чиновник, служащий, а также общественное положение человека, обусловленное родом его занятий[3]. В пословицах образно говорится о непорядочности, тщеславии и честолюбии чиновников: «Чин ангельский, да ум дьявольский»[4], «Во всяком чину есть по сукину сыну»[5], «Маленький чиновник хуже лихорадки»[6]. В эту же группу можно включить также пословицу «Подальше от царей — голова целей»[7], где использование титула «царь» во множественном числе приводит к смене лексического значения и толкуется в пословице как «начальник». Пословицы о чинах являются безэквивалентными единицами, не имеющими параллелей в эстонском языке.

Как мы видим, пословицы передают противоречивое отношение народа к власти. С одной стороны, выражается недовольство своим положением, постоянным гнётом; с другой стороны, осознаётся безысходность и трудности воспринимаются как неотъемлемая часть крестьянской жизни. Положительное или нейтральное отношение мож-

---

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 587.

[2] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. С. 37; *Разумов А.А.* Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М.: Детгиз, 1957. С. 95; Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. С. 147.

[3] Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы: свыше 15 000 существительных / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. С. 704.

[4] *Танчук В.* Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986. С. 163.

[5] *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 152.

[6] Там же. С. 150; Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. С. 173.

[7] *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. С. 63.

но наблюдать в пословицах о царе. Здесь, особенно в русских пословичных текстах, отражается покорность, примирение, порой и оправдание поступкам или бездействию царя. Однако если царь далеко и ему многое прощается, то меньшим чинам дана более негативная оценка. Это особенно видно в эстонских пословицах, в которых используются эмоционально-экспрессивные образы, указывающие на резко отрицательную оценку управляющих.

С точки зрения лексических компонентов, использованных в пословицах данной тематической группы, следует отметить, что в обоих языках отмечается смешение употребления слов разных форм государственного устройства или же обозначающих явления в истории государства и не отражающих современные реалии.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Ая Урве Юловна — Magister Artium, заведующая учебной частью Нарвской Кренгольмской гимназии (Нарва, Эстония).

Боленко Константин Григорьевич — кандидат исторических наук, заведующий сектором редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Москва).

Вострикoв Алексей Викторович — заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов» научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Жучков Константин Борисович — кандидат исторических наук, учёный секретарь Пушкинского Заповедника (Псковская область).

Зубков Николай Николаевич — главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино (Москва).

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, хранитель музея-усадьбы «Петровское» (Пушкинские Горы, Псковская область).

Морева Ольга Викторовна — заведующая сектором книжных памятников отдела редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского (Екатеринбург).

Панченко Елена Залковна — главный библиограф Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, отдел Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург).

Полосина Алла Николаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская область).

Симонова Вера Михайловна — кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Субботина Елена Валерьевна — хранитель книжного фонда Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Узенёва Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музея-усадьбы «Михайловское» (Псковская область).

Хмелевских Ирина Васильевна — кандидат искусствоведения, независимый исследователь (Марли Ле Руа, Франция).

Содержание

Людмила Беляева

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО].....3

I. Материалы научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»
«Библиотечное пространство в традициях русской усадьбы»
(22–24 апреля 2016)

Елена Субботина

ЛИЦЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА.
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БЫТОВАНИЯ.....5

Юлия Узенёва

К ВОПРОСУ ОБ УСАДЕБНЫХ БИБЛИОТЕКАХ ДВОРЯН
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.
Обзор сведений о составе усадебных библиотек
псковского дворянства.....17

Алла Полосина

«НО ЛУЧШЕ ВСЕГО У ПУШКИНА — ЕГО ПРОЗА».
Книги Пушкина и о Пушкине в библиотеке Л.Н. Толстого.....24

Ирина Хмелевских

АРХИВНЫЙ СПИСОК ГОЛЛАНДСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ КНИГ
ИЗ КАБИНЕТА ПЕТРА I.
Итоги реконструкции (по материалам Российского
государственного архива древних актов).....35

Николай Зубков

ИСКУССТВО КНИГИ И ИСКУССТВО ИНТЕРЬЕРА 46

Ольга Морева

«ЧИТАЮТ В МЕДВЕЖЬИХ УГЛАХ МНОГО»:
ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....53

Елена Панченко

ЦВЕТЫ И КНИГА.
О гербарии в «Московских ведомостях»
из библиотеки Санкт-Петербургского института истории.....65

Алексей Востриков

ПЕРЕЕЗД БИБЛИОТЕКИ БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСОВ (1900)
В ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ.....77

Константин Жучков

АНГЛИЙСКИЙ ШПАГАТ, ФАНЕРА, РОГОЖНЫЕ КУЛИ:
КАК ВЫВОЗИЛИСЬ ДВОРЯНСКИЕ БИБЛИОТЕКИ
В 1918 ГОДУ 90

Константин Жучков

ДВОРЯНСКИЕ БИБЛИОТЕКИ, ВЫВЕЗЕННЫЕ
МОСКОВСКИМ БИБЛИОТЕЧНЫМ ОТДЕЛОМ В 1918 ГОДУ.....104

Константин Боленко

В ТЕНИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ:
ОБСТАНОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС БИБЛИОТЕКИ Н.Б. ЮСУПОВА
ВО ДВОРЦЕ-МУЗЕЕ (МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ) «АРХАНГЕЛЬСКОЕ»
В ПЕРИОД С 1918 ПО 1980-е ГОДЫ 127

II. Материалы научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»
«Цветы, любовь, деревня, праздность…»
(20–23 апреля 2017)

Алла Полосина

А.С. ПУШКИН И Л.Н. ТОЛСТОЙ О ЦВЕТАХ, ЛЮБВИ, ДЕРЕВНЕ И ПРАЗДНОСТИ 147

Елена Панченко

«У НИКОЛАЯ КИРИЛОВА КУР 1815 ГОДА»: ЗАПИСИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯИНА НА ФОНЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ 161

Ирина Хмелевских

ИМЕНИЯ И АЛЬБОМЫ ГЕРЦОГА д'АНТЕНА 171

Елена Субботина

«СЛОВО О СВОЙСТВАХ И ПОЛЬЗЕ РАСТЕНИЙ» П.Д. ВЕНЕВИТИНОВА.
К истории одного конволюта из библиотеки М.Н. Лонгинова 178

Урве Ая

ФИТОТЕРАПИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОСЛОВИЦ: СОВЕТЫ И ЗАПРЕТЫ.....194

III. Материалы научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»
«Любовь к родному пепелищу»
(26–29 апреля 2018 года)

Любовь Козмина

КНИГА «ИСТОРИЯ АБИССИНИИ, ИЛИ ЭФИОПИИ»
ИЗ БИБЛИОТЕКИ А.П. ГАННИБАЛА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....203

Вера Симонова

«И ПАМЯТЬ, И ПРЕДАНЬЕ О БЫЛОМ…».
КНИГИ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ
ИЗ СОБРАНИЯ З.И. ЮСУПОВОЙ.....211

Елена Панченко

БИБЛИОТЕКА В ПОЛЯНКАХ
И КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ РОДА ЛИХАЧЁВЫХ.....223

Елена Субботина

СВИДЕТЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ.....235

Константин Боленко

ОТСТУПАЯ, НО НЕ СДАВАЯСЬ:
КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА ВО ДВОРЦЕ-МУЗЕЕ
«АРХАНГЕЛЬСКОЕ» В 1928–1929 ГОДАХ.....244

Урве Ая

«ПОДАЛЬШЕ ОТ ЦАРЕЙ — ГОЛОВА ЦЕЛЕЙ»:
ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЯ
В ПОСЛОВИЦАХ.....263

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана».....272

Для записей

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 72

ЧИТАТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

МАТЕРИАЛЫ
научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»
(2016—2018)

Руководитель издательских проектов Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Корректор Т.П. Николаева
Компьютерная вёрстка: Л.В. Павлова

На первой странице обложки:
М.П. Гервиц. Кабинет Пушкина в Михайловском. 1972.
Из фондов Пушкинского Заповедника

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, сельцо Михайловское

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 07.06.2019. Формат 60x88 1/16.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Объем 17,5 печ. л.
Заказ № 360. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
180004, Псков, ул. Ротная, 34